

СВОБОДНАЯ МЫСЛЬ

ЧИТАЙТЕ В НОМЕРЕ:

2015
№ 5 (1653)

Николай Рыжков
Мир и энергетические ресурсы

Михаил Делягин
Почему элиты предают
свои народы? Особенности
либерального сознания

Сергей Черняховский
Самозванцы
либерализма. Идеология
«золотой рыбки»

Современный российский либерализм.
Происхождение, сущность
и историческое значение

Александр Тарко
Обратная сторона
роста

Александр Вебер
Социальная справедливость
и развитие

Илья Левяш
Терроринтерн: lex talionis
или знак глобальной беды

Камалудин Гаджиев
О новой правой
альтернативе

Вахтанг Сургуладзе
Классовый аспект
национального самосознания

Дмитрий Давыдов, Леонид Фишман
Грядущее рентное общество

Алиса Толстокорова
Мы, дети Галактики.
Типы модальной
личности в эпоху
глобализации

Наиля Яковлева
Индустрия туризма
в преодолении
кризисных явлений.
Опыт Португалии

Наталья Авдонина
Исполнившие
интернациональный долг

Издается с 1924 года

СВОБОДНАЯ МЫСЛЬ

2015
№ 5 (1653)

СОДЕРЖАНИЕ

THEATRUM MUNDI

МИРОВАЯ АРЕНА

Николай Рыжков

Мир и энергетические ресурсы 5

Подробный анализ показывает исключительную значимость энергоресурсов, и в первую очередь нефти, для современного человечества и для его обозримого будущего. Рассматривается развитие нефтяной отрасли нашей страны с момента начала использования нефти и до наших дней. Подробно проанализированы современное состояние мирового и российского топливно-энергетического комплекса и его значение для международной политики. Сделан убедительно обоснованный вывод о том, что современный мир живет в условиях глобальной энергетической войны.

PRO ET CONTRA

ЗА И ПРОТИВ

Михаил Делягин

Почему элиты предают свои народы?
Особенности либерального сознания 27

Глобализация меняет соотношение сил на мировой арене, систему ценностей и мотиваций. В результате национальные элиты предают интересы своих народов и переходят на службу глобальному бизнесу. Этот процесс лишает человечество возможности развития. Выход заключается в отказе от глобального капитализма в пользу технологического социализма. Для успешного противостояния либерализму надо осознать специфику сознания современных либералов.

Современный российский либерализм
Происхождение, сущность и историческое значение 45

Материалы совместного заседания Интеллектуального клуба «Свободная Мысль» и Изборского клуба. Стремление к свободе и протест против угнетения переродились в попытку разрушить любую власть как таковую. Современные либералы сражаются против своих народов в интересах глобального бизнеса. Они являются примером сознательного и самого страшного предательства в истории человечества. Участники «круглого стола» обсуждают причины и перспективы этого перерождения.

**Главный редактор —
МИХАИЛ ДЕЛЯГИН**

Издатель — ООО «Политиздат».

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

ДЕЛЯГИН Михаил Геннадьевич

(главный редактор)

ГЕНДЕЛЕВ Александр Николаевич

(первый заместитель

главного редактора)

АНТИПОВ Алексей Иванович

АУРОВ Олег Валентинович

БУШУЕВ Валерий Геннадьевич

ПОНОМАРЕВА Елена Георгиевна

СИБИРЯКОВ Никита Николаевич

СМИРНОВ Михаил Александрович

СМОЛИН Олег Николаевич

ШЕЯНОВ Вячеслав Владимирович

Журнал издается с апреля 1924 года. Выходил под названиями «Большевик» (1924—1952) и «Коммунист» (1952—1991).

С 1991 года журнал является независимым международным общественным изданием и выходит под названием «Свободная Мысль».

Свидетельство о регистрации журнала ПИ № ФС77-52266 выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций 28 декабря 2012 года.

Адрес редакции: 105064, Москва, Яковлевопостольский пер., д. 6, стр. 3.

Тел. / Факс: (495) 917-8178.

E-mail: admin@svom.info

Журнал отпечатан в ООО «Типография «Гарт».

Адрес типографии: 105082 Москва, М. Почтовая ул., д. 12.

Заказ № .

Группа подготовки номера:

Б. А. Азаров, О. В. Ауоров,

В. Г. Бушуев, А. А. Лебедева,

Е. Б. Любова-Пшеницына,

А. Н. Немов, В. И. Сидорова.

**Издается при содействии
Фонда ИСЭПИ**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

СМОЛИН

Олег Николаевич —
председатель редакционного
совета, д. ф. н., первый
заместитель председателя
Комитета Государственной
Думы по образованию,
член-корреспондент РАО

АГЕЕВ

Александр Иванович —
д. э. н., профессор, академик
РАЕН, генеральный директор
Института экономических
стратегий Отделения обще-
ственных наук РАН

БУЗГАЛИН

Александр Владимирович —
д. э. н., профессор МГУ
им. М. В. Ломоносова

ВОРОЖЦОВ

Владимир Петрович —
д. ф. н., первый заместитель
председателя Российского
комитета защиты мира

ГАВРИЛОВ

Сергей Анатольевич —
к. э. н., председатель
Комитета Государственной
Думы РФ по вопросам
собственности

ГЛАЗЬЕВ

Сергей Юрьевич —
д. э. н., академик РАН,
советник Президента РФ
(в личном качестве)

ДЕВЯТОВ

Сергей Викторович —
д. и. н., профессор, заведующий
кафедрой истории России
XX—XXI веков Московского госу-
дарственного университета
им. М. В. Ломоносова

ДЕЛЯГИН

Михаил Геннадьевич —
д. э. н., академик РАЕН,
директор Института проблем
глобализации (ИПРОГ)

КОЛГАНОВ

Андрей Иванович —
д. э. н., профессор Московского
государственного университета
им. М. В. Ломоносова

КОЭН Стивен

— профессор Нью-Йоркского
университета, почетный
профессор Принстонского
университета (США)

КБЕЗА Джульетто —
писатель, общественный
деятель (Италия)

Сергей Черняховский

Самозванцы либерализма.

Идеология «золотой рыбки» 69

Восстанавливается исторический смысл термина «либерализм» в его партнерстве с коммунизмом и противостоянии консерватизму и традиционализму. Протест российского общества против либералов вызван их изменой либеральным идеалам. Сегодняшние российские либералы являются «квазилибералами», которые в силу своей неприимой враждебности обществу должны быть изгнаны из всех сфер общественной жизни.

QUO VADIS?

КАМО ГРЯДЕШИ? КУДА ИДЕШЬ?

Александр Тарко

Обратная сторона роста

Современные структурные экономические кризисы
и пути их преодоления 81

Исследованы особенности возникновения и развития структурных экономических кризисов. Проанализированы теории структурных кризисов О. В. Григорьева, М. Л. Хазина и модели кризисов И. Г. Поспелова, А. М. Тарко, В. Н. Новохацкого. Одной из причин современного кризиса признается инновационное развитие и научно-технический прогресс в замкнутой мировой экономической системе.

Александр Вебер

Социальная справедливость и развитие 95

Автор доказывает, что социальная справедливость является не препятствием, а неперемным условием экономической эффективности. Неравенство возможностей сдерживает развитие, препятствуя полноценному участию многих в экономической жизни. Крайнее неравенство отрицательно коррелирует с показателями ожидаемой продолжительности жизни, здоровья нации, образовательного уровня, доступности других базовых социальных услуг, ему чаще сопутствуют низкие или отрицательные темпы экономического роста. Эффективное перераспределение общественного продукта повышает продуктивность экономики.

STATUS RERUM

ПОЛОЖЕНИЕ ДЕЛ

Илья Левяш

Терроринтерн: lex talionis или знак глобальной беды

Феноменология террора 109

Терроризм рассматривается как один из древнейших архетипов и экстрема войны. В предельно обобщенном виде можно утверждать, что терроризм является аномальным продуктом перманентных кризисов в фундаментальной триаде «культура — цивилизация — варваризация». Статья посвящена анализу феноменологии и антропологии террора.

Камалудин Гаджиев

О новой правой альтернативе 127

В статье предпринята попытка дать анализ комплекса ценностей, идей и установок партий и движений новой правой ориентации, противопоставляемых позициям партий и движений, которые подрывают традиционные устои и институты европейской иудео-христианской цивилизации. Показано, что рост популярности и влияние новых правых во многих европейских странах и США являются одним из ответов на новые вызовы общественно-политической системе современного Запада.

Вахтанг Сургуладзе

Классовый аспект национального самосознания

От аббата Сийеса до Иосифа Сталина 139

В статье анализируется процесс формирования классового понимания нации, пришедшего на смену легитимистской идентичности, характерной для эпохи Старого порядка. Прослеживается эволюция представлений о классовом содержании национального самосознания. Делается вывод о том, что концепции нации, разрабатывавшиеся теоретиками марксизма, имеют особую актуальность для многонациональных государств.

MODUS VIVENDI

ОБРАЗ ЖИЗНИ

Дмитрий Давыдов, Леонид Фишман

Грядущее рентное общество 151

В статье рассматриваются перспективы современного капиталистического общества. Обосновывается гипотеза о том, что современный капитализм постепенно вырождается в рентное общество, в котором отмирают предпринимательский дух и трудолюбие. Предполагается, что рентное общество может быть как устойчивой формацией, так и переходной стадией от капитализма к новым формам социализма.

Алиса Толстокурова

Мы, дети галактики

Типы модальной личности в эпоху глобализации

(эффект международной географической мобильности) ... 165

Статья посвящена выявлению и анализу новых типов модальной личности, порождаемых процессом глобализации и международной географической мобильности. На основе анализа вторичных теоретических источников выявлены типы модальной личности эпохи глобализации: «человек глобальный» — «Homo globalis», «человек дигитальный (цифровой)» — «Homo digitalis», «человек потребляющий» — «Homo consumens» и «человек мобильный» — «Homo mobilis». Последний, в свою очередь, представлен такими разновидностями, как глобальный бедняк, глобальные старики, глобальная женщина и глобальная мать, глобальный ребенок.

TERRA INCOGNITA

НЕИЗВЕДАННАЯ ЗЕМЛЯ

Наиля Яковлева

Индустрия туризма в преодолении кризисных явлений

Опыт Португалии 177

Рассмотрена роль туризма в стратегии португальских властей по преодолению последствий мирового кризиса. Выявлено, что туризм наряду с интенсивным развитием промышленного и аграрного секторов и экспортной экспансией явился одним из важнейших факторов улучшения экономической ситуации. Особое внимание уделяется международному туризму. Рассматриваются причины роста отрасли, приводится статистика валютных поступлений, анализируется состояние российского туризма в Португалию.

НЕКИПЕЛОВ

Александр Дмитриевич — д. э. н., академик РАН, директор Московской экономической школы МГУ им. М. В. Ломоносова

ОВЧИНСКИЙ

Владимир Семенович — д. ю. н., заслуженный юрист РФ, вице-президент Союза криминалистов и криминологов

ПОНОМАРЕВА

Елена Георгиевна — д. п. н., профессор кафедры сравнительной политологии МГИМО(У) МИД РФ, президент Международного Института развития научного сотрудничества (МИРНАС)

СТЕПАШИН

Сергей Вадимович — д. ю. н., председатель Императорского Православного Палестинского Общества

СУНДИЕВ

Игорь Юрьевич — д. ф. н., вице-президент Российской криминологической ассоциации

ТОРКУНОВ

Анатолий Васильевич — д. п. н., академик РАН, ректор Московского государственного института международных отношений (Университет) МИД РФ

ТУРЧИН

Петр Валентинович — профессор Университета Коннектикута, вице-президент Института эволюции (США), научный сотрудник Школы социальной антропологии Оксфордского университета (Великобритания)

ФУРСОВ

Андрей Ильич — к. и. н., член Международной академии наук (Инсбрук)

ФЭН Шаолей —

декан, профессор Школы международных и региональных исследований (SALAS) Восточно-Китайского педагогического университета; директор Центра российских исследований Восточно-Китайского педагогического университета (Китай)

ЭСКИНДАРОВ

Михаил Абдурахманович — д. э. н., ректор Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, профессор, член-корреспондент РАО

ТРЕБОВАНИЯ К РУКОПИСЯМ

Журнал входит в число ведущих научных изданий. Согласно ФЗ от 29.12.2010 № 436-ФЗ журнал «Свободная Мысль» относится к категории информационной продукции для детей, достигших возраста шестнадцати лет.

Авторам, направляющим свои статьи в журнал, рекомендуется придерживаться следующих правил оформления:

Формат рукописи

Рукопись представляется в редакцию в электронном виде в формате *Word для Windows*. Шрифт *Times New Roman*, с размером не менее № 12. Межстрочный интервал — полупрозрачный. Объем статьи не должен превышать одного авторского листа (то есть 40 тысяч знаков, включая пробелы). Объем рецензий — до 1/2 авторского листа. Ссылки оформляются в виде суммируемых сносок в конце каждой страницы. Автор публикации отвечает за точность приведенных цитат и ссылок на использованные источники и литературу.

Материалы в обязательном порядке должны содержать краткие аннотации и ключевые слова на русском и английском языках. Информация о материалах после их публикации в таком виде регулярно предоставляется по установленной форме в систему Российского индекса научного цитирования.

Формат таблиц и иллюстраций

Таблицы встраиваются в текст статьи. При этом они должны иметь заголовки, размещаемый над табличным полем. Иллюстрации предоставляются *отдельно* в форматах: для растровых объектов — *tif, psd* или *jpg* (без увеличения оригинала) с разрешением не менее 200 dpi; для векторных объектов — *eps, pdf, ai*. Графики и диаграммы, сделанные в *MS Excel*, предоставляются в формате исходной программы. Для каждого рисунка необходима подрисовочная подпись. *Не принимаются для публикации иллюстрации в формате Microsoft Word*. При использовании в статье нескольких таблиц или рисунков обязательна их сквозная нумерация.

К статье обязательно прилагаются сведения об авторе: Ф.И.О. (полностью), место работы, должность, ученая степень и данные для связи (адрес, номер телефона, электронный адрес).

Рукописи, не соответствующие указанным требованиям, редакцией не рассматриваются.

Статьи подлежат обязательному рецензированию по параметрам теоретической и практической значимости и стилистики.

Точка зрения авторов не обязательно отражает мнение редакции.

При перепечатке и цитировании ссылка на журнал обязательна. С авторов плата за опубликование их материалов не взимается.

Приоритетным правом для публикации своих материалов обладают подписчики журнала.

Материалы направлять по адресу: admin@svom.info

PRO MEMORIA

ДЛЯ ПАМЯТИ

Наталья Авдонина

Исполнившие интернациональный долг

Образ «афганца» в советских средствах

массовой информации 189

Проанализировано изменение нарратива о солдатах и ветеранах, прослежено взаимопроникновение политического и массмедийного дискурсов о войне в Афганистане (1979–1989). В течение пяти лет «неизвестные» солдаты участвовали в «неизвестной» войне и получили доступ к публичному дискурсу после 1986 года. С этого времени началось «открытие войны» для общества. Риторика СМИ в отношении героев конфликта адаптировалась к политическому дискурсу: критически оценивая политическое решение ввести войска, не допустить развенчания понятия «воинский долг».

AD LITTERAM

БУКВАЛЬНО

Созидание правового государства 207

А. Мелькумов

Революционная законность

и наши задачи (1926) 209

Статья определяет основные задачи деятельности прокуратуры в 1926 году. Дана яркая картина состояния судебных и надзорных органов, правовой грамотности органов власти. Определены основные проблемы укрепления законности в СССР, в том числе на его национальных окраинах, и направления их решения.

EX LIBRIS

ИЗ КНИГ

Андрей Шелчков

Когда есть выбор... 217

(Латинская Америка: избирательные процессы и политическая панорама / отв. ред. З. В. Ивановский. М.: ИЛА РАН, 2015. 274 с.)

Рецензия посвящена анализу содержания коллективной монографии, подготовленной сотрудниками Института Латинской Америки РАН и посвященной политическим процессам в этом регионе. В книге представлены общие и страноведческие главы, описывающие электоральные системы и политическую борьбу в латиноамериканских государствах на протяжении последнего десятилетия. Рецензент дает высокую оценку содержанию монографии.

VARIA

РАЗНОЕ

К сведению подписчиков 224

Мир и энергетические ресурсы

© Рыжков Н. И.

© Ryzhkov N.

Мир и экономические ресурсы

The World and economic resources

Аннотация. Подробный анализ показывает исключительную значимость энергоресурсов, и в первую очередь нефти, для современного человечества и для его обозримого будущего. Рассматривается развитие нефтяной отрасли нашей страны с момента начала использования нефти и до наших дней. Подробно проанализированы современное состояние мирового и российского топливно-энергетического комплекса и его значение для международной политики. Сделан убедительно обоснованный вывод о том, что современный мир живет в условиях глобальной энергетической войны.

Annotation. The detailed analysis shows the exclusive importance of energy resources, and first of all to oil, for modern mankind and for its foreseeable future. Development of oil branch of our country is considered from the moment of the beginning of use of oil and up to now. The current state of world and Russian fuel and energy complex and its value for international policy is in detail analysed. Convincingly valid conclusion that the modern world lives in conditions of global power war is drawn.

Ключевые слова. Энергетические ресурсы, нефть, газ, уголь, энергетическая стратегия, санкции, эмбарго, бурение, газопровод, Госплан, изменение климата, глобальная энергетическая война.

Key words. Energy resources, oil, gas, coal, power strategy, sanctions, embargo, drilling, gas pipeline, State Planning Committee, climate change, global power war.

Нефть в современном мире

Говоря о жизни России в современном мире, невозможно обойти острой экономической и политической проблемы — проблемы энергетических ресурсов, и в первую очередь нефти и газа.

Прежде всего следует отметить, что основой напряженности в мире является стремительное развитие нового топлива — нефти и газа. За полтора века, с середины XIX века, этот вид энергии из провинциально-мелкого предпринимательства превратился в основной вид энергии современной промышленной революции, пережил две мировые войны, став основой жизни человечества.

Люди не задаются вопросом, что послужило толчком к стремительному развитию городов, научно-технического прогресса, породило

в XX веке новые виды транспорта — автомобили, самолеты и различную бытовую технику, стремительное развитие компьютеризации и информационных технологий и т. д. Нет необходимости говорить о развитии новых видов вооружений, освоении космоса и т. д. Народ в своей массе не думает об этом истоке своего благополучия. Люди считают, что оно дано Богом и так будет всегда. «Блажен, кто верует, тепло ему на свете». В реальной жизни эти иллюзии остаются иллюзиями. Дело в том, что «золотой миллиард», кроме США, не имеет ресурсов этого топлива. Сегодняшнее соотношение населения — 7 миллиардов к 1 миллиарду, — безусловно, стремительно подталкивает к противоречиям в мире. Несправедливость в ценовой политике «золотого миллиарда» подталкивает к противоречию между странами—производителями нефти и газа и его потребителями.

Мир стремится балансировать между экономическими методами и прямой агрессией в отношении стран—производителей топлива. Разве причиной войны в Ираке было наличие надуманного оружия массового поражения? Прошли годы, и это оружие так и не было найдено. Что искать, если его и не было? А вот нефть была и есть. Подобное произошло и с Ливией. А разве не случайно уже многие годы сгущаются тучи над Ираном? Кто же рождает эти тучи и бесконечные санкции против этой страны? Гадать не надо. США со своими союзниками — верными вассалами.

В связи с этим есть необходимость более подробно остановиться на действиях этой страны. Именно она создает экономический климат мира; но не в этом проблема. Следует вдуматься в следующие данные. Численность населения США — более 300 миллионов человек, или примерно 5 процентов жителей земного шара. Американская экономика потребляет 22 процента мирового производства газа, 24,1 процента мирового потребления нефти. Собственных запасов этого топлива в США очень мало. Бытует мнение, что Америка в любой момент может нарастить добычу нефти, и что Штаты якобы сознательно сейчас замораживают ее добычу на своей территории. Кому-то было очень выгодно рассказывать сказки о законсервированных запасах и о том, что Америка якобы остановила добычу нефти по причине ее стратегического назначения. На самом деле США давно уже включили свою нефтяную индустрию на полную мощь. Америка является третьим в мире производителем нефти после Саудовской Аравии и России.

Подобное положение складывается и с Западной Европой. Но к этому следует добавить потребности динамично развивающихся Китая и Индии, стран Тихоокеанского региона. Из создавшегося положения можно сделать вывод, что все крупные экономики ждут углеводородный голод. США, Европа, Китай, Индия, Япония обречены конкурировать друг с другом за использование энергоресурсов мира. Конкурировать экономически, конкурировать вплоть до использования военных методов.

Ранее я уже касался примеров решения «нефтяного» вопроса военным путем. То, что это будет происходить и в дальнейшем, гадать не надо.

Передо мной лежит труд Д. Ергина «Добыча» [1]. Он и многие специалисты считают, что первоочередной целью Гитлера была необходимость защитить месторождения в Румынии, а также захватить советский Баку. А там прямая дорога к захвату Ирана и Ирака. Как ни парадоксально звучат эти слова, нефть — кровь экономики, и в то же время это и кровь войны. Решение проблемы обеспечения углеводородным топливом военным путем сейчас очень сильно отличается и от Первой мировой войны, тоже имевшей в своей основе нефтяную составляющую, и от Второй мировой.

Главным предупредительным ударом в отношении военной жертвы является информационная война, по существу — Третья мировая. К настоящему времени уже имеется колоссальный опыт «артиллерийской» подготовки. Борьба с «преступными» режимами — вот главная причина таких войн. Нефть остается в тени. Так было с расчленением Югославии, с Ираком, Ливией, Сирией, на очереди Иран. «Промывка мозгов» населения этих стран не остается бесследной. Как мог ливийский народ так жестоко лишиться жизни Каддафи и его семью? Они зверски издевались над тем, кто дал своему народу очень многое. Подобное может произойти лишь со страной, где хорошо поработали агенты влияния и их пятая колонна. Если не удастся расшатать весь народ, находят пути смещения его лидера.

Подобное происходит и у нас в России. В «лихие девяностые», когда царил полная неразбериха во власти, страна оказалась в губительных объятиях Запада, особенно США. Открыто давали деньги за поддержку у власти руководителей—друзей Запада. Мы потеряли и политическое, и экономическое, и нравственное лицо. Вот такими мы им и были нужны, стоящие в очереди в ожидании, когда наша нефтяная промышленность и все запасы окажутся на Западе.

В настоящее время Россию обложили, как волка, санкциями, запретами, эмбарго и т. п. Причина — политика В. В. Путина. Она не вписывается в создаваемую политическую мозаику, где главное звено — Америка, а остальные слепо копируют и исполняют ее указы. В своей деятельности Президент России преследует цель сохранить страну, не дать кому-либо диктовать свою волю, если она не совпадает с нашей позицией. Народ поддерживает такую политику и своего президента. Слишком глубоко запали в сознание нашего общества трагические и героические годы Великой Отечественной войны.

Предлог сегодняшнего визга — присоединение Крыма к России, который по воле труднопредсказуемого Хрущева 60 лет тому назад, без всяких веских причин, оказался в составе Украинской ССР. Появились и другие надуманные причины — влияние на гражданскую войну Донбасса с центральной властью на Украине. Была бы цель, а причину — «поддержку демократии» — США всегда найдут. У них большой опыт в этих делах и различных методах их осуществления: прямое вторжение, смена неудобного лидера страны, различные «цветные революции» и т. д. и т. п.

Впервые в своей жизни я столкнулся с такими бесцеремонными действиями США и их сателлитов в 1980 году, после ввода наших войск

в Афганистан. Они объявили эмбарго на поставку труб большого диаметра, компрессорных агрегатов и другого оборудования для строительства трубопровода, в том числе в Европу. Кстати, войска Советского Союза находились в Афганистане десять лет. Кроме упомянутых санкций, во всем мире проводились различные манифестации, митинги и т. п., инспирированные действиями США и их союзников. В настоящее же время американские войска находятся в Афганистане уже четырнадцать лет, а в мире как бы все тихо и благопристойно. В этом иллюзия современной мировой политики, когда после разрушения великого государства СССР США вершат свои темные дела без оглядки на кого-либо.

Через несколько лет после тех событий у нас в стране с визитом находился премьер-министр одной из скандинавских стран. В беседе он поинтересовался, насколько объявленное эмбарго на нефтегазовую технику оказало влияние на развитие экономики в СССР. Каково же было его искреннее недоумение, когда я ему сказал, что мы благодарны им за этот шаг. Произошла мобилизация собственных ресурсов, налажено изготовление закупаемого оборудования у себя в стране и т. д. В течение одного года мы построили в Челябинске цех по производству труб большого диаметра для газопроводов. И не только построили, но и освоили их производство! Несколько наших ведущих заводов очень быстро перешли на изготовление газоперекачивающего оборудования с техническими характеристиками, не уступающими новейшим зарубежным.

Нечто подобное происходит в стране и сейчас, когда весь Запад обрушился на нас. Рейтинг президента государства достиг 80 процентов! Чем же это вызвано? Многие мыслящие люди убеждены, что энергия действий рождается от преодоления кризиса. Так было после Гражданской войны, так было в период индустриализации страны в 1930-е годы. В Великой Отечественной войне народ сплотился и победил злейшего врага. Если уж посмотреть на этот русский феномен, то надо вспомнить свою историю, переломные годы в существовании нашего государства: это и битва на Куликовом поле, положившая начало освобождения от монголо-татарского ига, Смутное время, Отечественная война 1812 года, революция и т. д. Вот такой уж мы народ, и это надобно знать желающим отхватить жирный кусок.

Из достаточно большого арсенала борьбы с СССР, а ныне РФ, можно выделить политику, проводившуюся президентом США Р. Рейганом. Анализ действий Запада против своего врага, России, показал: в начале 1980-х годов был сделан главный упор на экономическую борьбу. Надо полагать, что к тому времени было ясно, что военный паритет уже достигнут. Цели и средства такой политики были разработаны в серии секретных директив, подписанных Рейганом в 1982 и 1983 годах. Даже сейчас, по прошествии тридцати лет, бросается в глаза его абсолютная уверенность в своих помыслах и действиях.

Я не ставлю своей задачей анализировать основные положения этих документов. Я коснусь только некоторых их аспектов. Одним из главных направлений этих доктрин была кампания по резкому уменьшению поступления твердой валюты в Советский Союз в результате снижения

цены на нефть в сотрудничестве с Саудовской Аравией. Сейчас многие секретные документы той поры уже открыты для анализа. Так, в секретном докладе ЦРУ «СССР. Проблема дефицита твердой валюты» приведены расчеты, в которых говорилось, что снижение цены на 1 доллар за баррель (159 литров) приводит к потере годовой прибыли в размере от 500 миллионов до 1 миллиарда долларов. Но учитывая, что падение цен было значительно большим, дается оценка, что потери СССР от падения цен в 1986 году составили 13 миллиардов долларов. Главными проводниками и разработчиками этого курса экономической войны с СССР были У. Кейси (директор ЦРУ) и К. Уайнбергер (министр обороны США). Сложилась четкая система в реализации этой стратегии. Совет безопасности преследовал Россию, а Уильям Кейси и Каспар Уайнбергер следили за тем, чтобы эта стратегия достигла станции назначения.

В своей книге «Победа» П. Швейцер детально, даже поминутно проанализировал неоднозначные полеты в Саудовскую Аравию и страны Запада [2]. Чтобы иметь представление об У. Кейси — отце экономической, и особенно энергетической, войны, процитирую выдержки из статьи С. Вермишевой: «Кейси заявлял: “Если бы это зависело только от нас, они не добыли бы ни грамма нефти. Мы сделаем все, что только в наших силах, чтобы другие страны воздержались от покупки советской нефти”». Приведем и другие его признания: «Администрация неоднократно делала нажим на французское правительство и нефтяные предприятия, чтобы они не покупали советскую нефть»; «США и союзники будут искать альтернативные источники энергии, чтобы уменьшить зависимость Европы от поставок советского природного газа».

С заключением о том, что политика Рейгана, непримиримого врага СССР, в конечном итоге привела к распаду СССР, я позволю себе не согласиться. Распад Советского Союза имеет более глубокие социально-политические и экономические внутренние причины, не исключая и последствий многолетней информационной деятельности Запада. Но нельзя отрицать и того факта, что иезуитский шаг нанес серьезный вред нашей стране. Валюта в основном направлялась на приобретение новых заводов, оборудования, современных технологий. Непосредственно на обыденной жизни людей это не сказывалось, так как советская экономика была слишком слабо интегрирована в мировую экономику. К примеру, продуктами питания мы были обеспечены на 90 процентов и около 10 процентов покупали в социалистических странах, практически за бартер. Подобное положение было и с медикаментами и др.

Через тридцать лет повторилась ситуация тех давних времен. Снова в обойме экономическая война, в отношении России взято много из того времени. Не надо быть прозорливым экономистом и политиком, чтобы определить болевые точки российской экономики: более половины государственного бюджета формируется за счет нефти и газа — в то время как валюта идет не на воспроизводство, а на закупку товаров первой необходимости (продуктов питания, медикаментов, промышленных товаров и пр.). Вот в чем отличие нынешнего положения от тех времен тридцатилетней давности.

Выходить из создавшегося положения сейчас намного сложнее, чем в те годы. Перед руководителем государства стоят многоцелевые задачи. В первую очередь нельзя дальше жить на ржавой нефтяной игле, необходимо развернуть программу импортозамещения, новой индустриализации и т. д. Для этого нужно время, ресурсы, в том числе и квалифицированные специалисты, которых мы растеряли в «лихие девяностые». Но самое главное — надо, чтобы политическое руководство страны понимало это и настойчиво реализовывало в своих действиях. И кроме того — люди должны осознать, что их решимость, сплочение всего общества не имеют альтернативы. Можно и нужно отрегулировать цены на энергоносители, отрегулировать курс рубля; но если мы не поймем сложности положения, «друзья» с Запада, и особенно из-за океана, найдут новые доктрины для разрушения России. Наша судьба в наших руках! [3]

Нефть страны Советов и России

В нашей отечественной истории бывали разные периоды: и когда в силу определенных обстоятельств мы занимали лидирующую роль, и когда мы оказывались на обочине мирового технического прогресса. Говоря о развитии нефтяной, а затем и газовой промышленности, можно уверенно заявить, что дореволюционная Россия, Советский Союз и современная Россия всегда занимали ведущие места в этой сфере.

Как уже было сказано, нефть — это кровь экономики, но также и кровь войны. За полтора века после открытия и организации добычи нефти в мире произошли многочисленные политические катаклизмы, случаи изменения общественного строя. Но, несмотря на все это, нефтяная промышленность мира и нашего государства динамично развивалась. Это объясняется тем, что нефть была основой нового витка прогресса человечества.

Подтверждением тому является история рождения отрасли в мире и в России. Мало кто знает, что нефтяная промышленность в России возникла еще в середине XVIII века. Примечательно, что в США это произошло, как известно, в середине XIX столетия, то есть сотню лет спустя. В XIX веке происходило состязание российской и американской нефтяной промышленности. В результате этого соперничества в 1898 году добыча российской нефти достигла 7,96 миллиона тонн. И только в 1901-м американские нефтяники вернули себе пальму первенства.

Начиналось с «масла каменного». На Енисее и берегах Байкала местные жители собирали «сибирское каменное масло». Его многие жители использовали в качестве мази от «ломотных болей» и для заживления ран. Можно говорить о неустанном интересе всех правителей России к этой проблеме, начиная с Петра I. Ему доложили, что в районе Баку находилось 66 действующих колодцев и 16 нефтяных амбаров. Особенно же большое развитие добыча нефти получила в конце XIX века. Знаменательным событием начала этого века стало возвращение Апшеронского полуострова в состав России в 1813 году. В то время на полуострове находилось 126 колодцев с «черной» нефтью и один с «белой» [4, 5].

В экономике России были проведены большие организационные меры по развитию всей отрасли, а также техники для определения залежей нефти, ее добычи, переработки, транспортировки. В 1899 году в мире было уже десять нефтедобывающих стран. И в целом было добыто 12,6 миллиона тонн нефти против 12 миллионов в 1894-м. Российская нефтяная промышленность добыла 51,6 процента от мировой добычи, обогнав США.

Революция 1905 года, особенно революционные события на Апшеронском полуострове, отбросили Россию по добыче нефти почти на десятилетие. Но главное — Великобритания получила возможность скупать за бесценок разрушенные промыслы на Апшеронском полуострове. Восстановленная нефтяная промышленность дала в 1912 году 9,33 миллиона тонн нефти, тогда как США в это время добывали уже 30 миллионов тонн. Страна встретила Первую мировую войну в 1914 году с добычей 9,308 миллиона тонн, тогда как США в то время добыли 36,94 миллиона. Революция 1917 года создала экономический хаос в промышленности и на транспорте. Все это не могло не сказаться на добыче нефти. Объем ее добычи в тот год составил 8,76 миллиона тонн, в то время как США добыли 46,53 миллиона тонн.

Гражданская война усугубила положение в этой сфере. В 1920 году в стране было добыто 3,73 миллиона тонн нефти, то есть добыча скатилась на уровень 1889 года. Срочные меры по реанимации отрасли, подготовка кадров, подключение новых нефтяных районов Перми, Татарстана и т. д. позволили накануне Великой Отечественной войны в СССР выйти на добычу нефти в 1940 году в объеме 31,1 миллиона тонн. Положение в первые годы войны было критическое. Так, по мнению военных специалистов, советская нефтяная промышленность могла обеспечить потребность армии на год войны по авиационному топливу — только на 26,6 процента, по дизельному топливу — на 67,1, авиационному маслу — на 11,1 процента. Таким образом, перед руководством страны встал вопрос об обеспечении минимальных потребностей фронта в нефтепродуктах.

С первых дней войны ГКО принимает срочные решения по увеличению добычи и переработки нефти на Апшеронском полуострове, Северном Кавказе. Одновременно принимается решение об ускоренном освоении залежей «Второго Баку» — Башкирии, Татарии, Перми, Самарской и Оренбургской областей и т. д. Принимается решение о добыче нефти в Туркмении и Казахстане. Несмотря на большие ограничения потребления нефтепродуктов в народном хозяйстве и населением, все равно для армии топлива не хватало с учетом увеличения производства боевой техники, особенно самолетов. Так, по данным статистики, в 1941—1945 годах было произведено авиабензина в объеме 5,539 миллиона тонн; в то же время авиацией Красной армии было израсходовано 4,481 миллиона тонн авиабензина и авиацией соединений ВМФ — более 500 тысяч тонн.

Большую помощь оказали поставки нефтепродуктов в рамках системы ленд-лиза. По официальным данным, в целом из США было поставлено 2,159 миллиона тонн нефтепродуктов. Особо следует отметить, что

бензин с высоким октановым числом свыше 99 составил 1,198 миллиона тонн. Учитывая, что самолеты потребляли бензин Б-78, поставленный высокооктановый бензин использовался в качестве добавки к бензину, производимому в стране [6].

Послевоенная пятилетка стала довольно успешной для нефтяников. Был восстановлен потолок нефтяной добычи. Налажено производство отечественного оборудования для бурения и добычи нефти и газа. Отрасль наполнилась квалифицированными специалистами. В качестве примера можно привести освоение буровых установок на Уралмашзаводе. Еще шли бои за Берлин, а завод получил задание проработать предложения по производству буровых установок. Дело в том, что до войны у нас не было собственного производства этого оборудования. В июле 1945-го Совет министров СССР обязал Уралмашзавод начать выпуск установок для глубокого бурения. В качестве привода механизма установки были использованы танковые дизели, выпускаемые на соседнем заводе. В 1970 году он производил 365 установок в год!

В октябре 1952 года состоялся XIX съезд ВКП(б), утвердивший пятый пятилетний план развития СССР на 1951–1955 годы. Исключительное внимание партийно-политического руководства страны уделялось нефтяной промышленности. Намечено было увеличить ее рост до 85 процентов, довести ее объем до 78,25 миллиона тонн в 1955 году. Развивающейся и уже восстановленной экономике страны нужно было иметь такие объемы нефти.

Итак, нет необходимости и дальше останавливаться на истории отрасли. Страна отдавала все для получения «крови экономики», да и «холодная война» требовала все больше и больше «крови войны». Благодаря постоянному вниманию к развитию отрасли, результаты здесь были огромные. Если в 1940 году добывалось 8,8 миллиона тонн нефти, то в 1988-м — 624 миллиона тонн. Все это подробно освещено в специальной литературе, и вряд ли целесообразно повторять подобные цифры [7, 8, 9].

Что же касается развития нефтяной отрасли в новой России, то, объективно говоря, начало 1990-х годов было тяжелым периодом для отрасли. Глубокий экономический кризис, распад системы управления отраслью, полную неразбериху вносили проводники «чикагской экономической школы» во главе с малоизвестным в экономике страны младореформатором Егором Гайдаром. О деятельности этого специалиста уже много сказано. К сожалению, его действия по разрушению реального сектора экономики, ориентированные на экспорт энергоресурсов, до сих пор не ушли в прошлое.

Распад Советского Союза поставил крест на экономической стратегии СССР, разработанной на период до конца XX века, где намечалось в завершающем году XX века добыть 700–715 миллионов тонн нефти. Кризис в экономике и в отрасли привел к небывалому падению добычи. Если в 1992 году объем добычи нефти составил 399,5 миллиона тонн, то в 1993-м — 354 миллиона. В 1994 году было добыто 317,8 миллиона тонн,

а в 1995-м — 306,7 миллиона. Лишь начиная с 2000 года произошел новый подъем добычи нефти. В 2011 году добыча составила 527,4 миллиона тонн, и, таким образом, был достигнут уровень производства нефти в РСФСР конца 1980-х годов.

В то же время за фасадом благополучных показателей в этой сфере экономики проявились тенденции, которые уже сейчас сказываются на экономической жизни страны, а в дальнейшем, если не принять соответствующие меры, окажут влияние и на общее положение России в мире. Прежде всего речь идет об экспорте нефти. Политика 1990-х годов, базировавшаяся на учении Фридмана, проводилась свято, а возможно — и сознательно. Все было направлено на экспорт продукции; но учитывая, что западный рынок был наполнен товарами, наша страна была ориентирована на экспорт нефти, газа, стальных заготовок. И все это длится уже двадцать лет. Все эти годы экспорт спасает Россию. Вот лишь несколько примеров. Начиная с 2000-го по 2010 год наша страна экспортировала 1,318 миллиарда кубометров газа, 2,237 миллиарда тонн сырой нефти и 917 миллионов тонн нефтепродуктов. По оценке специалистов, это составило 1,39 миллиарда долларов национального богатства [10, 11, 12].

Тенденция такова, что Россия все больше и больше привязывается к положению сырьевого донора Запада. Экспортные доходы от нефти в 2011 году составили 260 миллиардов долларов, а объем экспорта — 370 миллионов тонн, то есть в полтора раза больше, чем в 1990-м. Об уязвимости подобного положения говорит то, что доходная часть бюджета на 2015 год на 52 процента состоит из доходов от экспорта нефти и газа. Такая ситуация весьма опасна для страны даже в период отсутствия больших катаклизмов в мире.

Россия все больше и больше привязывается к положению сырьевого донора Запада. Доходная часть бюджета на 2015 год на 52 процента состоит из доходов от экспорта нефти и газа. Такая ситуация весьма опасна для страны даже в период отсутствия больших катаклизмов в мире.

Нефть и газ — невозобновляемые источники энергии, поэтому уровень извлечения их из недр является актуальным. Все неизвлеченное навсегда остается в земле. Рациональность использования сырьевой базы показывает коэффициент нефтеотдачи. С 1960-го по 2000 год этот показатель снизился с 51 до 28 процентов. В настоящее время он не превышает 30 процентов. В связи с этим потери составляют около 15 миллиардов тонн ежегодно. Это сопоставимо с суммарной добычей за всю историю нефтяной отрасли России.

Успехи современной нефтяной отрасли во многом объясняются также состоянием запасов и рациональным их использованием. В настоящее время свыше 70 процентов запасов нефтяных компаний находится на грани рентабельности. Если двадцать лет назад доля вовлеченных в разработку запасов с дебитом скважин 25 тонн в сутки составила 55 процентов, то сейчас столько же составляют скважины с дебитами до 10 тонн в сутки. Нефть, дающая 60 процентов добычи, выработана более чем на 50 процентов; продолжают расти трудноизвлекаемые запасы (55—60 процентов от извлекаемых).

Особо сложное положение наблюдается с геологической службой нефтяников. Правительство не справляется с системой геологоразведки — с тем, чтобы дать объективное количество запасов для будущего. В условиях приватизации предприятий геологической службы, недвижимого имущества, геологоразведочного снаряжения и оборудования идет отток кадров в другие отрасли экономики, что приводит к снижению начатых работ по государственным заказам.

По оценкам, из 650 полевых предприятий приватизировано 300, и при этом многие из них изменили профиль своей деятельности. В период с 1996-го по 2000 год в ведении Министерства природных ресурсов РФ находилось 193 предприятия, из них прекратили свое существование 82. В целом же разрушение геологической службы привело к тому, что за этот период геологоразведочные работы сократились в три раза, а прирост запасов уже не компенсирует добычу нефти. По оценке специалистов, разведанных запасов нефти хватит до 2025 года [13]. Это происходит вследствие того, что прирост разведанных запасов за счет геологоразведки в последние годы существенно отстает от добычи. Потери извлекаемых запасов уже превысили 4 миллиарда тонн, а это означает потерю потенциала добычи нефти в размере 160—200 миллионов тонн в год [14]. Полагаю, что правительственные органы, отвечающие за это направление, знают о ситуации. Но почему нет радикальных мер по исправлению создавшегося положения? Ответ: живем одним днем!

Еще одна опасность, которая может коснуться нашей отечественной нефтяной отрасли. Речь идет о глобализации и попытке утверждения «нового мирового порядка». Первой задачей глобализации является передача минеральных ресурсов под контроль «первого мира» и устранение национальных экономических интересов. В основе этой концепции лежит известное положение: полезные ископаемые должны принадлежать всему миру (понимай — «золотому миллиарду»), а не отдельной стране, особенно России.

Другая проблема нынешней нефтяной отрасли. Речь идет об основном виде оборудования нефтяников и газовиков — буровых установках. Несколько слов об истории создания этих установок. Во время войны буровое оборудование поступало в СССР по ленд-лизу; число установок, поставленное во время войны, равнялось 125, но они были весьма маломощные. Как уже говорилось выше, еще до окончания войны правительство СССР поручило разработку отечественных буровых установок Уралмашзаводу. В 1945 году были изготовлены 3 установки и отправ-

лены в Баку. К сожалению, эти установки имели большие недоработки и дефекты. Однако в итоге была создана совершенно новая модель — «Уралмаш-3Д», то есть дизельная третья модель. В 1951 году эта буровая установка пробурила скважину на большую глубину без единой поломки. Эту модификацию буровой установки выпускали на Уралмашзаводе до 1998 года и поставили нефтяникам и газовикам около 5 тысяч штук.

Особо стоит отметить рождение на Уралмаше буровой установки для бурения на глубину 15 километров «Уралмаш-1500». Было изготовлено 4 таких установки. Одна, «Северянка», была поставлена на Кольский полуостров, вторая, «Южанка», — в Азербайджан, третья работала на Урале, четвертая — в Сибири. «Северянка» достигла глубины 12,3 километра, а затем работы были прекращены. По мнению геологов, все, что им было нужно, они получили. Это изучение земных недр дало науке ошеломляющие факты. Некоторые из них были использованы учеными при изучении космоса.

К сожалению, тяжелая судьба постигла Уралмаш. Во время приватизации он оказался разрушенным, и производство буровых установок передано в другую структуру. В последние годы обстановка изменилась — производство буровых выделилось из разрушенного Уралмаша и, получив название «Уралмаш НПО Холдинг», стало постепенно оживать. Здесь планировалось довести производство буровых установок до 50 единиц в год. В советское время, во времена моего директорства, мы изготавливали 365 буровых установок в год.

Практическое прекращение изготовления буровых установок на Уралмаше открыло путь к закупкам бурового оборудования за рубежом. Такое состояние с производством отечественных буровых установок и их закупок за рубежом не могло не сказаться на структуре парка машин. По данным специалистов, от 50 до 70 процентов парка буровых установок практически устарело. Из 700—800 буровых установок работает в России только 20—30 процентов, а 500 находятся в запущенном состоянии и требуют огромных усилий для восстановления. Приобретаемые 30 установок в год не снижают большой их дефицит, который будет нарастать и в будущем. Это большой недостаток нефтяной промышленности. При определенных обстоятельствах эта болевая точка будет использована против нас со всеми вытекающими последствиями.

В послевоенный период начала развиваться газовая промышленность. «Голубое» топливо имеет особые, уникальные качества, хорошо транспортируется к любому источнику, экологически чистое, доступно любому потребителю. Мировые запасы газа на начало 2012 года составили 197,5 триллиона кубометров. По сравнению с 1991 годом они выросли на 48 процентов. В России динамика несколько иная. В 1991 году разведано было 48 миллиардов кубометров, в 2012-м — 47,5 миллиарда.

Максимальный уровень добычи газа в России был достигнут в конце 1980-х годов. Падение добычи в 1990-х было связано с внутривнутриполитическим положением. В 2001 году возобновился рост. В 2009 году мировой экономический кризис привел к резкому падению спроса на россий-

ский природный газ, что вызвало снижение добычи газа, в том числе и в России. Добыча была снижена на 10 процентов, или на 70 миллиардов кубометров. В 2010–2011 годах падение было компенсировано. Приведу официальные данные по добыче природного газа в России: в 1990 году — 652 миллиарда кубометров, в 1995-м — 595 миллиардов, в 2001-м — 583 миллиарда, в 2005-м — 640 миллиардов, в 2010-м — 660 миллиардов, в 2011 году — 687 миллиардов кубометров.

Ахиллесовой пятой в газовой промышленности являются внешние газопроводы. Это большая проблема отрасли. К сожалению, она будет преследовать нас и в будущем; и мы видим, что решением этого вопроса высшее руководство страны должно заниматься всерьез. Для нефтяной и газовой промышленности трубопроводный транспорт является наиболее эффективным видом транспортировки, а кое-где — и единственным возможным. Активное развитие трубопроводного транспорта в России началось в конце 1980-х. В 2008 году трубопроводным транспортом было переправлено 488 миллионов тонн нефти и нефтепродуктов. По сравнению с 2000 годом рост составил 53 процента. По состоянию на конец 2012 года протяженность трубопровода (по данным Росстата) составила 250 тысяч километров, в том числе газопровод — 175 тысяч, нефтепровод — 55 тысяч, нефтепродуктопровод — 20 тысяч километров.

Остро стоит проблема гарантийных сроков службы трубы. Специалисты в настоящее время подтверждают, что срок службы трубопровода составляет 25–30 лет. Действующие трубопроводы Америки и Европы уже превысили этот срок в два раза и находятся в катастрофическом состоянии. Аналогичная ситуация складывается на многих отечественных трубопроводах. По оценке специалистов, эксплуатируемая часть нефтегазопроводов выработала положенный ресурс на 60–70 процентов, что создает экологическую опасность. На территории России примерно 34 процента газопроводов, 46 процентов нефтепроводов, 34 процента продуктопроводов работают более 30 лет. Положение с износом трубопроводов требует особого решения. К сожалению, четкой программы действий и в этом вопросе нет.

Если прокладка трубопровода за рубежом является результатом политических действий стран, по которым проходят наши трубопроводы, то у нас таких проблем нет, и мы ориентируемся только на экономическую и экологическую целесообразность. Мы еще не дошли до американского состояния амортизационной черты. Но в это время наше правительство бездействовало, и это станет величайшей проблемой как для экономики страны, так и для населения не только сегодняшнего, но и завтрашнего дня.

Что нас ждет?

Прежде чем ответить на этот непростой вопрос, стоит еще раз посмотреть масштабно на мировую ситуацию в этом вопросе и, естественно, в нашей стране. Природа распорядилась так, что Россия располагает огромными запасами энергетических богатств и особенно нефти и газа. Еще два десятка лет тому назад СССР и США были двумя сверхдержавами

в мире. Они считались таковыми по совокупности своего государственного потенциала: это и территория, и наличие полезных ископаемых, и экономический потенциал, и военная мощь, и т. д.

Сейчас в мире осталась одна сверхдержава — США. Это не могло не сказаться на политическом и экономическом климате мира. Можно привести много примеров, когда те или иные политические или экономические проблемы решаются только Америкой. На мой взгляд, такое положение не может быть вечным. Политическая жизнь стран, да и внутренние противоречия создают новую конфигурацию мира.

Но, потеряв статус сверхдержавы, Россия остается великим государством — для этого она располагает всеми составляющими такого положения. Особенно это касается топлива, нефти и газа — двигателей современной жизни. Исходя из анализа состояния в этом вопросе, Россия сейчас является энергетической сверхдержавой. Учитывая это, мы и должны проводить свою внутреннюю и внешнюю политику. На Западе настойчиво вбивают в сознание людей, что Россия при положении поставок энергоресурсов диктует свою, желательную для нее политику. Делают это сознательно, представляя нас агрессором. И поэтому вокруг России образовывается кольцо недоброжелательности и различных запретов. На самом же деле мы далеки от подобной мысли и, наоборот, вынуждены занимать оборонительную позицию.

Такой статус нашей страны влечет за собой ряд положений: это стабильное производство нефти и газа, стойкое удовлетворение внутренних потребностей социально-экономического развития, стабильных поставок этого вида топлива для нужд Европы, Северной Америки, Юго-Восточной Азии, способность влиять на ценообразование, на мировой рынок. Современное положение нашей страны в мире требует новых решений в реализации многих проектов, освоение ныне замороженных проектов на востоке нашей страны, проведение необходимой и экономически выгодной на данный момент энергетической политики, создание современной системы трубопроводов, формирование эффективной внешней политики. Статус энергетической сверхдержавы обязывает нас проводить такую политику уже многие годы.

Споры вокруг нашего энергетического комплекса в российской экономике ведутся постоянно. Некоторые специалисты, руководство страны и ее ведущих отраслей считают, что нефть и газ — это тормоз научно-технического прогресса. Другие же специалисты (и их поддерживает большое количество коллег) считают, что на наш век запасов хватит, а за это время жизнь заставит найти другие источники энергии, обеспечивающие высокий жизненный уровень, особенно «золотого миллиарда». К сожалению, человек живет одним днем и не утруждает себя заглядывать в будущее.

Третье сложившееся мнение, которое поддерживают многие специалисты и общественные деятели, заключается в том, что надо благодарить Создателя мира, что он одарил Россию большими запасами нефти и газа. Все это позволило создать капитальный фундамент собственной экономики и обеспечение стран, не имеющих этих ресурсов.

Я бы разбил на два этапа продажу энергоресурсов и ее влияние на развитие в СССР и современной Российской Федерации. Прежде всего надо иметь в виду, что экономика СССР была в основном самодостаточной и не подвергалась мировым колебаниям и кризисам.

Советский Союз продавал нефть и газ другим странам (включая систему бартера в СЭВ). Вырученную валюту он тратил на создание новых заводов и иных производств, удовлетворение потребностей страны. Так была создана современная химическая промышленность, построены автомобильные заводы, фабрики легкой промышленности и т. д. Особой заботой была потребность в некоторых новейших технологиях — как в народном хозяйстве, так и в оборонном комплексе страны. Я имел уже возможность отметить, что потребность в продуктах питания в СССР удовлетворялась на 90 процентов, оставшиеся 10 процентов мы получали по бартеру из стран СЭВ и только экзотические продукты — кофе, какао-бобы, пальмовое масло и т. п. — закупали за рубежом за твердую валюту.

На мой взгляд, эта концепция развития нефтегазового комплекса является оптимальной, и надо перестать стенать о зле этого вида энергии у нас в стране. Необходимо развивать ее и использовать для развития научно-технического прогресса и реального сектора экономики. Тогда и не будет страшен конец добычи нефти и газа. Если же этого не делать, то нас действительно ожидает катастрофа. Сейчас еще есть время для осуществления этой реальной политики.

Совершенно иное положение с продажей нефтегазовой продукции за рубеж сложилось в современной Российской Федерации. Удельный вес поставок этого вида энергетических ресурсов значительно выше, чем в СССР. Так, в 2011 году при добыче нефти в 527 миллионов тонн на экспорт было направлено 242 миллиона, или почти половина объема добычи этого года. В отличие от политики СССР в этом вопросе, сегодня выручка от энергоресурсов составляет более 50 процентов доходов государственного бюджета. Часть этих средств направляется в Стабилизационный фонд и передается на хранение в США под мизерные проценты. Таким образом, эти средства не влияют на развитие реального сектора экономики страны. По мнению ученых, в этот фонд следует направлять валюту исключительно для крайних нужд государства. Оставшиеся две трети существующего объема фонда следовало бы направлять на модернизацию производства, строительство жилья, аэропортов и т. д. Основные же объемы валюты надо направить на ликвидацию продовольственной зависимости страны (около половины продуктов питания поступает из-за рубежа) и развитие, или (как сегодня говорит руководство страны) на реиндустриализацию.

Учитывая положение в стране, сложившееся за последние двадцать лет, на мой взгляд, это было бы единственно правильное решение. Надо использовать наши нефтегазовые богатства для решения стратегических задач развития страны. Нельзя, чтобы великое государство (а мы таковое и есть) кормилось, одевалось, обеспечивалось многими товарами потребления другими странами. Это естественно лишает нашу страну

возможности быть независимой от других благодаря собственным ресурсам. Но практика показывает, что политические установки остаются призывами и не более того. А они должны подкрепляться конкретными программами действий и мобилизацией общества на их выполнение.

В советское время также систематически ставилась задача по масштабной реализации назревших вопросов. Только они назывались по-другому: химизация народного хозяйства, автомобилестроение и т. д. Реализация нужных стране программ обязательно сопровождалась разработкой, утверждением и детальной проработкой всех мероприятий. Это и была программа действий, которая становилась основой для решения ключевых проблем.

Госплан СССР совместно с республиками разрабатывал эти планы, решая поставленные программные задачи. Они включались в годовые и пятилетние планы. За выполнением этих программ следили особенно требовательно. Этот подход, на мой взгляд, стоит использовать и сегодня. Регионы страны, министерства в положенный срок представили свои предложения по импортозамещению и развитию реального сектора экономики с целью прекращения зависимости от импорта и зарубежной продукции. Но на этом все и закончилось. Следовало бы Минэкономразвитию РФ обобщить все материалы, проанализировать их реальное исполнение, доложить руководству страны и предложить систему по их осуществлению. К сожалению, подготовить такие программные документы никто не удосужился. Это еще и еще раз подтверждает, что необходимо возродить планирование в стране в тех объемах, которых требует сегодняшняя система государственного управления.

Вот этот путь, на мой взгляд, стоит принять в нашей реальной жизни. В противном случае произойдет то, что было с национальными программами. Их было четыре. Может быть, это и было правильным — сосредоточить усилия страны на этих сферах экономики. К сожалению, произошло то, что сейчас происходит с импортозамещением и новой индустриализацией. Один небольшой пример. Известно, что сейчас мы закупаем за рубежом 80 процентов медикаментов и только 20 процентов делаем у себя. Заводы для собственного производства есть. Но основу сырья для производства мы также закупаем за рубежом. В советское время все было ровно наоборот. Почему же не были составлены конкретные программы, чтобы через определенное время повернуть эту пирамиду? К сожалению, у нас лекарства становятся предметом не первой необходимости, а попадают в разряд роскоши.

Подводя итог анализа нынешнего состояния топливно-энергетического комплекса, не следует предаваться унынию, хотя и нельзя не говорить о принципиальных недостатках. Некоторые из них мной были обозначены выше, но есть и другие принципиальные вопросы. В первую очередь это касается переработки сырья — ведь мы по-прежнему продаем главным образом сырую нефть.

Руководство страны уже неоднократно говорило, что происходит сдвиг в диверсификации экономики, и доля энергетики в структуре ВВП падает. Более тщательный анализ показывает, однако, что это происходит исклю-

чительно из-за строительного бума прошлых лет и развития сферы услуг. При этом не надо забывать, что развитие этих направлений экономики в конечном итоге происходит за счет продажи энергоресурсов за рубеж. По-видимому, руководителям правительственных структур надо наиболее трезво относиться к анализу структуры экономики страны. Почему мы покупаем буровое оборудование за рубежом? Такой же вопрос возникает и о закупках другого нефтегазового оборудования и приборов.

Продолжая тему необходимости развития нефтегазового комплекса как основного двигателя экономики и ее структуры, хотелось бы остановиться еще на одной проблеме. Разговор идет о структуре продаваемой нефти. В постсоветское время, когда сформировались крупные нефтяные комплексы, продолжались большие работы по вертикально интегрированным комплексам. Это резко отличается от опыта СССР, когда нефть добывало одно министерство, а переработка возлагалась на другое. Такие структуры были необходимы при советской экономической политике.

Сейчас все в корне изменилось, но положение далеко от идеального. Степень износа отечественных нефтеперерабатывающих предприятий, по данным Министерства экономического развития РФ, составляет 65 процентов, а НПЗ — до 80 процентов. Только 6 процентов установок НПЗ эксплуатируются менее 10 лет, 45 процентов действующих основных фондов нефтехимии не обновлялись более 20 лет. Возраст 37 процентов производственного оборудования составляет от 10 до 20 лет, и только 8 процентов — до 5 лет. За 20 лет (1980—2000-е годы) было введено в действие только 4 новых предприятия по нефтепереработке. Более 90 процентов заводов построено еще в советское время, и с тех пор эти производства не обновлялись. Из 27 числившихся в стране заводов 6 пущено в эксплуатацию до Великой Отечественной войны, еще 6 — до 1950 года.

Такое положение объясняется тем, что большинство нефтеперерабатывающих компаний предлагает в условиях сверхвысоких цен на нефть большую часть добычи поставлять на мировые рынки в сыром виде. В то же время в структуре производства большинства нефтяных компаний мира преобладает переработка нефти. Несмотря на явные преимущества продажи светлых нефтепродуктов, компании не станут вкладывать деньги в эти проекты. Они предпочитают вкладывать деньги в то, что дает быструю отдачу, а осуществление проектов нефтепереработки требует едва ли не десятилетий. Думается, что государство не должно стоять в стороне. Необходимо установить строгий порядок: если в течение определенного времени НПЗ не модернизируется — его выставляют на торги. И в то же время стоит продумать систему мер к решению этого вопроса.

Еще одна проблема в развитии нефтегазовой отрасли. Речь идет о сжиженном природном газе (СПГ). В России почти отсутствует его промышленное производство. Если быть объективным в этом вопросе, то можно сделать вывод, что, взяв за стратегический курс поставки газа по газопроводам — что было в советское и постсоветское время, — мы

ограничили себя трубопроводным транзитом газа в материковые государства Европы, Китай и т. д. Другие же страны, постоянно развивая это направление, завоевали широкомасштабный рынок; и сейчас, во время обострения отношений России с Западом, делают большие шаги по вытеснению трубопроводного природного газа СПГ [15].

Мощности по производству СПГ имеются уже в двенадцати странах. По некоторым данным, производство СПГ в мировой торговле достигло 30 процентов. Ожидается, что рынок СПГ возрастет за 2005—2020 годы в два с половиной раза. Главная задача развития СПГ — открыть дорогу на рынок крупнейших потребителей Северной Америки и Юго-Восточной Азии. Конечно, отставание в деле производства СПГ быстро не преодолеть. Но есть мировой опыт, и его необходимо использовать, за счет традиционных поставок нефти и газа. Чтобы иметь представление об объемах финансовых затрат, стоит привести стоимость одного танкера для перевозки СПГ, вмещающего 135 тысяч кубометров. Она составит порядка 150 миллионов долларов.

Поставив своей целью развитие ТЭК на длительный период, которому надлежит быть катализатором диверсификации экономики, следует решить назревшие вопросы отрасли. Вопрос снова касается геологической разведки и прироста необходимых объектов вместо извлечения во время добычи. Наличие временщиков приводит к тому, что восполнение разведанных и утвержденных запасов отстает от их добычи. Организация геологоразведочных мест, как уже было сказано, не обеспечивает надежного прироста ископаемых, что должно было бы гарантировать долгосрочную их добычу. И это при том, что произошел рост государственных вложений — хоть и совершенно недостаточных, чтобы переломить опасную тенденцию. Нами приводятся данные об этой опасной тенденции: добыча нефти в 1991 году составила 462 миллиона тонн, прирост же запасов был 931 миллион тонн — то есть кратность восполнения нефти составила 2,01. 1993 год был последним, когда прирост запасов нефти опережал добычу с коэффициентом запаса 1,25. После этого прирост запасов не опережал добычу. К примеру, в 2007 году было добыто 496 миллионов тонн, а прирост составил 385 миллионов — то есть коэффициент восполнения равен 0,75. Если же взять 1994—2007 годы, то коэффициент составил всего 0,73. Таким образом, мы уже два десятилетия проедаем то, что оставила нам советская экономика.

Подобное положение, как в нефтяной отрасли, сложилось и в газовой промышленности. 1993 год был последним, когда прирост опережал добычу газа. После этого не было ни одного года, чтобы коэффициент восполнения достигал удовлетворительных показателей. Если взять те же годы, что и по нефти (1994—2007), то он составил 0,68.

Что же происходит? Существует обоснование нефтяных и газовых компаний, что внедрение новых технологий настолько повысило эффективность геологоразведочных работ, что необходимость в высоком уровне бурения скоро исчезнет. Совершенно очевидно, что новые технологии разведки дают свою отдачу. Так, результаты глубокого геологического бурения составили в 1991 году 4263 тысячи метров. В дальней-

шем кривая геологического бурения падает стремительно и составляет в 2007 году 980 тысяч метров. Нетрудно сделать вывод о соотношении геологического бурения к приросту запасов. Такое положение является болевой точной ТЭКа. Если мы собираемся оставаться энергетической сверхдержавой и строить свою долгосрочную политику по принципу диверсификации экономики, то этот вопрос надо решать весьма срочно — иначе правы будут те, кто считает нефтегазовый комплекс обузой для страны. Правда они не указывают, как сегодня жить стране и народу. Ответа нет! Следовательно, это — демагогия!

В последние годы все больше раздаются голоса о том, что от истощения в перспективе нефти и газа нас спасут альтернативные источники энергии. Может быть, в будущем таковые появятся. Но уже длительное время их использование не позволяет сохранить все окружающие нас в жизни достижения прогресса во всех его проявлениях — начиная от жилища, продуктов питания, обрабатывающей промышленности и т. д. Учитывая опыт применения современных разработок видозаменяемых источников энергии, можно сделать вывод, что они помогут решить некоторые вопросы энергоснабжения; но даже при своем опережающем развитии в обозримой перспективе они не в состоянии заменить нефть и газ [16].

Какой же выход? Люди несколько поколений жили в эпоху нефтяной революции. Они склонны думать, что и другие заменители ее дадут такие же быстрые и эффективные результаты. Они привыкли жить при определенном положительном влиянии такого топлива, как нефть и газ. Население земного шара, включая и политиков, рассматривает его использование как одну из проблем, которую до сих пор успешно решали новые технологии и человеческая изобретательность. В то же время оно практически не думает, что когда-нибудь может наступить час «икс», и человечество не сможет реально сохранить достигнутый уровень жизни.

Хотелось бы остановиться только на некоторых альтернативных источниках энергии и определить их масштабное применение вместо нефти и газа.

Итак, водородная экономика. Распространено мнение, что водород может спасти технологическую цивилизацию от надвигающейся в перспективе катастрофы. Вселенная на 73 процента состоит из водорода, но он не находится в спокойном состоянии на Земле. Проблема состоит в том, что водород — это не совсем топливо, это скорее «носитель» энергии. Для получения водорода требуется больше энергии, чем производит он сам. Таким образом, производство водорода зависит напрямую от другого носителя энергии, что в конечном итоге все равно замкнется на нефти и газе. Если же мы будем получать из водорода то, что затрачивается на его производство, стоит ли делать ставку на этот вид энергии? В нашей промышленности есть где применить водород — так пусть он и дальше выполняет свою нужную функцию.

Уголь стал топливом, давшим толчок промышленной революции. В XX веке в экономике многих стран нефть и газ вытесняются углем: все произошло по объективным причинам, связанным с конкурентностью.

Уголь, нефть и газ имеют существенные различия — в добыче, транспортировке, экологии и т. д. Рассматривая сценарий развития падения добычи нефти и газа, можно с уверенностью сказать, что во многом уголь сможет его компенсировать. На мой взгляд, развитие и совершенствование технологических процессов в использовании угля шли недостаточно активно. Работы, которые проводились в этом направлении, практически были приостановлены. И если мы сейчас серьезно думаем о нашем будущем, нам надо широко развивать эти работы.

Есть основное направление первоочередного использования угля — это касается получения электроэнергии и тепла на электростанциях. Бурное развитие добычи нефти и газа в стране и не совсем обученные энергетически политики привели к резкому падению получения электроэнергии из угля. Доля угля в энергетике мира составляет 44 процента, в том числе в Австралии — 88, США — 56, Польше — 91, Канаде — 59, Великобритании — 63, Германии — 55 процентов. В России же доля угля на 20—40 процентных пунктов ниже, чем в основных угледобывающих странах и составляет 18,4 процента. Согласно статистическим данным, можно утверждать, что мы располагаем запасами на сотню лет. Имеем ресурс в 528 миллиардов тонн, или 23 процента от мировых запасов, а извлекаем только 8 процентов. Таким образом, взяв на вооружение угольную энергетику, мы можем обеспечить себя на сотню лет.

Но, для того чтобы можно было реально рассчитывать на этот вид топлива, необходимо уже сейчас проводить большие научные и технические разработки. Применение угля на электростанциях в настоящее время требует эффективной очистки сгорания угля. А это — миллионы тонн, которые влияют на здоровье людей, мировую экологию и т. д. Возникает вопрос: как использовать улавливаемые твердые частички угля? Это новая экологическая проблема. То, что она решаема, — несомненно: достаточно вспомнить даже нынешнему поколению, как вокруг металлургических заводов росли горы так называемых шлаковых отвалов. Где они сейчас? Их нет. Потому что разработали технологию их утилизации и использования в дорожном строительстве.

Следует взять на вооружение сначала научно-технические разработки, а затем и получение промышленным способом такого вида угольной энергии, как синтетическое жидкое топливо. Направление это не новое. Еще во Вторую мировую войну Гитлер использовал такое топливо для заправки боевой техники. В послевоенный период в СССР на базе этих и других разработок начали заниматься означенным направлением. Но нефть его полностью закрыла. Между тем, располагая такими ресурсами, стоило бы работать над ними в первоочередном порядке.

Атомная энергетика может при определенном ее развитии во многом компенсировать спад добычи нефти и газа. В настоящее время в мире 31 страна является держателем запасов урана, из них 22 производят это сырье. Мировая добыча урана в 2000 году составила 35,3 тысячи тонн, а в 2011-м — 57,2 тысячи тонн, то есть за десятилетие увеличилась на 62 процента. 90 процентов разведанных запасов урана сосредоточены в десяти странах: Австралии, Канаде, Казахстане и др. В настоящее время

в России учтены запасы 16 месторождений. Удельный вес электроэнергии, производимой на таких электростанциях, достигает 80 процентов во Франции. В России эксплуатируется 30 ядерных энергоблоков на десяти ядерных электростанциях. Доля же атомной энергии составляет 16 процентов производства электроэнергии России (21 процент в европейских странах).

Энергетической стратегией предусмотрено производство электроэнергии с 16 процентов в 2000 году до 23-х в 2020 году (в европейской части до 32 процентов). Для достижения этих показателей потребуется увеличение мощностей атомных станций практически в два раза.

Для развития атомной энергетики наша страна располагает всем: научно-технической базой, добычей и переработкой урана, максимальными мощностями для изготовления оборудования для этих станций, строительством атомных станций. Поэтому, говоря о будущем энергетики страны, можно с уверенностью сказать: это реальный заменитель в энергетике, особенно электростанций, работающих на газе.

В то же время существует очень большая проблема захоронения отработанного топлива, особенно — по утилизации выработавшего свой срок оборудования. Игнорирование или недостаточное решение этой проблемы поставит человечество в тяжелейшее положение со всеми вытекающими последствиями.

В отношении развития возобновляемых источников энергии и их реального вклада в общее развитие энергетики идут большие споры. Многие специалисты считают, что это главный путь в будущее; другие же относятся к такому решению пессимистически. По-видимому, это будет так: с одной стороны не станут строиться иллюзии о глобальном замещении энергетики будущего, но в то же время они найдут свое место в энергетическом комплексе. Доля возобновляемых источников энергии составила в 2002 году только 0,5 процента [17].

В первую очередь возобновляемые источники энергии должны найти свое место в энергетике регионов. Совершенно очевидно, что они эффективны в районах Крайнего Севера, в обеспечении территориального минимума электроснабжением населения в зонах отсутствия энергоносителей и т. д. В этом и будет заключаться роль этих источников в энергетической стратегии. С целью более широкого использования этого вида энергии следует разработать и принять меры, способствующие развитию его производства, особенно в некоторых регионах страны.

Так что же нас ждет в будущем? Как всегда, и здесь существуют диаметрально противоположные точки зрения. Наиболее пессимистически настроенные специалисты предсказывают, что истощение традиционных видов топлива приведет к мировой катастрофе. Если учесть, что на земном шаре появляется все больше и больше отрицательных явлений — таких, как землетрясения, наводнения, массовые заболевания, общее мировое потепление, — то нас ожидают не лучшие времена. И тем не менее эти сверхмрачные прогнозы могут быть смягчены человеком — единственно разумным существом в нашем мире.

Своими продуманными действиями с древнейших времен человек находил выход из сложнейших ситуаций. Почему вдруг вымерли мамонты? Из-за глобального потепления климата. А разве человека не преследовали такие же катаклизмы? В этом отношении очень яркий библейский пример — Всемирный потоп. По-видимому, что-то произошло. Но человек взял «каждой твари по паре». Зачем? — продлить род человеческий.

Да, сегодня мы не располагаем набором мер по возможному положению сохранения жизни современного человека. Но время диктует такое решение, о котором раньше и не думали. К примеру, авиация. Кто верил в это? Братья Райт и их соратники? Прошло всего сто лет, и мы, даже не задумываясь, садимся в самолет, а космонавты — в космический аппарат. Двадцать лет назад продвинутые бизнесмены носили, помимо малиновых пиджаков, чемоданы мобильных телефонов — это был писк моды. Сегодня телефоны носит каждый, и они легко помещаются в карман. И это за двадцать лет!

Дальняя перспектива заставит человечество проснуться и подумать о своем будущем. К сожалению, мы прекрасно знаем цену барреля нефти, — но совершенно не задумываемся о будущем. Известный экономист с мировым именем Д. М. Кейнс однажды остроумно ответил представителю экономистов, раздумывающему о долгосрочных планах на будущее: «Господа, в долгосрочном плане мы все умрем». Это так, но эстафета жизни должна передаваться от поколения к поколению. Напрашивается вывод: человек постоянно обречен на постоянный поиск решения, в том числе и этой глобальной проблемы.

Другие специалисты не очень задумываются о далекой перспективе, делают в своих прогнозах упор на сегодняшнее положение в мире по добыче и продаже нефти и газа. Акцент делается на модернизацию нефтяной и газовой промышленности, находящейся в состоянии удручающей отсталости. О некоторых мерах было сказано выше.

Эксперты делают вывод, что мир разделился на два новых блока: на тех, кто имеет большие запасы нефти и газа, и тех, кто является потребителем. Мир переходит от диктата потребителя к диктату продавца. Потребители, а не продавцы, будут использовать политические инструменты для борьбы за производителя. Углеродородный голод — это то, что толкает сегодня мир к глобальному конфликту. Практически сильные государства вновь стали заниматься колонизацией слабых. И мы в России должны понимать, что необходимо защищаться от этой экспансии.

Это происходит в последние двадцать лет со странами Ближнего Востока, и об этом уже говорилось выше. Современный мир стал изощреннее в этом деле. О нефти — ни слова! Но реалии — те же. Третья мировая информационная война в руках США в достаточно короткий срок демонтирует то или иное государство, его руководство. А дальше — известно, реванш. И вопрос решен. Разве американцам и их европейским вассалам нужна Украина? Да рядовой американец с трудом найдет ее на карте! А вот то, что Россия ведет себя не так как надо, и особенно ее

президент В. В. Путин, — они прекрасно знают. Раньше в войну армия наносила упреждающий удар; сегодня информация в руках наших недругов. Они спят и видят ввести «голубые каски» на наши атомные станции, а затем объявить международным достоянием добычу топливных ресурсов. Если это произойдет, Россия как суверенное государство перестанет существовать [18].

Таким образом, глобальная энергетическая война уже идет, и мы должны на это посмотреть очень тщательно — слишком многое поставлено на эту карту. И мы должны это понимать.

Литература

1. **Ергин Д.** Добыча. М.: ДеНово, 1999.
2. **Швейцер П.** Победа. М.: СП «Авест», 1995.
3. **Баталин Ю. П.** Россия должна остаться Великой нефтяной и газовой державой мира. М.: Российский союз нефтегазостроителей, 2004.
4. **Алекперов В. Ю.** Нефть России. М.: Классика, 2011.
5. **Алекперов В. Ю.** Нефть России: прошлое, настоящее и будущее. М.: Креативная экономика, 2011.
6. **Рыжков Н. И.** Великая Отечественная: ленд-лиз. М.: ИД «Экономическая газета», 2012.
7. **Рыжков Н. И.** Великая Отечественная: битва экономик и оружие Победы. М.: ИД «Экономическая газета», 2011.
8. **Козловский Е. А.** К 70-летию Великой Победы. Геология в созидании и войнах. М.: ВНИИ геосистем, 2015.
9. **Козловский Е. А.** Геология: Уроки Великой войны. М.: ВНИИ геосистем, 2005.
10. **Козловский Е. А.** Минерально-сырьевые ресурсы в экономике мира и России. М.: ВНИИ геосистем, 2014.
11. **Козловский Е. А.** Россия: минерально-сырьевая политика и национальная безопасность. М.: Изд-во МГУ, 2002.
12. **Симонов К.** Глобальная энергетическая война. М.: Алгоритм, 2012.
13. **Кунстлер Д. Г.** Что нас ждет, когда закончится нефть, изменится климат и разразятся другие катастрофы? М.: Питер, 2011.
14. **Оганесян Л. В.** Магистральные пути и узкие тропы геологической службы России. М.: ВНИИ геосистем, 2015.
15. **Якунин В. И., Порфирьев Б. Н., Арбагов А. А., Белова М. А., Сулакшин С. С., Фейгин В. И.** Энергетический вектор восточной геополитики России: Выбор путей транспортировки нефти на Дальний Восток, в Китай и страны Азиатско-Тихоокеанского региона. М.: Экономика, 2006.
16. **Каныгин П. С.** Экономика освоения альтернативных источников энергии (на примере ЕС). М.: Русь-Олимп, 2009.
17. **Кузин Б. Н., Яковец Ю. В.** Глобальная экономическая революция XXI века. М.: ИЦ Института экономических стратегий, 2007.
18. **Дзарасов С. С.** Куда Кейнс зовет Россию? М.: Алгоритм, 2012. ◆

Почему элиты предают свои народы?

Особенности либерального сознания

© Делягин М. Г.

© Delyagin M.

Почему элиты предают свои народы? Особенности либерального сознания

Why elite betrays their people? Especially liberal consciousness

Аннотация. Глобализация меняет соотношение сил на мировой арене, систему ценностей и мотиваций. В результате национальные элиты предают интересы своих народов и переходят на службу глобальному бизнесу. Этот процесс лишает человечество возможности развития. Выход заключается в отказе от глобального капитализма в пользу технологического социализма. Для успешного противостояния либерализму надо осознать специфику сознания современных либералов.

Annotation. Globalization changes a ratio of forces on the world scene, system of values and motivations. As a result national elite betrays interests of the people and passes to service to global business. This process deprives mankind of possibility of development. The exit consists in refusal of global capitalism in favor of technological socialism. For successful opposition to liberalism it is necessary to realize specifics of consciousness of modern liberals.

Ключевые слова. Либерализм, глобальный бизнес, элиты, предательство, патриотизм, технологический социализм, сознание, агрессия, реформы.

Key words. Liberalism, global business, elite, treachery, patriotism, technological socialism, consciousness, aggression, reforms.

Где твоя страна, Каин?

Элитой общества с управленческой точки зрения является его часть, участвующая в принятии и реализации важных для него решений или являющаяся примером для массового подражания.

Подобно тому, как государство считают мозгом и руками общества, элита служит его центральной нервной системой, отбирающей побудительные импульсы, заглушающей при этом одни и усиливающей другие, концентрирующей их и передающей соответствующим группам социальных мышц.

В долгосрочном плане главным фактором конкурентоспособности общества становятся его мотивация и воля, воплощаемые элитой.

Предательство ею национальных интересов фатально: в глобальной конкуренции его можно сравнить лишь с изменой, совершаемой командованием воюющей армии в полном составе.

Строго говоря, этот феномен не нов. Один из ярчайших (и притом относительно недавних) его примеров дала царская охранка, поддерживавшая организованное революционное движение в России ради расширения своего влияния и финансирования. Она ничуть не в меньшей степени, чем японская армия, немецкий генштаб и американские банкиры, раздувала революционный костер, вышедший из-под ее контроля и спаливший все тогдашнее общество.

Ближе к нашим дням пример действия национальной элиты против своей страны дает опыт Японии конца 1980-х — начала 1990-х годов. Тогда в мире было два «финансовых пузыря» — в Японии и США, один из них надо было «прокалывать», и именно японская элита приняла решения, приведшие к «проколу» японского, а не американского «пузыря», от чего японская экономика толком не оправилась и по сей день. Причина — не только глубочайшая интеллектуальная зависимость от США, но и глубина проникновения японских капиталов в американскую экономику. Освоив американский рынок, японские корпорации справедливо считали ключевым фактором своего успеха процветание не Японии, а именно США, на рынок которых они работали, получая за это мировую резервную валюту.

Не менее масштабный и шокирующий пример противодействия национальной элиты, находящейся под внешним воздействием, интересам своего общества дала война США и их сателлитов против Югославии.

Ее стратегической целью — как и целью всей американской политики на Балканах с 1990 года — представляется подрыв экономики Евросоюза, стратегического конкурента США, превращением руин некогда процветающей Югославии в незаживающую рану на теле Европы. В частности, агрессия 1999 года, насколько можно судить, была направлена на подрыв евро как потенциального конкурента доллару.

Тогда европейские лидеры поддержали США, несмотря на резкий протест не только европейской общественности, но и среднего звена их собственных политических структур. Повестка дня для Европы после войны всегда формировалась ими под интеллектуальным влиянием США, и привычка к этому превратила тогдашних руководителей Европы в могильщиков ее стратегических перспектив. Из-за войны евро рухнул почти на четверть и на три с лишним года лишился возможности «бросить вызов» доллару, а европейская экономика окончательно стала простым дополнением американской.

Это же качество европейской элиты проявилось и после 11 сентября 2001 года, когда Европа, спасая доллар, показала, что рассматривает американскую экономику не как конкурента, а как структурообразующего лидера мирового порядка, в котором исчезла сама идея «европейского вызова». Формирование сознания европейской элиты американцами примирило Европу с положением, при котором в то самое время, когда падение евро оказывалось для американцев маленьким конкурентным удовольствием, симметричное падение доллара представлялось перепуганным европейцам концом света.

Еще более яркий пример предательства национальных интересов — «казус Милошевича»: ключевой причиной парадоксального и катастрофического «непротivления злу насилieм», за которое он заплатил и собственной жизнью, представляется вероятное размещение материальных активов его окружения в странах-агрессорах и в их валютах. Ответные удары Югославии, на которые она была вполне способна, попросту обесценили бы их.

Перечень подобных примеров можно приводить бесконечно, — но, чем ближе к нынешнему дню, тем чаще с ними приходится сталкиваться.

Наша страна с ее уже более чем четвертью века национального предательства всего лишь наиболее быстро и ярко выражает пугающую глобальную тенденцию: элиты всего мира, которым народы вверяют свое будущее и самих себя, все чаще продают их, причем не только цинично, но и удивительно дешево.

В свое время Горбачев дал нестерпимо соблазнительный пример того, что сотрудничество с Западом против своей страны обеспечивает личное благополучие и полную безнаказанность. Однако последние полтора десятилетия показали: ситуация изменилась. Лишившиеся власти лидеры — от Пиночета до Милошевича — идут под суд или прямо на тот свет, а сдавшим своего руководителя в теплые руки «мирового сообщества» приближенным вместо всех земных благ публично отрывают головы (как это было с окружением Саддама Хусейна).

Но круг представителей элит, убеждаемых этими трагедиями, по-прежнему поразительно узок.

Почему?

Почему элиты незападных стран, как лемминги к краю пропасти, бегут на Запад?

«Оффшорная аристократия»: жизнь ради потребления

Я не столько патриот страны, в которой живу, сколько патриот своего капитала.

Олег Киселев [1]

Самый простой ответ, лежащий на поверхности, — перерождение элит в силу торжества рыночных отношений и, соответственно, рыночных идеалов.

Практический критерий патриотичности элиты прост до примитивизма: размещение ее активов. Вне зависимости от мотивов ее отдельных членов, как целое элита обречена действовать в интересах именно собственных активов (материальных или символических — влияния, статуса и репутации в значимых для нее системах, информации и т. д.). Если критическая часть этих активов (которую члены элиты не могут позволить себе потерять) контролируется конкурентами этого общества, элита поневоле служит их интересам, становясь коллективным предателем.

Отсюда, в частности, следует обреченность исламского вызова, лидеры которого, в отличие от лидеров США, Евросоюза и Китая, хранят

средства в валютах своих стратегических конкурентов и потому не могут последовательно противодействовать последним.

Отсюда вытекает и ограниченная адекватность риторики о «поднятии с колен» в не упоминаемую позу, популярной среди отечественной «оффшорной аристократии». Ведь эта часть российского управляющего класса по-прежнему, несмотря на развязанную против нас «холодную войну», держит на «проклятом Западе» все свои активы, до семей включительно.

Логика представителей «оффшорной аристократии» строга и по-своему безупречна: они служат личному потреблению (неважно, материальному или символическому), ощущая Россию как «трофейное пространство» [2], вместе с населением подлежащее переработке в имущество, расположенное в фешенебельных странах, или же в (пусть и временное, но ощутимое) уважение со стороны представителей этих стран.

Солнце для них восходит на Западе, и они молятся этому черному солнцу наживы, уничтожая ради нее свои народы.

...Однако этот ответ при всей его актуальности даже не претендует на глубину.

Ведь рыночные отношения развиваются на протяжении столетий. Почему же именно сейчас, когда деньги теряют значение, уступая ключевую роль в жизни развитых обществ технологиям, а стратегические решения все более принимают нерыночный характер, — почему вдруг именно сейчас рыночные отношения начинают доминировать в сфере ценностей?

Почему людей, которые вслед за генералом Торрихосом не хотели входить не то что в собственный замок на Лазурном берегу, но даже в историю, а стремились «всего лишь» в зону Панамского канала, в массовом порядке сменяют совершенно иные лидеры, рассматривающие свои страны как «трофейные пространства», а себя — в роли наместников оккупационных армий? Что ломает ценности элит?

Конкуренция ценностей

Глобальная конкуренция ведется прежде всего между цивилизациями — на основе их ценностей и вытекающего из них образа действия.

После поражения и уничтожения советской цивилизации наиболее предпочтительно положение Запада, чей финансово-экономический образ действий наиболее универсален. В отличие от идеологической, религиозной или тем более этнической экспансии финансовая экспансия сама по себе никого не отталкивает а priori, поэтому круг ее потенциальных сторонников наиболее широк.

Конечно, ужесточение глобальной конкуренции, лишая многих возможностей успешно участвовать в экономической жизни, решительно сужает этот круг. Именно этим вызваны исламский и, отчасти, китайский вызовы Западу. Но принципиально ситуация пока не меняется: Запад остается носителем наиболее универсальных и общедоступных ценностей.

В силу своего образа действий проводником финансовой экспансии Запада в цивилизационной конкуренции объективно служит почти всякий участник рынка. Он может ненавидеть США, быть исламским фундаменталистом и даже финансировать террористов, но сам его образ действий объективно превращает его в проводника интересов и ценностей Запада. *Граница между сторонником и противником той или иной цивилизации пролегает не по убеждениям, а по образу жизни.* Финансист принадлежит незападной цивилизации не тогда, когда дает деньги борцам с Западом, а лишь когда отказывается от использования финансовых рынков и переходит к образу жизни представителя незападной цивилизации, то есть как финансист совершает социальное самоубийство.

Универсальность и комфортность западных ценностей особенно важны при анализе элит погруженных в нее стран.

Поскольку с началом глобализации конкуренция ведется прежде всего в сфере формирования сознания, важнейшим фактором конкурентоспособности общества становится то, кто именно формирует сознание его элиты.

Формирование сознания элиты извне — слегка завуалированная форма внешнего управления. Так как дружба бывает между отдельными людьми и даже народами, а между странами и тем более государствами наблюдается конкуренция, сознание элиты обычно формируется извне стратегическими конкурентами ее общества.

Такое общество утрачивает адекватность (достаточно посмотреть на историю нашей страны с 1987 года): ценности, идеи, приоритеты элиты отвечают интересам его стратегических конкурентов и разрушают общество. Элита, сознание которой сформировано стратегическими конкурентами ее страны, имеет к своей стране то же отношение, что охранник — к заключенным.

Но даже формирование сознания элиты ее собственным обществом не гарантирует ее ориентации на национальные интересы. Ведь члены элиты в силу своего положения располагают значительно большими возможностями, чем рядовые граждане. Глобализация, обостряя конкуренцию, разделяет относительно слабо развитые общества, принося благо их элитам и проблемы — рядовым гражданам. С личной точки зрения членам элиты таких обществ естественно стремиться к либерализации, дающей им новые возможности, но подрывающей конкурентоспособность их стран и несущей неисчислимы беды их народам. При этом уровень конкуренции, необходимый представителям элиты просто для того, чтобы держать себя «в тонусе», может быть абсолютно непосилен для основной части их обществ.

В слабо развитых обществах традиционная культура, усугубленная косностью бюрократии, отторгает инициативных, энергичных людей, порождая в них обиду. А ведь именно такие люди и образуют элиту! Отправившись «искать по свету, где оскорбленному есть чувству уголок», они воспринимают в качестве образца для подражания развитые страны и пытаются оздоровить свою Родину механическим насаждением их

реалий и ценностей. Подобное слепое культуртрегерство разрушительно в случае не только незрелости общества, его неготовности к внедряемым в него ценностям, но и их цивилизационной чуждости для него.

Даже войдя в элиту страны, инициативные люди не могут избавиться от чувства чужеродности, от ощущения своего отличия от большинства сограждан. Это также провоцирует враждебность активных членов элиты к своей Родине. «Умный человек неправ уже просто потому, что он умный и поэтому думает не так, как большинство, и, соответственно, отторгается им». Такое отторжение элиты характерно для многих стран.

По мере распространения западных стандартов образования и переориентации части элиты и особенно молодежи незападных стран на западные ценности это противоречие обостряется.

Прозападная молодежь и прозападная часть элиты, стремясь к интеграции, к простым человеческим благам, утрачивают собственные цивилизационные (не говоря уже о национальных) ценности и (часто незаметно для себя) начинают служить ценностям своих стратегических конкурентов (в России они служат эффективности фирмы против эффективности общества, то есть конкуренции против справедливости).

В результате значительная часть образованного слоя, который является единственным носителем культуры и развития как такового, оказывается потерянной для страны, так как предъявляет ей непосильные для нее требования.

Еще более важно то, что современное образование по самой своей природе включает западные стандарты культуры и представлений о цивилизованности, которые во многом несовместимы с общественной психологией, а во многом — с объективными потребностями развития незападных обществ.

Воспринимая в качестве идеала и своей цели источник этих стандартов (причем во многом существующих лишь в рекламе либо для богатейшей части соответствующих обществ), образованные слои неразвитых обществ начинают если и не прямо служить ему, то, как правило, соотносить с ним все свои действия.

Именно с этого начинается размывание системы ценностей, затем размывающее и общество. Без этого деликатного аспекта цивилизационной конкуренции нельзя понять широкое распространение активной и сознательной враждебности к собственной стране.

Технологии уничтожают демократию

Важной и обычно забываемой особенностью глобализации является коренное изменение характера деятельности человечества. Те же самые технологии, которые беспрецедентно упростили коммуникации, превратили формирование человеческого сознания, как индивидуального, так и коллективного — в наиболее рентабельный из общедоступных видов бизнеса.

«Наиболее рентабельный из общедоступных» — значит наиболее массовый: основным видом деятельности бизнеса вот уже скоро поколение

является изменение сознания потенциальных потребителей. Забыты времена, когда товар приспособляли к их вкусу: гораздо рентабельней оказалось приспособить едока к пище, а не наоборот.

Между тем для формирования сознания общества нет нужды преобразовывать сознание всего населения — достаточно воздействовать лишь на его элиту. Усилия по формированию сознания, концентрируясь на сознании элиты, меняют его быстрее, чем сознание общества в целом, и оно начинает резко отличаться от сознания большинства.

Отрываясь от общества, элита не просто утрачивает эффективность, но и перестает выполнять свои функции, оправдывающие ее существование. Подвергающаяся форсированной перестройке сознания, элита мыслит иначе, чем ведомое ею общество, исповедует иные ценности, по-другому воспринимает мир и иначе реагирует на него.

Отрываясь от общества, элита не просто утрачивает эффективность, но и перестает выполнять свои функции, оправдывающие ее существование. Подвергающаяся форсированной перестройке сознания, элита мыслит иначе, чем ведомое ею общество, исповедует иные ценности, по-другому воспринимает мир и иначе реагирует на него.

Это уничтожает сам смысл формальной демократии (и, в частности, лишает смысла ее институты), так как идеи и представления, рождаемые обществом (не говоря уже о его мнениях и интересах), уже не диффундируют наверх по социальным капиллярам, не воспринимаются элитой и перестают влиять на развитие общества через изменение ее поведения.

Когда элиты слышали человека

В начале 1930-х годов, когда все развитые страны столкнулись с политическим «эхом» распространения конвейера — соблазном тоталитаризма, письма граждан президенту США стали важным инструментом корректировки экономической политики государства. Ф. Д. Рузвельт добился того, что по многим из них направлялись представители президента, которые задним числом изменяли условия коммерческих сделок, чрезмерно ухудшавших положение граждан и создававших при широком применении угрозу неприемлемого обострения социальной ситуации.

Классическим примером стало и получение в начале войны Сталиным письма от неизвестного старшего лейтенанта Флерова, в котором

тот извещал всесильного и (как подразумевалось пропагандой) всеведущего «отца народов» об исчезновении из мировых научных журналов статей по ядерной физике. Это письмо не просто дошло до адресата — оно было воспринято им и (разумеется, наряду с другими сигналами подобного рода) стало одной из причин развертывания советской ядерной программы.

В самом начале 1991 года одно-единственное письмо (а точнее, способность и желание элиты воспринимать мнения общества) также повлияло на судьбу страны. Мало кто помнит, что Ельцин, будучи хотя и мятежным, но все же первым секретарем обкома, поначалу опасался чуждого ему стихийного забастовочного движения шахтеров.

Перелом произошел, когда в середине января 1991 года на его имя пришло письмо от обычного рабочего. На полтора листках из ученической тетрадки тот очень внятно разъяснял лидеру демократов, что все, что нужно шахтерам, — это право продавать по свободным ценам 10 процентов угля, и что они поддержат любого политика, который обещает им это.

Б. Ельцин воспринял эту идею и, «оседлав» шахтерское движение, превратил его в свой таран против М. Горбачева.

Сегодня такое развитие событий невозможно. Даже если письмо обычного человека дойдет до окружения лидера, продравшись через сито отдела писем (который докладывает «наверх» лишь статистику: количество писем и их тематику), руководство, скорее всего, просто не поймет его смысла.

Измененное сознание элиты заставляет ее и руководимое ею общество вкладывать совершенно разный смысл в одни и те же слова и делать разные, порой противоположные, выводы из одних и тех же фактов. Современный руководитель может встречаться с «ходаками», как Ленин, и даже регулярно «ходить в народ», — но не чтобы что-то понять или прочувствовать самому, а лишь чтобы улучшить свой имидж и повысить рейтинг — политический аналог рыночной капитализации.

Таким образом, в условиях широкого применения управляющими системами технологий формирования сознания элита и общество обладают разными системами ценностей и преследуют не воспринимаемые друг другом цели. Они утрачивают способность к главному — к взаимопониманию. Как писал Дизраэли по иному поводу (о бедных и богатых), в стране возникают «две нации».

Эта утрата взаимного понимания, вызванная не злым умыслом, но сугубо объективными, технологическими факторами, разрушает демократию, подменяя ее хаотической пропагандой и перманентной информационной войной значимых политико-экономических групп. «Мирное время отличается от войны тем, что враги одеты в твою форму».

И общественное сознание — не только цель, но и поле боя.

Растущее непонимание между обществом и элитой объективно повышает угрозу дестабилизации, а с ней — и потребность элиты во внешней помощи. И уже сложилась сила, которая ее с удовольствием оказывает.

Глобальный управляющий класс: новые хозяева

Суть глобализации — упрощение коммуникаций. Новые коммуникации сплачивают представителей различных управляющих систем (как государственных, так и корпоративных) и обслуживающих их деятелей спецслужб, науки, СМИ и культуры на основе общности личных интересов и образа жизни в качественно новый, не знающий границ космополитичный глобальный управляющий класс.

Образующие его люди живут не в странах, а пятизвездочных отелях и закрытых резиденциях, обеспечивающих минимальный (запредельный для обычных людей) уровень комфорта вне зависимости от страны расположения, а их общие интересы обеспечивают не столько государственные, сколько частные наемные армии.

Новый глобальный класс собственников и управленцев не един — он раздираем внутренними противоречиями и жестокой борьбой; но как целое он монолитно противостоит разделенным государственными границами обществам не только в качестве одновременного владельца и управленца (что является приметой глубокой социальной архаизации), но и в качестве всеобъемлющей структуры.

Этот глобальный господствующий класс не привязан прочно ни к одной стране или социальной группе и не имеет никаких внешних для себя обязательств: у него нет ни избирателей, ни налогоплательщиков, ни мажоритарных акционеров (строго говоря, он является таким акционером сам для себя). В силу самого своего положения «над традиционным миром» он враждебно противостоит не только экономически и политически слабым обществам, разрушительно осваиваемым им, но и любой национально или культурно (и тем более территориально) самоидентифицирующейся общности как таковой — и в первую очередь традиционной государственности.

Под влиянием формирования этого класса, попадая в его смысловое и силовое поле, государственные управляющие системы перерождаются. Верхи госуправления начинают считать себя частью не своих народов, а глобального управляющего класса: это качественно повышает уровень их жизни; несогласные же уничтожаются или как минимум изолируются.

Соответственно, большинство национальных элит переходит от управления в интересах наций-государств, созданных Вестфальским миром, к управлению этими же нациями в интересах «новых кочевников» — глобальных сетей, объединяющих представителей финансовых, политических и технологических структур и не связывающих себя с тем или иным государством. Естественно, такое управление осуществляется в пренебрежении к интересам обычных обществ, сложившихся в рамках государств, и за счет этих интересов (а порой и за счет их прямого подавления) и носит характер жестокой эксплуатации.

На наших глазах и с нашим участием мир вступает в новую эпоху, основным содержанием которой становится совместная национально-освободительная борьба обществ, разделенных государственными границами и обычаями, против всеразрушающего господства глобального

управляющего класса. Это содержание с новой остротой ставит вопрос о солидарности всех национально ориентированных сил — ибо разница между правыми и левыми, патриотами и интернационалистами, атеистами и верующими не значит ничего перед общей перспективой социальной утилизации, разверзающейся у человечества под ногами из-за агрессии «новых кочевников».

Практически впервые в истории противоречия между патриотами разных стран, в том числе и прямо конкурирующих друг с другом, утрачивают свое значение. Они оказываются ничтожными перед глубиной общих противоречий между силами, стремящимися к благу отдельных обществ, и глобального управляющего класса, равно враждебного любой обособленной от него общности людей. В результате появляется объективная возможность создания пятого — еще одного после существующих социалистического, троцкистского, либерального и финансового, — патриотического (как это ни парадоксально звучит) Интернационала, объединенного общим противостоянием глобальному управляющему классу и общим стремлением к сохранению естественного образа жизни, благосостояния, культурного потенциала и прогресса своих народов.

Ведь человечество, каким бы несовершенным и раздробленным оно ни было, не хочет становиться на четвереньки.

Технологический социализм против «Железной пяты»

Ахиллесова пята глобального управляющего класса — в службе глобальным монополиям, которые, как и все монополии, стремятся заблокировать технологический прогресс ради увековечивания своего доминирующего положения. Этот путь ведет к архаизации общественных отношений, заталкивает мир в новое Средневековье, новые Темные века.

Выходом из кажущегося исторического тупика, действенным лекарством от архаизации должно стать развитие технологий, объективно взрывающих монополизм, в том числе и глобальный.

Подобно тому, как современный человек дважды в день чистит зубы не потому, что боится кариеса, а потому, что так принято, — точно так же этот же самый современный (и завтрашний) человек должен стремиться к технологическому прогрессу. Он должен жертвовать ему свои деньги подобно тому, как в приведенном примере он жертвует общественным приличиям свое время, как правило, не задумываясь о стоящих за ними потребностях его собственного здоровья.

Человечество приближается к коренному изменению мотивации своей деятельности.

Заменой узкорыночного стремления к голой прибыли, автоматически рождающего монополизм, постепенно становится стремление к новым технологиям, делающим жизнь не только более богатой и благополучной, но и более разнообразной и интересной, и включающее в себя погоню за прибылью лишь как одну из многих целей.

Упование на технологии против всепобеждающего монополизма рынка — при всей наивности такого упования (как и любой, во все времена надежды на лучшее будущее) — представляется перспективным. По сути дела, это новая, современная форма социалистической идеи, преобразующейся из традиционной социал-демократической, свойственной индустриальной эпохе, в идею *технологического социализма*.

Сегодняшняя форма общественного развития — это борьба стремления к прибыли и стремления к технологиям, это борьба глобального монополизма и ломающего его технологического прогресса, это борьба глубинной тяги к архаизации и жажды возобновления комплексного, всеобъемлющего развития человечества.

Эта борьба двух тенденций вновь, как в годы великих войн, превращает лаборатории и кабинеты ученых в передовой край борьбы человечества за свое будущее.

Только если раньше речь шла и выживании и прогрессе лишь отдельных народов и их групп, то теперь — всего человечества без исключения.

Судьба этой борьбы будет решена противостоянием стремления человека к нормальному гармоничному развитию с одной стороны, и стремления глобального бизнеса к его закреплению с другой. Наиболее полным выразителем второй тенденции выступает современный либерализм как идеология не свободы и суверенитета личности, как это было во времена Вольтера и в XIX веке, но идеология враждебно противостоящего всему человеческому глобального бизнеса.

Принятие этой идеологии и служение ей в силу ее специфики неминуемо накладывает на человеческое сознание серьезнейший отпечаток, который необходимо учитывать и использовать. Ведь игнорирование особенностей современного либерального сознания качественно снижает эффективность взаимодействия с ним и затрудняет противостояние безумной и безудержной агрессии его носителей.

Фундаментальная ошибка либерализма

Каюсь, на заре туманной юности я (в силу возраста, недостатка образования, врожденной склонности к лояльности и исторических условий) придерживался либеральных воззрений и по сей день искренне благодарен Е. Г. Ясину, близкое наблюдение за действиями и способом мышления которого избавило меня от этого интеллектуального недуга сравнительно быстро и эффективно.

Не вдаваясь подробно в многократно рассмотренные пороки либерализма и причины его популярности (*см.*, например, [3]), укажу главный недостаток: его сторонники исходят из убеждения, что каждый человек в полной мере может отвечать за последствия своей деятельности.

Подчеркну: не «должен», а «может», вот прямо здесь и сейчас.

А раз так — его можно и даже нужно вот прямо здесь и сейчас ставить в соответствующие условия и соответственно с него спрашивать.

По моим скромным наблюдениям, данная установка не верна даже для большинства населения развитых стран — что в практической по-

литике, как правило, учитывается властью (потому эти страны, собственно, и остаются развитыми). И человек, и человечество пока еще не вполне совершенны, что делать.

Для России же, основная часть населения которой до сих пор не вполне адаптировалась к шоковому падению в рынок, философская максима либерализма была и остается откровенно неверной. Ее применение напоминало даже не бросание в воду заведомо не умеющего плавать — мол, если не выплывет, сам виноват, — но требование к слесарю (а хоть бы и профессору биологии, если кто обиделся) немедленно сдать экзамен по квантовой физике с деклассированием и нищетой в качестве альтернативы.

Именно применение этой доктрины к заведомо не соответствующему ей обществу и вылилось в политику социального геноцида, де-факто с упоением проводимую и по сей день и качественно усугубляющую последствия национальной катастрофы, произошедшей в нашей стране в 1991 году.

Абсурдность фундаментального тезиса, лежащего в основе современной либеральной идеологии, и его откровенная несовместимость с реальностью, естественно, накладывают дополнительный отпечаток и на сознание его носителей.

Заблокированное восприятие и тоталитарность

Больше всего в современном российском либеральном сознании бросается в глаза органическая неспособность воспринимать мнение, сколько-нибудь отличающееся от собственного. Подчеркну: не «отторжение», не «враждебность», не «нетерпимость», — а именно неспособность самого восприятия как такового. Советское КГБ изучало диссидентов и глубоко разбиралось в их разновидностях; современное же либеральное сознание пошло в их неприятия значительно дальше — оно их в принципе не воспринимает.

В этом смысле «День отличника» Кононенко [4], при всей его скучности и бесталанности (замысел великолепен, но он опоздал на 20 лет и достался не тому автору), представляет собой оборотную сторону медали, гениально отчеканенной Сорокиным в «Дне опричника» [5]. Это действительно два полюса не только нашей бюрократии, но и нашего общества — наши Сцилла и Харибда. Нам между ними продирается еще долго. Но серьезные затруднения обществу создают обе, и зачастую либералы выглядят приличными людьми просто в силу своей отделенности от власти, которая не дает им реализовать свои представления о прекрасном и устроить стране новые 1990-е годы.

Враждебность современной либеральной идеологии в ее специфическом российском выражении интересам большинства граждан России исключает для ее носителей возможность быть демократами, то есть людьми, учитывающими мнения и интересы своего собственного народа. На их знамени по-прежнему, как и четверть века назад, написано: «Железной рукой загоним человечество в счастье!». А если оно понимает счастье как-то по-своему — тем хуже для него.

Идеология либерализма полагает «народом» лишь тех, чье состояние начинается примерно от миллиона долларов, и в этом российские либералы следуют реконструированному Стругацкими, а на деле весьма древнему принципу: «ни о каком принуждении... не могло быть и речи... и даже самый последний землепашец имел не менее трех рабов» [6]. Беда только в том, что этого же подхода придерживается и нынешняя правящая бюрократия; в сфере социально-экономической политики (за исключением вопросов усиления государственного вмешательства в жизнь общества) она совершенно либеральна и даже состоит во многом из бывших соратников и поделщиков нынешних либералов.

Разница лишь в том, что у оставшихся за бортом либералов нет власти, и потому они требуют демократии и прав человека, но — лишь в политике. Всякая мысль об экономических и социальных правах граждан и даже о том, что демократическое государство должно, хотя бы потому, что оно демократическое, — следовать их убеждениям, в том числе и нелиберальным, проникает в сознание либералов лишь при острой практической надобности, и по миновании этой надобности немедленно изживается их сознанием без какого бы то ни было следа. (Правда, мысль о наличии у граждан неполитических прав чужда и иностранным единомышленникам наших либералов. Когда на одной из встреч в США я указал собеседникам-ученым на необходимость критики руководства России за нарушение не только политических, но в первую очередь более близких обычным людям социально-экономических прав, мои собеседники растерялись, а затем стали искренне утешать меня, объясняя, что изымут эти мои слова из стенограммы, и никто ничего не узнает.)

В силу изложенных причин либералы являются, как давно было подмечено, носителями наиболее тоталитарного в российском обществе типа сознания. В самом деле, ведь отнюдь не ставший притчей во языцех Жириновский, а один из признанных столпов российского либерализма заслужил от однопартийцев за свой стиль ведения дел говорящую кличку «Дуче».

Именно тоталитарное мироощущение, а не агрессивная ограниченность, переходящая в сектантство, и является основной причиной неспособности либералов к объединению. Объединяться могут демократы друг с другом и даже, при крайней необходимости, демократы с диктаторами. Но тоталитарные (выражаясь языком самих же либералов) лидеры, даже при всем старании, на это не способны в принципе: даже Сталина и Гитлера, как известно, хватило менее чем на два года. Чего уж ждать от наших либералов?

Коммерциализация

Либерализм — идеология обожествления бизнеса. Крупный делец, с точки зрения либерала, не может быть плохим (конечно, если не совершает неопровержимо доказанных и признанных самим либералом преступлений против человечества) уже только потому, что он получает большую прибыль.

Соответственно, критически значимая часть либералов весьма коммерциализирована. Особенно это заметно среди молодежи (людям, сформировавшимся в СССР, наука бизнеса все же дается с большим трудом; никто не может обвинять в коммерциализации, например, Новодворскую, — как и во всех остальных грехах, кроме отсутствия здравого смысла): как написал несколько лет назад один не очень уже молодой журналист, «неужели кто-то мог всерьез подумать, что я буду ругать кого-то бесплатно?».]

Впрочем, современных россиян, в отличие от булгаковских москвичей, испортил не только «квартирный», но и «пиарный» вопрос. Поэтому после вопроса о деньгах в мозгу либерала немедленно возникает второй: «Что за этим стоит?» Грубо говоря, кто и под кого «копает» распространением соответствующей информации.

Здесь опять-таки трогательно выглядит смычка либералов от оппозиции и их прежних коллег, в силу более высоких административных способностей удержавшихся в правящей бюрократии. Ведь представители последней точно так же воспринимают любую критику сначала как «оплаченную американским и британским империализмом и вашингтонским обкомом» (в крайнем случае, Березовским или Невзлиным, кровавыми когтями тянущимися к горлу молодой «сувенирной демократии»), а затем — как диверсию той или иной группы бюрократов и олигархов против другой такой же группы.

Да, конечно, информационные войны, вопреки всей пропагандистской истерии по поводу незыблемо стоящей «вертикали власти», бушуют в «нулевые» и «десятые» годы не хуже, чем в девяностые (Ельцина его доверенные сотрудники пару раз, помнится, досрочно «хоронили» с хорошим коммерческим эффектом, но вот не женили заново его, по-моему, все же ни разу), и никому не хочется быть использованным ловкими ребятами в чужих корыстных целях.

Но дело в том, что даже в чужой войне, в том числе информационной, можно и нужно участвовать, если она ведется за правое дело.

Агрессивность

Неспособность воспринимать инакомыслие и, соответственно, уважать чужую точку зрения в сочетании с ощущением личной ущемленности естественным образом порождает высокую агрессивность.

Эта черта характерна для аудитории интернет-форумов в целом, но в ней она порождается в основном низкой образованностью и иллюзией анонимности (а значит, и безнаказанности); понятно, что эти причины к основной массе российских либералов неприменимы.

Вопрос «сколько сребреников тебе заплатили, Иуда?» в качестве основного аргумента против нелюбезной критики или просто не вызывающей одобрения точки зрения гармонично переходит в угрозы — от прямого обсуждения знаменитой «нерукоподаваемости», то есть организации внутрилиберального бойкота тем, кто записан в «нерукопожатные», до ставшего вполне стандартным в силу своего изящества

выражения «Отстаньте уже от нас... А то ведь мы и впрямь начнем предполагать разное...» [7]. Такое ощущение, что агрессия как способ ведения дискуссии — это единственное, чему смогли научиться наши либералы у руководителя Либерально-демократической партии России, который, хочешь не хочешь, остается лучшим (если вообще не единственным) политиком России.

Особенно забавно, что она проявляется и в отношении к партнерам, хотя бы и ситуативным. Мне очень понравился один из либеральных организаторов оппозиционной Национальной ассамблеи, существовавшей под эгидой Каспарова в 2008—2009 годах, вдумчиво, со вкусом и без всякого подвоха рассказывавший одному из участников-коммунистов, как он поучал своего сына, что хорошие коммунисты все же бывают, — но только мертвые. Это действительно был тот честный максимум сотрудничества, на который он способен.

Примитивность

При всем изложенном выше, либералы — люди, значительно более образованные и успешные, чем граждане России в целом. Однако наибольшее количество откликов и обсуждений с их стороны вызывают не статьи, содержащие относительно сложные мысли, аргументы и доказательства, а примитивные агитки, состоящие из по-разному поворачиваемых (один-два максимум!) лозунгов. Более того: даже в сложных статьях самую острую реакцию вызывают обычно мелкие, глубоко частные детали.

Да, это является особенностью аудитории интернет-форумов в целом; но, еще раз повторю, именно у либералов такая особенность в силу их большей образованности и общей культурности (чем они и ценны, и необходимы, при всех своих раздражающих недостатках) наиболее режет глаз и вызывает изумление.

Другое массовое проявление примитивизации — органическая неспособность воспринимать мир многомерно. Увы, речь идет не о стандартном демагогическом приеме огрубления любого вопроса до дихотомии «черное — белое»; речь идет об искренней, честной, глубоко органичной неспособности воспринимать более одной стороны любого явления.

Признаюсь, несколько лет назад я поставил эксперимент и специально на протяжении одной и той же статьи высказывал противоречащие друг другу точки зрения (в частности — и ругал, и хвалил Жириновского). Именно посетители либеральных форумов впадали по этому поводу в негодование и жестко критиковали автора за высказывание диаметрально противоположных тезисов.

Мысль, что даже такие сравнительно простые явления, как Жириновский, могут быть не совсем однозначными, просто не умещается в сознании типичного российского либерала. Да, он убежден (как минимум со стакана сока, выплеснутого в тогда еще живого и успешно провоцировавшего его Немцова), что Жириновский — подонок. Да, он видит его чрезвычайную успешность, что означает его эффективность как

политика. Но его сознание столь примитивно, что эти две простейшие мысли, строго говоря, ни в малейшей степени не противоречащие друг другу, просто не помещаются в нем одновременно, — и первая напрочь вытесняет вторую. Жириновский находится на арене российской политики более четверти века, — и уже много лет подряд я хвалю этого политика за эффективность, в том числе и в беседах с либералами. И уже много лет подряд я вижу, что эта мысль почти всякий раз оказывается для них новой, неожиданной и, в конечном счете, не поддающейся восприятию.

«Патриотизм — последнее прибежище негодяя»

Давно уже разжевано и доказано даже для самых идеологизированных «глотателей газет», что великий Л. Н. Толстой, переводя сложный текст, написанный на староанглийском языке, сумел-таки перевести его неправильно. В оригинале было «патриотизм может оправдать даже негодяя», а из-под пера классика вышло «патриотизм — это способ самооправдания негодяя» [8. Р. 269]. Очень хотелось подтвердить свою мысль — с кем не бывает.

Но почему именно либералы сделали ошибку классика фактором общественной жизни?

Сначала — понятно, валили КГБ, КПСС и СССР. Но свалили же — почему не поднимать собственный, российский патриотизм, как во всех странах СНГ?

Почему все девяностые годы, пока либералы были у власти, любить свою Родину было стыдно? Почему за словосочетание «национальные интересы» в служебной бумаге еще в 1995 году (личный опыт) можно было огрести серьезные неприятности?

Потому что, когда в начале 1990-х, по известному выражению, «попали в Россию», далеко не все «целили в коммунизм». И те, кто промахнулся, вроде Зиновьева и в целом диссидентов, — как правило, горько раскаивались и никакой карьеры в своем раскаянии не сделали.

А карьеру сделали, в тогдашних терминах, «демократы» — те, кто попал, куда целил.

Лучше всего это выразил умнейший и откровеннейший из либералов Кох, давным-давно сказавший о бесперспективности и безысходности России с такой чистой детской радостью, что она повергла в шок даже его коллег [9].

Реагируя на теракт 11 сентября 2001 года, он же, отметив, что «для меня в Нью-Йорке все улочки родные», без каких-либо наводящих вопросов, по собственной воле признал: «Испытал полное бессилие и опустошение. Два года назад у нас в России взрывали дома, но тогда не было эффекта присутствия» [10], — при том что, если я не ошибаюсь, в августе 1999 года он в России был, а в сентябре 2001-го в США не был. И дело здесь вряд ли только в телетрансляции: дело, скорее, в самоидентификации человека — в том, где именно у него находятся «родные улочки».

Не менее откровенна была еще одна «прорабша перестройки», которая на «круглом столе», посвященном 11 сентября 2001 года, вдруг стала яростно доказывать, что любые люди, готовые сознательно отдать свои жизни за что бы то ни было, и особенно за какую бы то ни было идею, — выродки рода человеческого и должны выявляться и уничтожаться физически в превентивном порядке, чтобы не мешали нормальным людям нормально жить.

Дело было в Ленинграде (тогда и ныне Санкт-Петербург), недалеко от Пискаревского кладбища, где лежали эти самые, по ее терминологии, «выродки».

Признаюсь: даже американцы в своих войнах после Второй мировой войны, даже террористы, даже фашисты ближе мне, чем эта визжащая либеральная дама, которую я слышал своими ушами. Потому что они сражались за свой народ — или хотя бы искренне думали так; а она вполне сознательно сражалась против своего народа.

Не исключаю, что это вышло у нее нечаянно — просто потому, что в основе ее мироощущения лежали запросы потребления.

Последнее слово — главное для понимания отношения либералов к России. Иначе понять политику либералов по отношению к нашей стране можно, лишь поверив, что они бескорыстно испытывают к ней животную ненависть и стремятся любой ценой ее разрушить просто так.

На самом деле все проще: они просто стремятся обеспечить себе качественное потребление, оставаясь равнодушными к цене этого потребления для всех остальных. «Ничего личного — только бизнес». Дело здесь совсем не в какой-то специфической ненависти: хотя она часто действительно имеет место, как причина либерального поведения она все же второстепенна.

Россия нелюбима либералами не как враг, не как противостоящая сила, но лишь как неудобство, как гвоздь в ботинке: ее народ (тоже запрещенное после победы демократии слово, положено говорить «население»!) мешает им красиво потреблять — как плохому танцору мешают танцевать ноги.

Обычным людям свойственно застывать в тяжком раздумье между севрюгой и Конституцией; при выборе же между Конституцией и куском хлеба 95 процентов людей не задумаются ни на минуту, и всерьез осуждать их может только тот, кто не голодал сам.

Но именно у либералов — и именно в силу их идеологии — потребительская ориентация выражена предельно полно. И, служа своему потреблению, они автоматически, незаметно для себя самих, начинают служить странам и регионам, где потреблять наиболее комфортно, — нашим объективным, стратегическим конкурентам. И, живя ради потребления, они начинают любить те места, где потреблять хорошо, комфортно; и не любить те, где потреблять плохо, неудобно.

Не любить Россию.

И это очень хорошо демонстрируют практические действия либералов, по-прежнему обслуживающих власть и практически полностью определяющих ее как минимум социально-экономическую политику.

Конечно, западные стандарты культуры и цивилизованности во многом не совместимы с российской общественной психологией, а во многом — и с объективными потребностями нашего общественного развития.

Но у либералов отторжение от страны достигает высочайшей степени. В результате значительная часть интеллигенции, а точнее — образованного слоя, который является единственным носителем культуры и развития как такового, оказывается потерянной для страны, так как обижается на нее кровно, предъявляя ей непосильные для нее, несоразмерно завышенные стандарты своего личного потребления. Потребления не только материального, но и интеллектуального — и еды, и дорог, и разговоров «на кухне», и демократии.

Эти непосильные стандарты несовместимы с существованием страны и требуют уничтожения: либо ее, либо либералов как обладающего существенной властью клана.

Данный выбор становится все более актуальным, и его откладывание всего лишь повышает шансы либерального клана, обслуживающего интересы глобального бизнеса, на уничтожение России.

Литература

1. Киселев Олег. Биография. — www.peoples.ru/undertake/finans/kiselev/
2. Жуковский В. Вылетаем в «трубу» // Завтра. 31.10.2012.
3. Делягин М. Россия после Путина. М.: Вече, 2005.
4. Кононенко М. День отличника. М.: Фолио, 2008.
5. Сорокин В. День опричника. М.: Захаров, 2006.
6. Стругацкий А., Стругацкий Б. Понедельник начинается в субботу. М.: ОЛМА-пресс, 2003.
7. Рыклин А. С узкоместнических либеральных позиций // Ежедневный журнал. 02.03.2008.
8. Boswell J., Malone E. Life of Samuel Johnson, LL. D. L.: Penguin Classics, 2008.
9. Минкин А. Прощай, умытая Россия // Новая газета. 03.11.1998.
10. Альфред Кох в рубрике «Прямая речь» // Коммерсант. 14.09.2001. ◆

Современный российский либерализм

Происхождение, сущность
и историческое значение

*Совместное заседание Интеллектуального клуба
«Свободная Мысль» и Изборского клуба*

**Современный российский либерализм.
Происхождение, сущность и историческое значение**

**Modern Russian liberalism.
Origin, nature and historical significance**

Аннотация. Стремление к свободе и протест против угнетения переродились в попытку разрушить любую власть как таковую. Современные либералы сражаются против своих народов в интересах глобального бизнеса. Они являются примером сознательного и самого страшного предательства в истории человечества. Участники «круглого стола» обсуждают причины и перспективы этого перерождения.

Annotation. Aspiration to freedom and a protest against oppression regenerated in attempt to destroy any power as that. Modern liberals battle against the people in interests of global business. They are an example of conscious and most terrible treachery in the history of mankind. Participants of a round table discuss the reasons and prospects of this transformation.

Ключевые слова. Либерализм, интересы, предательство, глобальный бизнес, реформа, мораль, интеллигенция, Советский Союз, Россия, элита, государство, протест.

Key words. Liberalism, interests, treachery, global business, reform, morals, intellectuals, Soviet Union, Russia, elite, state, protest.

Участники

Агеев Александр Иванович — политолог;

Бубнов Василий Александрович — юрист;

Деягин Михаил Геннадьевич — экономист;

Карпенко Сергей Анатольевич — политолог;

Нагорный Александр Алексеевич — политолог, ответственный секретарь Изборского клуба, ведущий;

Фурсов Андрей Ильич — историк.

Михаил Деягин. Уважаемые коллеги, мы собрались, чтобы попытаться найти ответы на некоторые типические вопросы, которые возникают при изучении биографий наследивших в истории нашей страны российских либералов, особенно позднесоветских и российского разлива. Главный из этих вопросов прост: как, под влиянием чего, каким образом, под воздействием каких мотиваций нормальный человек становится либералом, искренне считающим, что государство должно служить не создавшему его народу, а глобальному бизнесу?

Ну вот, например: есть мальчик или девочка; они растут, развиваются, становятся юношей или девушкой; у них какие-то проблемы, какие-то достижения и в целом — все, как у всех. А потом вдруг что-то происходит, и тот же самый человек, во всем остальном, как правило, сохраняющий полную нормальность, становится настоящей чумой для всех остальных. Призывает, прямо или завуалированно, уничтожить его страну и раздавить породивший его народ, а главное — начинает энергично, всеми силами, всю душу в это занятие вкладывая, уничтожать саму возможность нормальной жизни своих собственных друзей детства, своих родных и близких, а в конечном счете и их самих.

Что с ним при этом происходит? Под влиянием чего из вроде бы внешне вполне нормальных детей вырастают носители современной реинкарнации фашизма, этой чумы, которые люто, всеми фибрами души ненавидят свою страну и свой народ?

К примеру, жил в Одессе мальчик. Летом 1941 года его чудом спасают: он стоит у окна вагона и видит, как «мессершмитты» на бреющем полете расстреливают поезд, в котором он едет; он выживает, спасается, мыкается с мамой по эвакуациям, голодает, болеет тифом, поступает в вуз, учится, работает... А потом становится либеральным гуру, на фоне которого пилоты тех «мессершмиттов», пытавшиеся его убить, выглядят едва ли не гуманистами.

Как это могло случиться?

Это ведь не болезнь, это не гормональное.

Что, у либералов дедушки были палачами? Или родители вынужденно служили агентами КГБ, что разрушило их психику? Да, действительно, имеют место такие конкретные случаи; но ведь не у всех же либералов. А с другой стороны, далеко не каждый человек, у кого дедушка был «красным» латышским или эстонским стрелком или, напротив, власовцем или бандеровцем, стал врагом своей страны.

Интерес к этому отнюдь не праздный. Понять, как и почему нормальные люди становятся либералами, лютыми и эффективными ненавистниками и палачами своей страны и своего народа, надо прежде всего для того, чтобы не допустить продолжения этих превращений, чтобы сломать чудовищный конвейер по перековке нормальных детей в конечных либералов, который работает полным ходом прямо сейчас, когда мы обсуждаем это.

Наша стратегическая задача — сделать так, чтобы люди оставались нормальными. А для этого надо понять, вскрыть хотя бы в наиболее значимых, ключевых элементах социально-психологический механизм, который их разрушает и перемалывает.

Мы уже видим активную деятельность третьего, а то и четвертого поколения либералов только в России, только уже после уничтожения Советского Союза: это политики, управленцы, бизнесмены, экономисты, журналисты, деятели искусства и многие другие. Давайте рассмотрим типические черты в биографиях российских либералов (поскольку мы почти всех их знаем достаточно хорошо на личном уровне) и выявим, что их объединяет. Давайте определим, какие основные пути ведут из

нормальной человеческой жизни в либеральную секту, каковы основные мотивы ее членов, каковы типичные способы достижения карьерного и делового успеха. Было бы здорово ответить и на вопрос: почему элиты все чаще предают свои народы и становятся либералами, служащими глобальным монополиям против своих стран и народов?

И главное — как сделать так, чтобы люди, подрастая, оставались нормальными, а не считали, что государство должно служить глобальному бизнесу, не считали, что, если в «этой стране» вымрет три четверти населения — ну и пес с ними, значит, они были быдлом, «они не вписались в рынок». Так ведь очень серьезно и искренне говорили в нашей стране совсем недавно, — а социально-экономическую политику и до сих пор, на мой взгляд, осуществляют по этому принципу. А не так давно, в начале 2014 года, — правда, пока еще не у нас, а в соседней стране, — либеральные нацисты искренне и публично говорили: мол, «ватники» такие убогие, что они не способны получать удовольствие от жизни и могут только мучиться. Поэтому, убивая их, мы совершаем акт гуманизма, освобождая их от бессмысленных мучений...

Эта угроза очень близка к нам не только территориально. Зоран Джинджич, ставший премьером Сербии и продавший Милошевича Западу (правда, вместо обещанных 300 миллионов долларов заплатили, помнится, лишь 30 миллионов, — вероятно, в память о «тридцати серебряниках»), во время учебы в Германии подрабатывал в стрип-клубе, причем в стрип-клубе не для женщин... И я вполне могу себе представить, как уже в близком будущем аналог Джинджича может стать премьером уже не Сербии, а России — и не только премьером.

Александр Нагорный. Хотел бы выделить несколько особенностей формирования современного либерального крыла. Оно возникло отнюдь не в момент перестройки и расчленения Советского Союза. Его глубокие корни уходят в середину XIX века, в тогдашний спор между славянофилами и западниками, и даже в более ранние времена — времена реформ Петра, масонов, «просветителей», декабристов и т. д.

С чем было связано появление западников в Российской империи и позже? Ведь западничество было чрезвычайно сильно не только среди социал-демократического движения в дореволюционные годы, но и впоследствии, когда формировалась и развивалась коммунистическая партийная номенклатура.

Я считаю, что объективным фактором, который формировал крыло западников, было историческое отставание России в научно-техническом прогрессе и социально-государственных начинаниях. Поэтому общественная мысль и общественное мнение нашей страны ориентировались в значительной степени на Запад — на Европу, на Французскую революцию. И, таким образом, возникало ядро западников, которые ненавидели самодержавный строй и желали ему поражения. Это революционное ядро притягивало огромные слои русского общества, которое, попадая в его орбиту, включалось тем самым в антигосударственную деятельность.

Именно усилия этого ядра, в котором главенствующую роль играла в конечном счете крупная буржуазия, жестко зависимая от иностранного капитала, привели к Февральской революции и распаду Российской империи. Однако в ходе этого распада революционная партия большевиков, вооруженная классовым подходом и принципиальным отрицанием частной собственности, овладела властью и тут же оказалась в тотально враждебном окружении.

Она была просто вынуждена вести борьбу со всем окружающим миром, и это привело к перерождению большевистской элиты, которой пришлось стать наиболее патриотичной силой общества просто ради собственного выживания.

Поскольку Советская Россия с момента своего возникновения была заключена в жесточайшую изоляцию, ее элита, постепенно оформившаяся в слой номенклатуры, вынуждена была думать о соревновании с западным миром как в идеологии, так и в военно-стратегических и геополитических сферах.

После смерти Сталина началось медленное, но неуклонное номенклатурное разложение, которое было вызвано нежеланием партийно-хозяйственной номенклатуры жить в постоянном стрессе «классовой борьбы». Такой стресс формировался благодаря как самой фигуре Сталина, так и жесточайшего соревнования двух противостоящих систем. И надо сказать, что Россия, которая по главным параметрам социально-экономического развития уступала западному миру, тем не менее по общей своей силе и влиянию находилась как минимум на одном уровне с ним и, по мнению целого ряда специалистов, в 1950–1970-е годы упустила реальную возможность перейти в наступление.

Когда же наступательная идеология была заменена такими идеологиями, как «борьба за мир как высшая форма идеологической борьбы» и «мирное соревнование двух систем во избежание мировой войны», то возникла ситуация фактической конвергенции двух систем. Мы эту ситуацию хорошо изучили: даже в высшей партийно-хозяйственной номенклатуре существовали люди, которые весьма активно продвигали идею всемирного разоружения и создания общего, единого политического пространства. Своего пика эти настроения достигли при Горбачеве, но и ранее они были довольно сильно представлены в советской элите. В качестве примера можно назвать зятя Косыгина, академика и директора Института системного анализа АН СССР Джермена Гвишиани, а также ряд людей, занимавших ответственные посты в окружении Брежнева и Андропова, прежде всего из Академии наук, включая академиков Арбатова, Примакова, Велихова, экономиста Шаталина.

Эти и многие другие высокопоставленные функционеры энергично продвигали идею конвергенции, создавая своего рода «зонтик», под которым бурно стали развиваться намного более радикальные тенденции по замене строя и «отчленению» ненужных «паразитических» кусков политического пространства — Средней Азии, Закавказья, Украины с Белоруссией. Подобные настроения стали проявляться прежде всего в театре, кино и других сферах культуры. De facto эта идеологическая платформа

объединила значительную часть творческой интеллигенции, в киноиндустрии и театре она вообще разделялась 80—90 процентами деятелей.

Казалось бы, что такое театральный режиссер? Но именно театральные режиссеры непосредственно «ковали кадры» актеров, звезд, которых потом приглашали в кино, на телевидение, на которых начинала ориентироваться молодежная среда и в целом образованная часть советского общества.

Скажем, во время перелома, который был организован в 1990—1991 годах, возникло совершенно парадоксальное явление, когда работники военно-промышленного комплекса, которые в силу своей деятельности вроде бы должны были защищать централизованное государство, дружными рядами бросились поддерживать сначала Горбачева, потом Ельцина.

В результате мы столкнулись с современными либералами как с людьми, которые с 1991 года практически полностью определяют основные идеологические направления деятельности государства. И если пытаться их охарактеризовать, я бы сказал, что это чрезвычайно важная финансово-экономическая группа, которая ни на йоту не сдвинулась за эти годы со своей исходной позиции.

Важное место в этой группе занимают журналисты и писатели, которые обеспечивают общество различными идеологемами; сейчас, например, этой группой ведется интенсивная и весьма разнообразная борьба против российско-китайского сближения. Очень важную роль в этой сфере играют звезды эстрады и театра; значительная их часть активно, буквально всеми силами поддерживает фашизацию Украины, поскольку считает, что за счет этого происходит продвижение западного влияния и западных интересов на постсоветском пространстве. А это, в свою очередь, создает условия для окончательного очищения российского культурного пространства от всякого стремления к самостоятельности, к самобытному пути развития.

Сюда же надо добавить слой крупных предпринимателей. Скажем, в РСРП знаковой представляется фигура Шохина, который родился в рабочей семье, но, поскольку был способным мальчиком, проделал путь от едва заметного и ничем не примечательного научного сотрудника до лидера крупного бизнеса и теоретика реформирования государственной структуры в принципиально иную систему рыночного полуколониального субъекта.

В среде революционеров-западников в начале 1990-х появились такие лидеры, как Гайдар и Чубайс, которые стали подлинными законодателями политической, экономической и финансовой систем.

Возьмем того же Чубайса, у которого папа был подполковником погранвойск, а мама — по-моему, учительницей со всей свойственной этой профессии советской идеологией. И тем не менее этот мальчик, росший во вполне патриотической среде, в 1970—1980-х годах под напором идей конвергенции превратился в главного толкача наиболее радикальных программ вестернизации — политической, экономической, финансовой, имущественной.

И сейчас, в условиях резкого обострения отношений России и Запада, эта вестернизированная среда по-прежнему в значительной степени определяет текущую политику. Боюсь, эта мощная группа в течение ближайших года-полутора добьется своего, и режим Путина будет сломлен.

Либо он сам сломается как личность, либо его удалит все тот же огромный конгломерат действующего истеблишмента, который остается на своих прозападных политических позициях. Другими словами, «подпольный райком продолжает действовать по указаниям “вашингтонского обкома”», а отсюда велика опасность очередного расчленения страны силами нынешнего либерального истеблишмента.

Василий Бубнов. Прежде всего, надо определиться, что мы обсуждаем: либерализм как таковой или предательство? Вопрос предательства, который Михаил Делягин ставит в своей замечательной книге «Конец эпохи национального предательства?», я обсуждать согласен. А вот либерализм — настолько многослойное понятие, что к нему надо подходить с аккуратностью.

Я, например, знаю многих либералов, которые являются большими патриотами и вместе с нами готовы взять автомат и пойти защищать Родину. Я знаю профессиональных экономистов, которые являются либералами в силу своих убеждений, но отнюдь не являются предателями. И в то же время я знаю большое число предателей, которые ни в малейшей степени не являются либералами и наносят стране значительно больший вред, чем либералы.

Главное предательство XX века, причем такое, что его последствия будут ощущаться на протяжении всего столетия, — совершено в Беловежской Пуще. И все виновники этого предательства, предательства Ялты, предательства Потсдама, предательства Нюрнберга, — все виновники этого международного преступления остаются безнаказанными. Наше уголовное законодательство в том виде, в котором оно сконструировано, не позволяет привлечь их к ответу.

Мы знаем конкретных исполнителей этого предательства. Это Ельцин, Бурбулис, Шахрай.

Мы знаем тех, кто не выполнил своего государственного долга. Это Михаил Сергеевич Горбачев, это люди, которые находились в то время у руля в военных структурах и в структурах государственной безопасности Советского Союза и всех республик в составе СССР.

Именно это предательство привело к тому, что мы сейчас называем Третьей мировой войной. Это предательство привело к арабской революции, к братоубийственным войнам на всей территории бывшего СССР. Это предательство привело к 11 сентября 2001 года, к обострению ситуации на Ближнем Востоке. К срыву всех мирных переговоров между арабами и евреями. К кровавому геноциду в Африке, где были убиты миллионы людей.

Все это — последствия того предательства, которому так и не дано ни международной, ни российской оценки.

Как юрист, я предлагаю изменить модель Уголовного кодекса РФ по статьям об измене Родине и международных преступлениях, которые повлекли катастрофы для человечества, чтобы, помимо уголовной ответственности (иногда это люди уже старые, и мы все придерживаемся моратория на смертную казнь, хотя на самом деле эти люди должны быть, как в Нюрнберге, повешены, потому что количество убитых в результате их предательства не меньше, чем в результате того, что называется «Холокост»), в их отношении применялись лишение гражданства и высылка из нашей великой страны.

Это вполне посильно, и это должно быть сделано.

Более того: истоки того, что произошло в Беловежской Пуще, надо досконально изучать и подробно обсуждать. Изучать по документам, по каждой строчке, по каждой минуте. Необходимо четко определить, кто и за что ответственен, — и для этого все, кто остался в живых, должны быть допрошены. Все — от секретарей до сотрудников КГБ, которые с автоматами наизготовку ждали команды о задержании и расстреле участников этого чудовищного сговора, но так и не получили этой команды, а сами на это не пошли.

Да, эти показания составят тома, а их изучение и сопоставление станет длинным процессом. Однако этот процесс категорически необходим хотя бы в отношении тех участников Беловежского сговора, кто живет сейчас на территории России. Они живы, как Шахрай, возглавляют институты, самодовольно раздают интервью, ходят без охраны.

Проблема предательства восходит к серьезной ошибке Сталина, последствия которой мы продолжаем переживать и которая заключается в том, что он не провел до конца денацификацию страны, слишком либерально подошел к предателям, которые воевали в рядах власовской армии, были бандеровцами, полициями, носили форму карателей, совершали массовые преступления. Многие из них не были расстреляны, получили минимальные сроки, достаточно быстро вышли на свободу. Так как в Советском Союзе не было люстрации, семьи этих людей имели право работать в партийных органах, учить детей, — и мы пожинаем сегодня плоды этой глубочайшей политической ошибки.

Считаю, она была совершена под воздействием мирового фактора. Советские руководители, в первую очередь Сталин и Берия, решили, что есть Нюрнберг и хватит. Между тем был необходим свой, советский Нюрнберг, который разобрался бы не с отдельными, наиболее известными предателями, а со всеми с ними и запретил бы их детям и внукам занимать государственные должности, особенно в политических, военных и связанных с обеспечением государственной безопасности структурах.

Украинская катастрофа представляется в первую очередь следствием отсутствия денацификации советского общества.

Но предательство отнюдь не сводится к последствиям отказа от денацификации и Беловежской Пуще. Есть, например, Гавриил Харитонович Попов. На мой взгляд, он хуже всех, кто был в Беловежской Пуще (которая произошла во многом из-за политических фак-

торов), потому что его преступление носит совершенно осознанный характер.

Он написал книгу «Я вызываю дух Власова», где назвал того национальным героем России. Эта книга выпущена стотысячным тиражом, она не изъята, в отношении Попова не возбуждено уголовное дело по экстремизму. А между тем известный демократ и бывший мэр Москвы Попов пишет в ней, что памятник Власову нужно поставить на месте памятника Дзержинскому, и мы все должны стоять на коленях перед Власовым. Пишет, что этот человек мог бы стать настоящим правителем России и вместе с Гитлером привел бы весь мир к полному порядку.

Разве это написал либерал? Такое мог написать только фашист.

Поэтому, когда мы говорим о либералах, надо учитывать, что они бывают очень разными. Есть либералы, а есть либерал-фашисты. Гаврила Харитонович Попов, например, является как раз либерал-фашистом. Я уже не говорю о тех преступлениях, которые он совершил, будучи мэром Москвы, — это уже вторично. Речь идет о том, что политического процесса над ним за его деяния не было.

А безнаказанность — это главный фактор, породивший переживаемые нами сейчас бедствия.

Безнаказанность бандеровцев и власовцев после Второй мировой войны и безнаказанность белоленточников сейчас — явления одного порядка, одинаково опасные для нормальной жизни.

В самом деле: кто лишен свободы по итогам белоленточного движения? Одураченные мальчишки, которых кинули на ОМОН с камнями. А негодяи, спровоцировавшие их, организовавшие массовые шествия, антигосударственные призывы и призывы к взятию Кремля, остались абсолютно безнаказанными. Правоохранительные органы предотвратили попытку штурма Кремля, но она была подготовлена по сценарию, схожему с «Норд-Остом», и участвовавшие в этом представители нынешнего либерального истеблишмента известны. Эти люди готовили государственный переворот, напоминающий Майдан, — кровавый переворот с физическим устранением законно избранной власти, и они остались безнаказанными.

Поэтому я отвергаю либерализм не как таковой, а лишь либерализм нынешней власти, и призываю судить предателей Родины.

Сергей Карпенко. Некоторые мои друзья — записные либералы, и представлять их предателями Родины я бы не хотел. Я хотел бы обратить внимание на людей, которые борются против любой упорядоченной власти: либералов, но не только либералов. Как правило, ими становились люди, которым давали образование, но не прочное имущественное положение.

Потом они записались кто в большевики, кто в либералы, и все время боролись с властью. В Советской стране это были не только бухаринцы, которые вполне откровенно боролись за обогащение и позволяли почти любые преступления ради этого, и троцкисты, готовые поджечь страну и получать удовольствие от того, как она горит в огне Мировой революции. Нельзя забывать и о практически второй Гражданской вой-

не — коллективизации, выкорчевывании кулаков, породившем огромный пласт репрессированных, недовольных, которые опять же боролись против власти как таковой. Те же Ельцин и Горбачев не случайно являются их потомками.

Я согласен с предыдущим оратором, что надо было делать люстрацию. Или, наоборот, поступить, как это делал Николай I в отношении декабристов и их семей: он брал всех детей декабристов на государственное обеспечение, чтобы они считали преступниками своих отцов, выступивших против власти. В Советском же Союзе получился паллиатив: с одной стороны, потомкам врагов власти давали образование, давали возможность расти и двигаться по карьерной лестнице, а с другой — в силу недостатка внимания к их воспитанию они все равно чувствовали себя пострадавшими, как потомки репрессированных.

Считаю очень важным остановиться на Куусинене и его ученике Андропове. Куусинен играл в Коминтерне значимую роль, был явным масоном, и в коммунистическом движении был проводником масонской линии. Его ученики Андропов и Яковлев потом практически развенчали и развалили социализм. Создание и работа «группы интеллектуалов» при Андропове, которая занималась «социализмом с человеческим лицом», прекрасно описаны в мемуарах Арбатова-старшего и Бовина.

Отсюда пошла идея конвергенции, пропагандирование «сталинщины» как исчадия ада и принципиальное, последовательное отрицание системы сталинизма. Отсюда пошли разговоры не о традиционных, нормальных и естественных, а об искусственно конструируемых «общечеловеческих» ценностях и то продолжение троцкистско-бухаринских настроений, про которые еще Иосиф Виссарионович говорил: «пойдешь налево — придешь направо, пойдешь направо — придешь налево». Они сомкнулись в данном случае — масоны, Коминтерн, троцкисты, бухаринцы и те, кто выступил вместе с Власовым за национальную русскую идею. Все они объединились против системы упорядоченной власти, которую представляла собой сталинская государственность. Это были принципиальные и последовательные враги государственности как таковой.

Очень похожее, кстати, происходило в Латинской Америке. Получавшие образование в Советском Союзе возвращались на родину, не имея имущественных возможностей, — и, желая реализовать высокое представление о самих себе, порожденное полученным образованием, боролись с властью, причем самыми кровавыми методами.

В нашей стране этот класс потомственных недовольных борцов с упорядоченной властью проявился в мощном идеологическом течении абсолютно обиженных людей, сделавших свою обиду смыслом своего существования. Они все время кивали на то, что и страна не та, и народ не тот, а вот они могли бы жить совсем как на Западе, и даже лучше, если бы не помешал им Иосиф Виссарионович и вся эта его борьба с левым и правым уклоном.

Сегодняшние олигархи и либералы, образующие финансово-олигархическую группировку, как правило, являются выходцами из семей

именно этой части интеллигенции. Они были оторваны от традиции и никогда не имели веры, — а когда нет веры, нет бога, то все позволено.

Принципиально важно, что все эти прожившие жизнь с фигой в кармане принадлежали к привилегированным семьям. Отсутствие люстрации и целенаправленного воспитания детей врагов или жертв внутренней борьбы в советском обществе дало вольницу людям, которые крайне нигилистически относились к стране, ее традициям, вере и народу. И это высвобождение нигилизма породило такое массовое явление, как агенты Пятого Управления КГБ, в просторечии — «агенты Бобкова». И Гусинский, и Березовский, и многие другие были такими агентами.

Они были, с одной стороны, диссидентами и примыкали к тем, кто критиковал власть, а с другой стороны — ели с руки этой власти. Этой нетрудовой образованщине были свойственны разбойность, паразитизм и ощущение своей полной безнаказанности, вседозволенности. Оттого, что они были агентами, им многое прощалось, они могли провоцировать, проводить спецоперации, видеть устройство государственной власти и изнутри, и снаружи — и они еще тогда, когда Советская власть казалась незыблемой, начали системно коррумтировать чиновников. Вся нынешняя российская финансовая олигархия порождена коррупцией, подкупом чиновников и массовым предательством как, фактически, нормой жизни.

Александр Нагорный. Общие соображения и исторические экскурсы не должны уводить нас от конкретных вещей. В первую очередь нужно выяснить истоки появления «предательского класса», его идеологическую и политическую суть и, соответственно, технологии и инструментарий, которые используют данные группы либерал-предателей для захвата и удержания власти.

И конечно, не стоит ограничиваться только чистыми либералами по их идеологической ориентации. Ведь политический спектр предательства гораздо сложнее и многограннее; в него входят и бюрократическая номенклатура, и творческая интеллигенция, и основная часть предпринимательских слоев и группировок.

Однако нельзя игнорировать того, что именно либералы определяют стратегические цели, определяют геополитические задачи и идеологические установки. Правда, надо отметить, что они у либералов очень простые. Это, во-первых, создание мировой централизованной идеологии, которая определила бы формирование будущего унифицированного общества. Во-вторых, образование полностью космополитичной политической среды в самых различных странах с разными цивилизационными кодами. В-третьих, внедрение на все значимые бюрократические позиции своих людей и установление с их помощью полного контроля над национальными правительствами, которые и введут свои народы под «зонтик» будущего мирового правительства.

В обслуживающую этот глобальный проект коалицию входят самые разные социальные и политические элементы, вплоть до групп извращенцев и педофилов, которые также исповедуют максимальное рас-

крепощение и «обретение свободы духа». Выковывание единой мировой культурной парадигмы является предпосылкой для формирования мирового политического и экономического центра с тотальным контролем за всей жизнью обычных людей.

Мотивировки членов этой достаточно разношерстной группы, представители которой занимают важные позиции в структуре российского общества, и в особенности российского государства, весьма разнообразны. Конечно, есть люди, которые встраиваются в эту среду по сугубо карьерным соображениям. Они понимают, что, если государство войдет в реальный конфликт с Западом, то они потеряют свои позиции в нем, и потому должны продвигать всеми возможными средствами либеральную идеологию, чтобы не допустить слома своих карьер.

Коммерческая заинтересованность крупных групп, сформировавшихся в России и связанных своей пуповиной с мировым рынком, мировыми финансовыми центрами, представляется все же важнейшей мотивацией, важнейшим приводным ремнем либерального клана.

Однако коммерческая заинтересованность крупных групп, сформировавшихся в России и связанных своей пуповиной с мировым рынком, мировыми финансовыми центрами, представляется все же важнейшей мотивацией, важнейшим приводным ремнем либерального клана. Уважаемые коллеги могут меня поправить и дополнить, но ведь почти все российские олигархи прошли своего рода «школу молодого бойца» в Лондоне. Абрамович при помощи Мамута, Мамут и Березовский — при помощи Лебедева. Последний, женившись на девушке из уважаемой академической семьи, по окончании МГИМО попал в особо привилегированную часть КГБ на курсы, которые быстро закончил и сразу же был направлен в Лондон. Для обычных офицеров такие карьерные перемещения практически невозможны. Он прибыл в Лондон в чине, насколько я помню, старшего лейтенанта, потом капитана. Насколько можно судить, в посольстве ему поручили работать с английским парламентом, он расширял и устанавливал связи с ним, вышел на окружение Ротшильдов, хорошо зарекомендовал себя, и после этого именно он вывозил всех тех людей, которых я назвал, и знакомил их с системой и представителями Ротшильдов.

Сергей Карпенко. В мемуарах Арбатова-старшего в очерке «Умные евреи при губернаторе» он описывает, как еще в 1977 году Андропов сказал ему: «Ориентируйтесь на Горбачева. Я его обязательно при-

везу в Москву, хотя сейчас мне старики не дают это сделать». В том же 1977 году, как вы знаете, совершенно неожиданно по непонятным причинам умер Кулаков, и на его место был приведен Горбачев. И куда его отправили — вероятно, «на смотрины»? Сначала в Лондон, потом в Канаду. В то время в Канаде послом был Яковлев. Яковлев был с Калугиным в Колумбийском университете на стажировке. Калугин всю свою карьеру до генерала делал при Андропове и был в тесных отношениях с Яковлевым. А среди загадочных смертей, объективно расчищавших дорогу Горбачеву, можно назвать Машерова, потом Соколова...

Александр Нагорный. У нас в Институте США и Канады жена Калугина, очень симпатичная женщина, работала в библиотеке спецхрана. Так вот, она была ближайшей родственницей Устинова, — и Арбатов-старший, директор института, уделял ей огромное внимание. Эта связка в значительной степени помогала Калугину в его карьерном росте, и благодаря ей его выводили из всех сомнительных ситуаций.

Сергей Карпенко. Я продолжу: Канада, куда вывозили Горбачева, — это интереснейшее в политическом отношении место, потому что там франкмасоны практически определяют выборы франкоязычного населения. А руководители Канады до недавнего времени были выходцами из французской общины, хотя ее численность составляет 11–12 процентов населения. Премьером Канады тогда был Трюдо, известный масон, который вошел в очень тесные отношения с Яковлевым. По воспоминаниям наших офицеров, Яковлев по три дня пропадал неизвестно где вместе с Трюдо.

Но в свете последних событий становится интересным и то, что Канада — еще и центр бандеровщины.

При изучении феномена предательства в нашей истории и политике следует сосредоточить внимание на технологии, инструментарии изменения национального характера и манипулирования общественным мнением, а также на тех идеологических, политических и экономических мотивировках, которыми руководствуются представители коалиции сил, преследующих либерально-монетаристские и глобалистские цели. В конечном итоге это даст возможность охарактеризовать властные верхушки соответствующих течений и позволит лучше понять, каким образом формируются эти олигархические, культурно-идеологические, политические и иные группы.

Василий Бубнов. Чезаре Ломброзо в своей известной книге «Анархисты» дал очень четкую типологию принципиальных врагов власти как таковой. Там даны рисованные, психологические и социальные портреты всех известных в то время анархистов и проведены необходимые обобщения. Реализацию выявленных Ломброзо закономерностей мы наблюдали и в Февральскую революцию, и в «оттепель», и при попытке белоленточной революции.

Новым в нынешних социал-предателях по сравнению с типами, описанными Ломброзо, действительно является очень сильная обиженность. Мне прислали запись известной певицы, очень популярной среди эмиграции в Нью-Йорке, собирающей там тысячные залы, — Вероники Долиной. Смысл одной из песен буквально таков: «Моя мама всю жизнь мечтала побывать в Амстердаме, папа был глупее моей мамы, и ему достаточно было Парижа. Но ни мама, ни папа не побывали ни в Амстердаме, ни в Париже, а умерли в сраной (извините за выражение) Москве. А мне удалось уехать из этой сраной Москвы в Нью-Йорк, и я ненавижу свою бывшую Родину, потому что там умерли мои папа и мама, которые не доехали до Амстердама и Парижа». Вот в концентрированном виде вся идеология нынешних либерал-предателей.

Кроме того, мы имеем сейчас не просто беспрецедентный уровень накала предательства, доходящего, по сути, до прямой измены Родине, но и предательства нескрываемого, любящегося самим собой, красующегося, осуществляющегося напоказ. Это результат того, что это предательство не только не наказывается, но и прямо поощряется нашей либеральной властью...

Вот, например, бывший премьер-министр Касьянов, который передает в США списки журналистов и политиков с прямым требованием, чтобы против них ввели санкции, — это, на мой взгляд, прямая измена Родине. Почему этот человек чувствует себя спокойно и уверен в своей безнаказанности?

Война имеет разные формы; но сейчас против России ведется война, на которой гибнут наши ребята, — а покойный Немцов вместе с подонком, на мой взгляд, Яшиным готовил доклад для наших врагов, для бандеровцев, и это деяние было полностью безнаказанным.

А потом представители либеральной власти наперебой выступают, чтобы заявить, как они скорбят об убиенном Немцове. А что там скорбеть? При этом убиенные дети, женщины и старики Донбасса никакой скорби у этих либералов не вызывают.

И еще очень важный вопрос здесь затронули, когда стали говорить про бобковщину. Так получилось, что мы в русской истории имеем уже три глубочайших провала агентурной работы.

Первый — зубатовский социализм. Сергей Васильевич нашел мужество застрелиться, когда понял: то, что он пестовал, вышло из-под контроля. Выдающийся человек, сильной воли.

Второй провал — это бобковский либерализм. Про который мы уже даже не знаем: это сознательное предательство или провал агентурного метода? Потому что основная масса отечественных либералов — бывшие агенты Пятого Главного управления. Когда они пришли к власти, они сожгли свои агентурные дела, это известно, в том числе и от тех, кто лично их жег.

И третий провал — это попытка белоленточной революции, которую легендировали как некое обновление лица власти и которая чуть не закончилась Майданом. И непосредственно организовывала это опять же агентура, но уже не Пятого Управления — это уже новая волна.

Все эти три явления объединяет то, что это серьезнейшие провалы людей, непосредственно ответственных за обеспечение государственной безопасности.

Александр Нагорный. Нам надо смотреть на перспективу, предвидеть, как эти группы будут работать в ближайшее время. Для этого надо дать стратификацию этих либеральных групп.

Я бы выделил среди них пять основных направлений.

Прежде всего — бюрократическое: его представители наполняют министерства и ведомства.

Второе — военно-силовая группа, которая объединена либеральными идеями и ориентирована на «конструктивное взаимодействие с западными партнерами».

Третье направление — практически все олигархи, которые вывели огромные средства в зарубежные банки и приобрели огромную собственность в разных местах, прежде всего в США и Европе, и оказались надежно привязаны к ним.

Четвертое направление — культурно-идеологическая группа. В первую очередь это наши театры, которые работают над трансформацией сознания и воспитанием новых культурных идолов, «звезд».

Наконец, последнее — это информационная группа, которая контролирует практически все телевизионные каналы. Ее представители, в принципе, контролируются Кремлем, но в любой момент могут переориентироваться и сыграть мобилизационную роль для следующей, уже более успешной белоленточной революции.

Александр Агеев. Есть ситуации, когда предательство и измену можно квалифицировать абсолютно ясно: это нарушение присяги, переход на сторону противника в ходе войны или оказание ему услуг во вневоенное время. Такие поступки караются законом и моралью.

Есть также очевидная ситуация предательства, связанная со сменой веры. Отречение от веры, принципов сильных слов, сильных клятв и обещаний — это все ситуации ясного предательства.

В связи с этим важно иметь в виду, что именно наша великая страна пережила совершенно уникальный опыт массового предательства. Ведь даже Германия после 1945 года не переживала такого фундаментального сдвига, как наш: все-таки она оставалась членом западного сообщества, и процесс денацификации протекал в рамках одного и того же цивилизационного пространства.

Это нельзя сравнить ни с 1917 годом, когда с отречением царя произошла повальная смена веры, ни с 1991-м. До того в нашей культуре были раскол, принятие православия, разного рода другие эпизоды.

Однако у нас есть один святой год — 1945-й, год Победы, который был и остается чем-то, что выше любых мерил.

Говоря о предательстве, важно понимать: предательство для нашей среды может для самого предателя выступать подвигом, если он связан с совершенно другим, враждебным нам миром, где он, например, не шпион, а разведчик.

В любом случае, говоря о технологиях предательства, мы можем иметь в виду мотивы мести или мотивы полного эгоизма. А весь набор причин этого прост: ложь, лицемерие, зависть, убийство, блуд в тех или иных вариантах. То есть в любом случае феномен предательства — это измена заповеди, присяге, клятве ради корысти, сохранения жизни, страха, умственной прелести, жадности или даже игры. Подчинение себя чужому, в том числе и чужому архетипическому началу, или просто некоему чужому игроку.

Поэтому переход на службу к посторонней силе, подобный демонстрируемому Касьяновым, — это безусловное предательство. Потому что для него эта страна — уже не объект служения, а объект эксплуатации.

Красную черту, за которой появляется предательство, определяет либо строгая идеология, соединенная с моралью, либо мораль, существующая в народе. Полная аморальность, в том числе при которой за мораль выдается полная относительность, толерантность, требует уничтожить, дискредитировать, предать осмеянию само понятие предательства, чтобы оно как моральное явление исчезло вообще. С обществом, утратившим представление о предательстве, и, соответственно, о морали, — можно творить все, что угодно.

Соответственно, если некая цивилизационная общность хочет себя сохранить, она должна опираться на собственную мораль, рассматривая измену ей как предательство.

Иначе она неминуемо превратится в цивилизацию предательства — то, что мы видим в современной политической культуре Украины, которая вся замешена на предательстве.

Сергей Карпенко. Вы вплотную подошли к схеме новой, вестернизирующейся идеологии, куда входят и сексуальные отклонения, и отказ от национальных корней и традиций. То, что мы видим и в США, и в России, в которую эта либерально-культурологическая группа несет разрешение на убийство, разрешение на насилие, разрешение на смерть.

Сила этой либеральной идеологии и ее носителей в том, что они говорят о будущем: «Вы повернулись и смотрите назад, в ретроспективу, а мы смотрим на новую цивилизацию, где сам человек как биологическое существо исчезнет, освободившись от всех ограничений, как биологических, физиологических, так и моральных — и станет неким симбиозом...»

Василий Бубнов. Фактически все эти технологии антропологической идентификации сводятся к прямому и грубому нарушению 50-й статьи Всеобщей декларации о правах человека 1947 года, которая обычно забывается в дискуссиях о правах человека. Эта статья прямо запрещает какой-либо группе лиц или государств навязывать свои ценности другим.

Таким образом, сегодня мы сталкиваемся с тем, что человек последовательно и целенаправленно доводится до полностью атомизированного состояния — до Робинзона, потому что в таком состоянии он теряет человеческое как некое социальное отношение, некое общение, некую

причастность. В идеале причастность к божественному началу, а в минимуме — это причастность к своей среде, которая все равно неминуемо становится средой сакрализованной.

Человек вырывается из общества и атомизируется не для его блага или самореализации, а ради манипулирования им и контроля над ним. И поэтому поощряется все, что способствует деградации человека до уровня его минимальных потребностей: похоти, жадности, развлечений.

В связи с этим вопрос о предательстве выходит на определение антропологического начала, делающего человека человеком. Расширение этого начала до общностей — товарищеских, родовых, семейных, патриотических — и дальше, минуя глобализм, что важно, до неких космических — это и есть путь восстановления изначальной человечности. Все остальное — дегуманизация.

Сергей Карпенко. Все последние четверть века нам усиленно навязывали взгляд на самих себя как на народ-предатель: мол, мы предали свою страну, мы предали 1945 год, Победу. Но в этом году случилось то, что назвали «Бессмертный полк», когда не 500, а миллион человек вышли на улицу, и не по разнарядке, а по собственному порыву... А если на будущий год выйдет несколько миллионов, выйдет вся страна, — по сути, это будет патриотический крестный ход народа с портретами своих отцов, отдавших жизнь за то, чтобы мы вообще жили.

«Бессмертный полк» раз и навсегда доказал, что народ — не предатель, и перечеркнул все разговоры об этом.

Точно так же, как все разговоры о том, что народ у нас не православный, не верующий, перечеркнул пояс Богородицы. Наша власть испугалась страшно, когда миллионы людей пошли к нему потоками... Если бы они официально не свернули сроки паломничества к поясу Богородицы, то прошло бы 30—40 миллионов человек, а так успело пройти только 3 миллиона.

Либералы во власти испугались этого человеческого потока и стали готовить белоленточную революцию. Ведь именно после пояса Богородицы появились Pussy Riot, «Левиафан» Звягинцева, Невзоров с его бесовщиной, а шутиха Собчак-младшая надела бороду батюшки и сказала: «Ну, чем я не поп?»

И основной удар либералы во власти сейчас будут наносить по РПЦ, хотя и там тоже не простая ситуация. В РПЦ очень сильно ядро, которое занимает предательскую позицию по отношению к нашей истории, оправдывает служивших у Власова попов. Они даже выпустили фильм о них «Поп», и все говорят, что это великий фильм, и патриарх тоже это сказал.

И это создает необходимость нормальной дискуссии между патриотами и коллегами из РПЦ. С кем вы, отцы православной церкви? С ними должны говорить именно глубоко верующие люди. Общие усилия должны быть направлены на то, чтобы все, кто поднимает руку на православие и РПЦ, считались предателями нашей Родины, — но для этого сами представители РПЦ не должны быть таковыми предателями.

Михаил Деягин. Знаете, уважаемые коллеги, чем принципиально отличается почти любая патриотическая аудитория от большинства аудиторий либеральных? Либеральная аудитория почти всегда ищет союзников.

Может, либералы как-то проще устроены, может, им истина и историческая справедливость, в отличие от нас, не то что не важны, но даже и не интересны, — но вот у них есть четкая задача, «защитая» буквально в подсознании. Они ее не высвечивают, не пропагандируют, они могут обсуждать никак не связанные с ней проблемы, вплоть до кактусоводства, — но они всегда и везде стараются привлечь к себе максимальное количество союзников.

Собственно, когда я вылечился от этой постыдной болезни либерастии, данный факт они заметили далеко не сразу, — именно потому, что их позиция, их принцип, их образ действия заключаются в том, чтобы привлечь к себе, на свою платформу, вовлечь в свою орбиту максимум людей. И если эти люди совпадают с ними хоть по одному значимому для них вопросу, — они будут тащить их к себе всеми силами. Да, они могут каждого конкретного человека не любить, но они очень четко понимают, что по каким-то конкретным вопросам этих людей, даже в целом враждебных либерализму, можно в силу их убеждений или привычек использовать.

Это одна из причин их эффективности, их побед.

А вот позиция патриотов — качественно, принципиально иная. Патриоты, в отличие от либералов, как правило, не фокусируются на главном, а живут в огромном круге самых разнообразных вопросов; и всякий, кто хотя бы по одному из этих вопросов думает не так, как я, является врагом, подлежащим уничтожению.

И смею вас заверить, для того чтобы быть союзником либералов, быть привлеченным ими к достаточно большому количеству проектов, прекрасно себя в этих проектах чувствовать и многое для этих либералов в этих проектах в итоге сделать, — достаточно просто признать, что воровать плохо. Вот, в принципе, если вы не будете посягать на «священных коров» либерализма в агрессивной форме, — этого достаточно, а часто можно и «коров» этих ругать.

А вот когда собираются патриоты, неожиданно выясняется, что союзников-то у них нет, — одни враги и предатели кругом.

Как, коллеги, понятно, почему либерализм побеждает?

Потому что Ротшильды кругом с Рокфеллерами и их агентура. Правильно?

Но, конечно, дело не только в этой причине, не только в особенностях российских патриотов. Например, важно, что либерализм крайне глубоко исторически укоренен в России.

Кстати, уникальность нашей интеллигенции заключается прежде всего в органической враждебности к государству и полной, возведенной в принцип безответственности.

Но безответственность является лишь следствием враждебности к власти как таковой, а враждебность эта коренится в истории возник-

новения интеллигенции как слоя. При Александре II крестьянские дети в массе пришли в города, укрепив и сложив мощный слой разночинцев — людей профессиональных, качественных, грамотных, сознающих свою ценность и эффективность, неплохо зарабатывающих. Этот слой был сформирован еще в конце царствования Николая I, который из страха повторения декабризма принципиально не давал офицерам учиться (что и обернулось катастрофой Крымской войны), выталкивая желающих этим заниматься в гражданскую жизнь. Но крестьянские дети и разночинцы при Александре II этот слой качественно усилили, сделали его действительно мощным и социально-политически значимым.

Однако возможности повышения своего социального уровня, своего влияния и общественного признания для этого нового слоя оставались крайне ограниченными, так как государство по старинке оставалось в основе своей военным. Оно штатских внутрь себя не принимало или принимало, но крайне неохотно; а от бизнеса и вовсе категорически отстранялось. И складывающаяся интеллигенция в ходе своего становления, формирования как слоя, в ходе своего самоосознания отторгалась военной в основе своей системой государственного управления.

Легко было Пушкину: он был «единственный штатский», допущенный в свет, и то не так уж и долго, и то не вполне штатский — не зря же он две присяги при формальном поступлении на госслужбу принимал. Но быть исключением, «белой вороной» относительно легко: вы так и воспринимаетесь, и вас просто терпят — как что-то экзотическое. А вот когда вас таких много — вы уже отторгаетесь, причем не как отдельные индивиды, а именно по главному, образующему для вас признаку — отторгаетесь как социальный слой. Еще не было закона о «кухаркиных детях», еще Чехов не придумал само слово «интеллигент», но будущие интеллигенты уже были чужими в элите, потому что они были штатскими, и их социальный рост был ограничен. И, не имея возможности интегрироваться во власть, они, естественно, стали всеми силами доказывать ей, что они тоже люди. На это наложилось происхождение из «низов» общества: униженных, оскорбленных, не понимаемых, постоянно голодающих.

Вот эта историческая, родовая психотравма интеллигенции до сих пор лежит в основе ее ненависти к государству, до сих пор лежит в основе всего российского либерализма. И ключ к решению проблемы систематического предательства заключается в разрушении, снятии этого противостояния, в интеграции интеллигенции во власть — не в качестве ее уничтожителя, киллера, разрушителя, как это было сделано во вторую половину Советской власти, а как ее органической части, как пытались сделать в ее первую половину.

И еще, не менее важное: мы слишком часто идиотов считаем сознательными врагами. А делать этого не надо, этим мы увеличиваем силу врага.

Александр Агеев. Вчера на защите диплома в одном из вузов девушка из компании со 130 миллиардами рублей оборота говорит, что, по

расчетам аналитиков этой компании, она теряет около 40 миллиардов рублей потенциальной выручки из-за некомпетентности. Мол, какие-то дураки не могут бизнес-планы ни сделать, ни выполнить. Я уточняю: а что у вас с воровством? И она тут же говорит, что на преступные посягательства приходится 18–20 процентов суммы потерь, а латентность преступлений они оценивают в 80 процентов. То есть их потери на 90 процентов, а то и полностью, вызваны преступными мотивами, — но для спокойствия они все старательно списывают на некомпетентность.

Так что вряд ли стоит преувеличивать значение идиотизма: это обычно всего лишь прикрытие для преступников.

Сейчас у нас действует множество консалтинговых фирм, которые привносят западные стереотипы в формирование бизнес-планов и организацию всей деятельности, да и в систему образования. Причем все это выдается за некую панацею, которая автоматически обеспечивает высокую эффективность. На самом же деле это тотальный обман. Де-факто, если вы возьмете функционирование «Газпрома», вы увидите, что об эффективности Министерства газовой промышленности СССР невозможно даже и мечтать.

Александр Нагорный. Стереотипы безусловного, абсолютного превосходства Запада над нами основаны на низкопоклонстве перед ним, вбитом и в сознание образованцев, и во всю систему образования, и во всю систему основных медиаканалов — от пропаганды в телевидении до пропаганды в театре. Везде мы видим одну и ту же схему: Россия — страна идиотов, здесь ничего хорошего нет и быть не может, здесь ничего нельзя добиться, поэтому «надо валить».

Эти стереотипные «вбросы» как раз и направлены на то, чтобы расширять диапазон влияния либеральной идеологии, которая носит унифицированный идейно-политический смысл для будущего всемирного правительства и будущего единого общества, которое, как мы уже видим, будет основываться на жесточайшем тоталитарном давлении на человека.

Михаил Делягин. Прежде всего надо уточнить: вот это общество, о котором здесь говорится, — атомизированное, единое, всемирное, — его, по моим ощущениям, не будет. Потому что атомизированные люди будущего готовятся не под эксплуатацию, а под утилизацию, под полную и безболезненную ликвидацию.

Мой любимый пример — город Мосул, с окрестностями это 2 миллиона человек. После взятия его ИГИЛом количество беженцев буквально в первую же неделю составило полмиллиона, четверть населения, и потом бегство оттуда продолжилось. А знаете, сколько ИГИЛовцев его взяли? Меньше 2 тысяч человек. Менее полупроцента тех, кто от них бежал.

Эти люди, не приемлющие ИГИЛ, — они не хотели сопротивляться?

Нет, они просто не могли сопротивляться.

Если быть более точным, не могли захотеть сопротивляться.

Аналогичные примеры мы видели во время лос-анджелесских погромов, когда кварталы корейцев и японцев отбились от банд замечательных политкорректных и толерантных негров-мародеров, а остальные кварталы были разгромлены полностью с ужасающими последствиями для живших там людей.

Сергей Карпенко. При этом фешенебельные кварталы не трогали — их туда даже не подпустили...

Михаил Делягин. Кроме того, важно понимать, что низкопоклонство перед Западом — это не столько результат, сколько инструмент. Потому что люди, которые сегодня получают у нас стандартизированное западное образование, действительно становятся несовместимы с российской реальностью. После получения образования по сегодняшним западным стандартам, даже в России, вы с высокой степенью вероятности просто не сможете здесь жить: вы будете твердо знать, что здесь все не так, что здесь дикие люди и более того — даже по-английски, то есть на языке вашего обучения, не разговаривают!

Это очень серьезное системное воздействие: самые обычные нормальные люди в массовом порядке и вполне осознано перековываются в людей, которые здесь жить не могут — жить они могут только там: пусть плохонько, поганенько существовать, но только там, а не здесь. Потому что здесь они находиться просто не могут.

И последнее: мы все время употребляем слово «мы». Это существенно, поскольку мы существуем как некая культурная и сетевая общность. Однако для общественной жизни существуют только организации как структуры. И нынешнее российское государство — это не мы, а мы — это не государство.

Не будем забывать, что нынешнее государство, почти полностью контролируемое либералами и потому, насколько можно понять, служащее интересам глобального бизнеса против интересов народа России, в целом враждебно нам.

Да, на улицы Москвы 9 мая вышло полмиллиона человек. Только надо понимать, что для перерабатывающих Россию организационных структур, в том числе российских либеральных структур, во многом контролирующих сегодняшнее российское государство, это означает наличие проблемы, которую надо решать, — и не более того.

И эту проблему будут решать, продолжая разрушать и размывать нашу идентичность.

А задача, как сорвать такую деятельность, даже не ставится. Хотя это уже неправильная формулировка, так как стратегическая оборона — это единственный гарантированный способ потерпеть поражение. Но даже и о ней сейчас нет и речи.

Массовая манифестация, как с поясом Богородицы, — это недостаточно: само по себе это — стратегическая оборона. Так в 1999 году сербы в Белграде массово стояли на мостах, по которым НАТО било своими ракетами. Это был массовый героизм, — и он им помог? Нет, это было

чудовищное растраниживание воли и энергии народа, которое закончилось фрустрацией.

Потому что побеждает только проект будущего. Неважно: правдив он или нет, осуществим или нет — он должен быть привлекательным и открытым, то есть его членом должен быть в состоянии стать любой желающий.

Украинская катастрофа, воссоединение с Крымом, героическая оборона Новороссии пробудили потенциал нашего общества, он оказался колоссальным, и этот сдвиг надо использовать. Вся проблема в том, кто будет его использовать. Субъект стратегического действия, о котором Андрей Ильич Фурсов заговорил года четыре назад, если я не ошибаюсь, мы так и не создали.

И в связи с этим у меня предложение.

В свое время великие умы Европы затеяли «Энциклопедию» как совокупность всех накопленных к тому времени знаний. Им казалось, что это будет сохранение, а получилось наоборот: самодействующее оружие революционного разрушения окружающего заскорузлого мира. И мы видим, что сегодня некоторые проекты подобного рода оказываются весьма действенными.

Так что имеет смысл подумать, как сделать современную сегодняшнюю «энциклопедию» как проект, который станет самодействующим оружием, привлекающим к себе людей, переформатирующим их и заставляющим действовать соответствующим образом. Только, пожалуйста, не в виде чудесных томов с тиснеными корешками — это работало четверть тысячелетия назад, но с того времени образ жизни слегка изменился.

Если мир воспринимает Твиттер, если мир воспринимает комиксы — замечательно, нужно разговаривать с миром на том языке, который он понимает. Может быть, нам нужно продумать твиттер-педию или комикс-педию, которые зафиксируют правду в форме, понятной даже жертвам ЕГЭ?

Андрей Фурсов. Прежде всего, уточню некоторые моменты. Далеко не всякий либерал — национал-предатель. Русские либералы XIX века Б. Н. Чичерин и К. Д. Кавелин предателями России не были. Западник — это не всегда либерал. Примеры — В. Г. Белинский, интернационал-социалисты ленинско-троцкистского типа. Правильнее в данном контексте говорить об автофобии — будь то русофобия или советофобия; впрочем, за последней, как правило, скрывается первая. Едва ли можно увидеть корни национал-предательства и автофобии в русском западничестве середины XIX века: от П. Я. Чаадаева до смердяковщины весьма длинная дистанция. Кроме того, те, кого сегодня в России именуют либералами, никакого отношения к либерализму не имеют. В своем классическом виде последний умер во втором десятилетии XX века. Так называемый неолиберализм так же похож на либерализм, как Граучо Маркс на Карла Маркса. Поэтому правильнее либо брать нынешних российских либералов в кавычки, либо называть их «либерастами», поскольку

их «либерализм» — это вывеска, скрывающая или оправдывающая социал-дарвинистское разграбление и разрушение страны и сокращение ее населения в интересах западного капитала.

У автофобии, которая в конце XX — начале XXI века приняла форму либерастического национал-предательства, несколько источников. На поверхности лежит смердяковское желание того, чтобы «умная нация» (французы, немцы и т. д.) покорила глупую (русских) в силу своего якобы культурно-исторического превосходства. На первый взгляд кажется, что речь идет о цивилизационном превосходстве; на самом деле имеется в виду бытовой комфорт («сто сортов сыра и колбасы»), то есть жизнь в соответствии с системой потребностей верхней части Запада капиталистической эпохи. При этом забывается, что в основе этого высокого уровня комфорта, часть которого в XX веке под давлением СССР стала перепадать западному среднему классу и даже верхушке пролетариата (за что это западное быдло так никогда и не почувствовало благодарности к СССР), лежали благоприятный климат (Гольфстрим), жестокая эксплуатация своих «низов» и ограбление колоний и полукolonий. Поскольку в России и у России ничего этого не было, то оформившееся во второй половине XVIII века стремление части российских «верхов» жить по западной системе потребностей требовало отчуждения у «низов» не только прибавочного, но и необходимого продукта. Психологическим оправданием этого становилось презрительное отношение к народу как к «азиатам», «дикарям» и т. п. В то же время, поскольку, во-первых, в России господствующие группы, в отличие от Запада, были функциональными органами власти и зависели от нее; во-вторых, эта центральная власть контролировала их и с конца XVIII века (с Павла I) ограничивала эксплуатацию «низов» «верхами» (в своих, разумеется, интересах), а со времен Александра II ограничивала (как могла) капитал — местный и проникновение чужого, то объектом автофобии части «верхов» становился не только народ, но и государство, центрально-верховная власть. В таком отношении данная часть «верхов» совпадала с определенными сегментами российского капитала и, конечно же, западного — с обслуживавшими его государствами Запада и хозяевами как этих государств, так и капитала — закрытыми наднациональными структурами мирового согласования и управления.

Таков вкратце и несколько спрямленно генезис автофобии в России. Он лишь по форме носит культурно-цивилизационный характер. По сути же это — классовое явление, связанное с интеграцией части «верхов» Большой системы «Россия» в Большую систему «Капитализм»: классовые интересы требуют национально-культурной перекодировки, предатель (как в широком, так и в узком смысле) должен оправдывать предательство и себя ненавистью к объекту предательства. В случае этнонациональной инаковости ненависть может усиливаться многократно. И все же главное — классовое. Достоевского и русские народные сказки чубайсы ненавидят не столько по национально-культурным причинам (хотя и по ним, по-видимому, тоже), сколько по классовым.

Автофобия — это идейно-поведенческий комплекс тех групп, которые стремятся к таким формам эксплуатации населения, которые сформированы Западом—Капиталом, но за пределами для русской системы работ. Все, что стоит на пути такой эксплуатации — государство, традиционные русские ценности, определенная численность населения, вызывает у западоидных групп ненависть и, по их мнению, должно быть уничтожено как «отсталое», «второсортное», «мешающее прогрессу», «неоптимальное» и т. п.

Русская революция начала XX века, а затем системный антикапитализм в виде СССР, казалось, должны были покончить с этим, но в 1930—1950-е годы, то есть в сталинский период, удалось лишь приглушить, придавить, как оказалось — временно. Со второй половины 1950-х годов в соответствии с логикой развития системного же антикапитализма (его производственная база была такой же, как у капитализма, — индустриальной) и его системообразующего элемента — номенклатуры, с одной стороны, и постепенной интеграцией СССР в мировой рынок, с другой, началась эрозия системного антикапитализма как «системного» и как «анти-».

В номенклатуре к рубежу 1960—1970-х годов сформировался небольшой, но весьма влиятельный, ориентированный на Запад слой, которому само наличие СССР, Советской власти мешало превратиться в класс собственников. Одно дело тайком размещать на Западе активы, создавать паутину совзагранбанков в обмен на уступки Хозяевам Запада и отказ от прорывных технологий или даже сдачу их врагу со страхом наказания за это; и совсем другое — легализоваться в прямом и переносном смысле, демонтировав строй, который основан на отрицании частной собственности и эксплуатации. Отсюда — второе, уже антисоветское (в снятом виде оно содержит и русофобию) пришествие автофобии, тщательно камуфлируемое до поры до времени под пролетарский интернационализм, под нетерпимость к национализму (особенно русскому), ко всему «почвенному». Показательно, что будущий «прораб перестройки» А. Н. Яковлев приобрел известность именно статьей-доносом, направленной против писателей-почвенников.

Так же, как вокруг автофобов эпохи позднего самодержавия сформировался целый слой обслуги (интеллигенция), у автофобов позднего реального социализма, стремившихся превратиться в собственников, сформировалась своя обслуга — так называемые «либералы». Имя им — легион: аксеновы, любимовы, окуджавы и проч. В виде якобы демократической фронды, «социализма с человеческим лицом» («уберите Ленина с денег»), все они сознательно или полусознательно работали на слом системы — на будущих собственников и на свое превращение из квазиинтеллигенции в культур-буржуазию.

Социальной базой властно-интеллигентских автофобов в позднем СССР стал активно формировавшийся с 1970-х годов слой советских мещан, лавочников — продукт реформы Косыгина—Либермана, торговли нефтью, развития системы распределения дефицита, «теневой экономики». Подчеркну тесную связь советского мещанина-лавочника 1970—1980-х годов с антисоветчиками-либерастами во власти.

Пунктиром эта связь наметилась уже в конце XIX века. В «Заметках о мещанстве» Горький четко ее зафиксировал: «Мещанство — это строй души современного представителя командующих классов». В позднесоветское время — и во многом именно поэтому оно стало *поздним*, то есть закатным советским, — мещанство, лавочничество, социальное лабазничество стало строем души определенной части партноменклатуры и КГБ, членов их семей, особенно третьего советского поколения — (условно) внуков советской верхушки, циничных, шмоточноориентированных, ненавидящих народ и ту власть, которая пусть все меньше, но выражала интересы простонародья. Как прав оказался Н. Бердяев, заметивший: «Самая злоеющая фигура в России (советской. — А. Ф.) — это не фигура старого революционера, а фигура молодого человека, внука тех, кто делал революцию».

1991 год стал триумфом советских лавочников всех уровней и внуков тех, к кому «просто мздой, не наказаньем пришел год тридцать седьмой» (Н. Коржавин) — тех, чьи дедушки до чисток 1937–1938 годов руководили НКВД и ГУЛАГом, и кто после 1991 года очень хотел превратить Россию в либерально-фашистский ГУЛАГ. Тот год и последовавшая за ним ельцинщина стали триумфом темной стороны советского общества, тени, которая перестала знать свое место.

В сегодняшнем властно-экономическом раскладе постсоветские автофобы ведут дело к ликвидации России как геополитической, культурно-исторической и демографической целостности. Во-первых, в ситуации нынешнего противостояния путинского режима с Западом они рассчитывают, что с помощью Запада устранят последний, пусть слабый, но реально существующий в виде суверенитета политический и правовой барьер на пути полного и бесконтрольного расхищения-эксплуатации русских ресурсов и полного подавления русского народа как культурно-исторического типа. Во-вторых, сокрушение России позволит этой публике спрятать в воду концы своих преступлений, за которые в случае сохранения России и тем более восстановления ее мощи им придется так или иначе отвечать.

Эти факторы лепят из автофобов почти абсолютных национал-предателей, ненавидящих в лице путинского режима российскую государственность, а в лице народа («ватники» и т. п.) — все русское. Опять же по сталинской формуле — национальное по форме, классовое по содержанию.

Эта публика готова стать приказчиками «международного сообщества», то есть мировых ростовщиков и транснациональных корпораций, не чувствуя, что новые хозяева вышвырнут их за борт, как только осуществят пиратский захват флагмана «Россия». Впрочем, и в случае, если захвата не произойдет, их все равно вышвырнут, — это сделает команда флагмана.

В завершение отмечу: национал-предательство постсоветской эпохи есть доведенная до логического завершения классовая и национально-культурная ненависть определенного сегмента российского общества (причем не просто чужого, а чужеродного — как по функции, так и по сути) к самому этому обществу; это ненависть раковой клетки к организму, который она использует. Вопрос лишь в средстве лечения — терапевтически или хирургически. ◆

Самозванцы либерализма. Идеология «золотой рыбки»

© Черняховский С. Ф.

© Chernyakhovsky S.

Самозванцы либерализма. Идеология «золотой рыбки»

Impostors of liberalism. The ideology of “goldfish”

Аннотация. Восстанавливается исторический смысл термина «либерализм» в его партнерстве с коммунизмом и противостоянии консерватизму и традиционализму. Протест российского общества против либералов вызван их изменой либеральным идеалам. Сегодняшние российские либералы являются «квазилибералами», которые в силу своей непримиримой враждебности обществу должны быть изгнаны из всех сфер общественной жизни.

Annotation. The historical sense of the term “liberalism” in its partnership with communism and opposition to conservatism and traditionalism is restored. The protest of the Russian society against liberals is caused them by treason to liberal ideals. Today’s Russian liberals are “quasiliberals” who owing to the irreconcilable hostility to society have to be expelled from all spheres of public life.

Ключевые слова. Либерализм, коммунизм, патриотизм, национализм, консерватизм, свобода, разум, собственность, народ, власть, государство.

Key words. Liberalism, communism, patriotism, nationalism, conservatism, freedom, reason, property, people, power, state.

1

Люди, которых сегодня в России стало принято называть именем либералов, собственно либералами никогда не являлись и не являются. И ничего общего в них ни с Вольтером, ни с Франклином Рузвельтом увидеть нельзя. Ни у тех, кто составляет их информационный и улично-салонный актив, ни у тех, кто занимает статусные позиции во власти, вузах, академических НИИ, СМИ.

Либерализм — лишь красивое историческое имя, которым в нынешних российских условиях прикрывается абсолютно иное и во многом просто противоположное собственно либерализму явление. Его можно описывать во многих его составляющих, но один из главных его истоков — это процесс вырождения определенной части поздней советской элиты. И рожденный в этом процессе определенный мировоззренчески-темпераментный стержень погубил страну двадцать лет назад, не дает ей восстановиться все это время и срывает все попытки осуществить прорыв в ее развитии сегодня.

ЧЕРНЯХОВСКИЙ Сергей Феликсович — профессор факультета политологии МГУ им. М. В. Ломоносова, член Изборского клуба, доктор политических наук.

Сводится он, пожалуй, к трем моментам: сохранять за собой власть, не неся ответственности за результат ее осуществления; не «напрягаться» в процессе исполнения своих полномочий; по возможности создать систему, которая будет работать сама, без постоянного контроля и участия в процессе ее реального функционирования.

То есть если власть в известном смысле состоит из двух начал — огромных полномочий и перенапрягающей текущей работы, то эта генерация хотела полномочия по принятию решений и почести с привилегиями оставить за собой, а от изматывающей работы, особенно требующей непосредственного профессионализма, себя избавить.

Свести власть к тому, чтобы встречаться с мировыми лидерами, осуществлять представительство, чувствовать зависимость от себя всех остальных, но чтобы реальная работа осуществлялась сама собой, как по волшебству. По велению Золотой Рыбки. Своего рода «коммунизм».

Но, во-первых, понимаемый примитивно-обывательски: неограниченное потребление без трудового участия.

Во-вторых — исключительно для элиты.

Хотелось, по сути, некоего управленческого «вечного двигателя». Чтобы один раз систему запустить — и дальше все вертелось само собой. Отсюда и известная формула: «Государство не должно вмешиваться в экономику. Оно должно создавать условия для того, чтобы экономика работала сама».

И старая, когда-то верная и прогрессивная, но сегодня во всем на деле оспариваемая и отвергаемая идея рынка понравилась и пришлось кстати. Каждый будет делать то, что ему выгодно, и тогда всем вместе будет хорошо. А рыночные идеологи будут со своих элитарных лож наблюдать и комментировать. И «создавать условия». А также — получать дивиденды за то, что все это придумали.

При этом «создавать условия» на деле означает создавать некие конфигурации, когда человек будет делать не то, что хочет или что требует от него дело, а то, что требует конфигурация, в которую он поставлен. То есть это управление не с помощью контроля, координации, постановки целей, задач, определения средств достижения этих целей, а с помощью интриги. Причем возведенной в принцип.

Традиционное (условно говоря, директивное) управление было объявлено «административно-командной системой», злом и началом, подлежащим искоренению.

Но главные отличия «директивного управления» от управления с помощью интриги заключаются в том, что, с одной стороны, первое все же требует профессионализма (чтобы «командовать» эффективно, нужно не только уметь управлять, но и разбираться в том, чем управляешь), а с другой стороны, за результат нужно отвечать: ты ставишь цели и ты определяешь средства.

Управление через «создание условий» позволяет обойтись и без первого, и без второго. В первом случае оно предполагает, что не нужно разбираться в том, чем управляешь, — этим займутся нанятые специалисты. Во втором — ответственность за неудачу будет не на тебе: ты задач не ставил. Все действовали по принципу: каждый делает то, что выгодно, и, если результат разрушительный, отвечают они, а не тот, кто «дал им свободу».

Одна из излюбленных тем «квазилибералов»: «Мы дали народу свободу, но они не сумели ею распорядиться».

Четверть века страной правят не профессионалы в тех или иных областях, а специалисты по интригам. Не то, что стиль, — сама внутренняя сущность — и политическая, и личностная — этих людей так или иначе определяется формулой «интрига—заговор—компромат». Уход от ответственности. Написание мемуаров. Как результат — разрушение с последующим объявлением его достижением, «разрушением зла».

Нет практически ни одного носителя этой идеологии, которому что-либо удалось реально организовать, создать, построить. В любом деле, управление которым им удастся присвоить себе, они никогда не могли предъявить практически никаких позитивных результатов, но выдавали за них негативные. Любое оспаривание последнего объявляя «неспособностью понять» благостную сущность этих разрушений. В позднюю советскую эпоху был своеобразный способ отчитываться об успехах в строительстве числом заложенных фундаментов: они поглощали 40 процентов выделенного финансирования и в докладах строителей давали солидные показатели успехов.

Люди, называющие себя «либералами», в известном смысле отчитываются о строительстве новых домов числом «демонтированных» старых, — которые они просто взрывают или продают на слом.

Кроме владения интригой и навыка разрушения, они за четверть века не продемонстрировали ничего. Но прилагают все усилия, чтобы сохранить власть за своими представителями.

2

Сегодня в России люди, называющие себя либералами, говорящие от имени либерализма и являющиеся одним из основных деструктивных элементов общества, прежде всего, не имеют практически никакого отношения к либерализму. Ни к исторически мировому, ни российскому.

Их оппоненты признали за ними это самоназвание — и, вполне обоснованно упрекая их как в безумных экономических и политических экспериментах 1990-х годов, так и в сегодняшней иногда откровенно провокационной, а часто откровенно коллаборационистской деятельности и работе на мировых конкурентов России, вместе с ними клянут сам либерализм — одну из четырех великих мировых идеологий.

В результате, с одной стороны, дискредитируется одна из важнейших политико-теоретических составляющих мирового развития, с другой — неоправданно завышается статус этих людей, которые в подлинно либеральном обществе были бы безусловно признаны нерукопожатными и подвергнуты общественному ostracismu наряду со сторонниками рабства в США.

Эти люди, на деле выступающие носителями двух идейно-политических начал, — рыночного фундаментализма и крайнего элитизма, — не имеют никакого отношения к сути и классической форме либерализма как такового прежде всего потому, что не разделяют и не принимают его основные ценности: Свободу, Разум, Собственность.

С точки зрения исходного и классического либерализма, каким он сформировался к XVIII веку, все люди являются свободными от рожде-

ния и достаточно разумными, чтобы распорядиться своей свободой. Однако их свобода окажется иллюзией, если они не будут обладать собственностью, которая даст им экономическую независимость.

Отсюда утверждаются и принцип народного суверенитета (народа как единственного источника власти), и идея подчиненности государственной власти этому народу.

И уже как вторичный момент к 1776 году появляется концепция рыночной экономики как экономической составляющей либерализма той эпохи. Однако к концу XIX века рыночная экономика стала вызывать все больше нареканий, а массы все чаще стали отходить от либеральных партий и тяготеть к социалистическим, — и либерализм как мировая идеология начал трансформироваться. Своей экономической составляющей он уже в работах Томаса Грина пришел к утверждению необходимости ответственности государства за экономические отношения, контролю им экономики и производства, ответственности за обеспечение равных стартовых условий для граждан. А поэтому — к необходимости обеспечения для каждого из них прав на образование, труд, охрану здоровья и обеспечение по старости. И в XX веке Ф. Рузвельт принял и сделал экономической составляющей своего Нового курса, по существу, концепт плановой экономики.

Те люди в России, которые объявляют себя «либералами», в большинстве случаев не приемлют ничего из названного, за исключением отторгнутой мировым либерализмом идеи рынка.

Они на самом деле не принимают даже идеи Свободы — потому что понимают ее исключительно как свою свободу не зависеть ни от мнений общества, ни от требований большинства. Осуществляя свои эксперименты в 1990-е годы, они не исходили из требований общества — они навязывали обществу свои требования и в проводимой ими политике, и в своем вольном обращении с правом и результатами народного волеизъявления.

Они не принимают ценности Разумности — потому что не признают изначальной разумности человека и народа и, с одной стороны, изначально считают любую точку зрения, отличную от их подходов, неразумной, даже если это — точка зрения большинства; с другой — присваивают себе права на высшую истину, даже если не могут доказать ее окружающим.

Они не принимают ценности собственности и принципа права граждан на собственность, потому что все свои эксперименты 1990-х годов строили не на принципе гарантии собственности для граждан, а на лишении собственности большинства для наделения ею меньшинства.

Они не приемлют принцип народного суверенитета ни в том смысле, что не признают за народом права на самостоятельное развитие, а требуют его подчинения тем или иным нормам, провозглашенным универсальными другими странами и правительствами, ни в смысле признания подчиненности власти желаниям и требованиям народа. Каждый раз, когда оказывается, что в своих оценках и предпочтениях народ, то есть большинство народа, расходится с их мнением, они объявляют народ неразумным и «больным», требуя от власти жесткими мерами осуществить его подавление и проведение той политики, которую они считают правильной.

В современном либерализме они не приемлют идею отказа от рынка и перехода к регулируемой экономике, по-прежнему требуя повсеместного применения моделей организации экономики XVIII века, любой шаг к регулированию и плановой организации объявляя порочным и ведущим к бюрократизации и диктатуре.

Точно так же в современном либерализме они не приемлют идеи ответственности государства за экономику, равно как и за создание равных стартовых условий для всех граждан. С их точки зрения, каждый человек сам должен платить за свое образование, за медицинское обслуживание, сам должен копить деньги на случай лишения работы и на свое обеспечение на время, когда состарится. Если же у него этих денег нет и скопить их не удалось, он не может, по их мнению, претендовать ни на какие формы общественного обеспечения, за исключением минимальных подачек благотворительности. То есть в их понимании, в отличие от точки зрения самого либерализма, человек не имеет от рождения никаких социальных прав и может рассчитывать лишь на то, за что может заплатить, — а потому должен посвящать свою жизнь исключительно заботе, как раздобыть средства к существованию, и поэтому обогащаться любыми средствами.

Те люди в России, которые объявляют себя «либералами», вообще не имеют с либерализмом ничего общего практически ни в каком историческом воплощении последнего — даже классическом, поскольку и из него они берут лишь одно — рынок. Именно то, от чего сам либерализм давно отказался.

С русским либерализмом, каким он сформировался ко второй половине XIX — началу XX века, они тем более находятся в разрыве, отвергая и признавая заведомо порочной каждую его ориентацию: сохранение сильного государства, патриотизм, признание приоритета социальной справедливости и определенный союз с рабочим и социалистическим движением.

Таким образом, они вообще не имеют с либерализмом ничего общего практически ни в каком историческом воплощении последнего — даже классическом, поскольку и из него они берут лишь одно — рынок. Именно то, от чего сам либерализм давно отказался.

«Либералы» — это не их имя.

Это их маска, позволяющая представлять себя уважаемым и цивилизованным политическим течением, хотя в основе их подходов лежит предельный элитизм и разделение человечества на две категории: имеющих право властвовать и принимать решение о судьбе всех остальных — и этих остальных, имеющих право лишь слушаться первых и кормить их своим трудом.

И сами они — не либералы.

Они лишь самозванцы, произвольно присвоившие себе чужое имя и прикрывающие свою непривлекательную сущность великими именами Вольтера и Дидро, Грина и Рузвельта.

3

Нет таких обвинений, которые в 1990-е годы в России коммунистическая оппозиция не обращала бы в адрес либералов, равно как и политические силы, именовавшие себя либералами — в адрес коммунистов. В результате политическое соперничество разворачивалось между этими двумя тенденциями. И обществу, и самим участникам борьбы стало, похоже, представляться, будто коммунистическая и либеральная идеологии — непримиримые антагонисты. Определение «коммунист» автоматически воспринималось как синоним определения «антилиберал»; определение «либерал» — как синоним определения «антикоммунист».

Конечно, этому способствовало и то, что силы, представлявшие себя в качестве либеральных (круг сторонников Чубайса и Гайдара), никогда ничего общего, кроме самоназвания, с современным либерализмом не имели. Они использовали либеральную риторику, критикуя коммунистов, но сами проводили курс, подобный курсу Рейгана и Тэтчер — консерватизма в том виде, в каком он был представлен экономической концепцией М. Фридмана, ставшей основой антилиберального поворота на Западе в последней четверти XX века.

С другой стороны, этому способствовало то, что сами коммунисты, приняв самоназвание своих противников, невольно подтвердили их претензию на это звание. Утонув в своих страстях, вместо того, чтобы холодно и здраво проанализировать, какая конкретная идеологическая и политическая тенденция противостоит им, коммунисты стали обращаться к своим оппонентам все обвинения и ругательства, которые содержались в их политической памяти, одновременно забывая и теряя суть своей собственной доктринальной позиции.

В итоге терялось и понимание того, что исторически либерализм и коммунизм — двоюродные братья, две самые близкие из всех мировых идеологий, два основных наследника эпохи Просвещения, опирающиеся на одни и те же базовые ценности, но видящие разные способы их утверждения.

Это нашло отражение в объявлении идеологии либерализма главным врагом, в провозглашении его вариантом фашизма. Как заявил еще в 1995 году один из их тогдашних лидеров в докладе на XXX съезде СКП-КПСС, «история показала, что либерализм, так же, как и фашизм, является античеловеческой идеологией, против которого все силы гуманизма должны вести неустанную борьбу... Всякое отступление от идеологии социалистической есть усиление идеологии буржуазной, либеральной» [1].

Изначально коммунизм и либерализм являлись двумя идеологиями, — хотя и борющимися друг с другом вокруг видения будущего и выражавшими интересы противостоящих классов, но представлявшими исторически одно прогрессистское течение в мировой идеологии. Обе они декларировали веру в человека, прогресс, исторический и антропологический оптимизм.

Либерализм базовыми ценностями провозглашал Свободу, Разум, Собственность. Их принимал и коммунизм, хотя трактовал иначе, провозглашая необходимость замены частной собственности на общественную в качестве гарантии этих ценностей. Это расхождение двести лет определяло борьбу данных идеологий, поскольку выражало интересы разных классов. Однако даже в противостоянии коммунизма и либерализма проявлялось общее: собственность должна быть гарантирована каждому.

Для обоих человек — ценность, государство — инструмент общества.

В своем сходстве они противостояли консерватизму и национализму, считавшим человека средством, государство сверхценностью, а традицию и обычай ставившим выше исторического развития. Именно либерализм и коммунизм были наследниками эпох Возрождения и Просвещения, именно они были носителями двух конкурирующих вариантов гуманизма.

Провозглашение равенства между фашизмом и либерализмом, призыв к борьбе против последнего всех сил гуманизма с провозглашением тождества либерализма и всей буржуазной идеологии выглядит странно. Прежде всего, оно исторически и теоретически несостоятельно, поскольку:

- фашизм и либерализм принадлежат к разным идеологическим векторам, немецкий фашизм был крайней формой национализма и по исходным постулатам противоположен либерализму и его ценностям;

- если коммунизм намерен вести борьбу с либерализмом, чем он, собственно, и занимается с момента их расхождения, — то лишен смысла призыв к борьбе против него всех сил гуманизма, поскольку они либерализмом и коммунизмом исчерпываются;

- если коммунизм призывает к борьбе против либерализма вообще все идеологии, это означает призыв к борьбе против гуманистической идеологии всех антигуманистических идеологий;

- либерализм есть одна из буржуазных идеологий, наряду с консерватизмом и национализмом. Сводя всю ее к либерализму, на фоне обращения к классическому положению В. И. Ленина, что есть лишь две идеологии — буржуазная и социалистическая, лидеры коммунистов объявляют национализм и консерватизм идеологиями социалистическими.

Противопоставление либерализма патриотизму представляется достаточно типичным проявлением ментальности партийного актива. В прошлом коммунисты критиковали либерализм за непоследовательность в борьбе с авторитаризмом, за мягкотелость в отстаивании интересов демократии. Это было понятно.

Понятно, когда коммунисты критиковали буржуазную политику с позиций социалистической.

Но что значит критиковать либеральное правительство с патриотических позиций? Что значит вообще критиковать идеологию с позиций чувства? Тезис, что либеральная идеология не выражает интересов пролетариата, — понятен. Но что означает утверждение, что либерализм не выражает интересов России? Идеологии вообще не выражают интересов стран, они выражают интересы классов. Либеральная идеология и либеральная политика выражают интересы нарождающейся российской буржуазии, то есть буржуазной России, и не выражают интересы формирующегося российского пролетариата.

Говорить, что либерализм не выражает интересы России — значит говорить, что он в принципе не для России, что общеисторические закономерности здесь не действуют и классовой борьбы быть не может, а тогда, по той же причине, — и коммунизм не для России.

Выступать против либеральной политики не с социалистических позиций — значит выступать с консервативных. Тогда получается, что оппозиция против либеральной буржуазной политики за консервативную буржуазную, против либерального капитализма за авторитарный.

Абстрагируясь от интересов классов, коммунисты имманентно обречены пытаться защищать интересы нации, но, при отрицании капитализма, не в ее современном буржуазном, гражданском понимании, а в феодальном, с неизбежной ксенофобией, приводящей к дискредитирующим ее скандалам.

В значительной степени путаница в определении настроений общества воспроизводит (или порождает?) путаницу в собственной самоидентификации. Как в конце 1980-х правые именовались левыми, так и сегодня сторонников радикально-рыночных реформ именуют либералами, традиционалистов — коммунистами, националистов — патриотами, а авторитаристов — демократами.

4

Во всем мире под классическим либерализмом действительно понимали сторонников свободного рыночного регулирования, парламентского правления, приоритета законодательной власти над исполнительной. Это было закреплено принципом разделения властей, отстранения церкви от участия в политике и национализации ее имущества.

Под классическими консерваторами понимали сторонников традиционной иерархии власти, жесткого контроля правителя над реформами и свободами гражданского общества, пиетета перед церковью. Под классическим коммунизмом понимали сторонников полного народовластия, демократии, экспроприации экспроприаторов и создания условий для развития творческой личности, торжества принципов гуманизма, атеизма. Уже XX век внес в эту идентификацию свои коррективы.

В либерализме на место «невидимой руки рынка» Адама Смита пришла идея «позитивной свободы» Томаса Грина [2], государственного регулирования и социальных гарантий, что было триумфально реализовано Франклином Рузвельтом [3].

В консерватизме были приняты идеи рыночных свобод, сокращения социальных программ, снижения роли государства в экономике, обоснованные Фридманом, при признании приоритета традиционалистских ценностей — семьи, патриотизма, долга, снижения налогов, установки на индивидуализм и личный успех.

В коммунизме были развиты идеи контроля гражданского общества за государством через механизм политических и общественных организаций, ставка на радикальное ускорение научно-технического прогресса, новую роль интеллигенции, превращающейся в современный пролетариат, отмирания национального устройства.

Что значило бы, соответственно, быть либералом и демократом в условиях современной России? Это значило бы в политике — выступать за пар-

ламентскую республику, расследование участия высших должностных лиц в коммерческих проектах, требовать института парламентского контроля за деятельностью спецслужб, создания наблюдательных советов на телевидении, равный раздел времени между правительством и оппозицией в ведущих электронных СМИ. Это значило бы в экономике — расширять государственный контроль, национализировать крупнейшие корпорации, повышать налоги на предпринимателей, расширять круг социальных гарантий, повышать зарплату врачам и учителям, вкладывать деньги в промышленность и создание новых рабочих мест, расширять бесплатное высшее образование, создавать элитные условия в наукоемких сферах.

Что значило бы быть консерватором? В политике — сокращать государственный аппарат, делать ставку на воспитание патриотизма, разворачивать пропаганду предыдущего этапа исторического движения, принимать программы укрепления морали, авторитарно противодействовать выступлениям трудящихся. В экономике — снижать налоги, бороться с инфляцией, сокращать государственное участие в экономике, осуществлять приватизацию, призывать отменить льготы тем или иным категориям населения.

Что значит быть коммунистом? В политике — выстраивать широкий блок с социал-демократами и левыми демократами, организовывать профсоюзное движение, использовать парламентские механизмы для обострения ситуации в стране, создавать боевую организацию, первичные организации в армии, призывать солдат к неповиновению офицерам, требовать вывода церковных структур из политики. В экономике — требовать создания радикального трудового законодательства, контроля коллективов за деятельностью администрации, национализации основных отраслей экономики.

Не нужно особых пояснений, чтобы убедиться, что ни одна из действующих в России ведущих политических сил не соответствует своему самоназванию. Запутавшись в собственных названиях, они естественно запутались в ориентациях общества, а следовательно — не могут и определить приоритеты, его центра.

Представляется, что это не есть случайный казус. Перейдя на позиции критики капитализма с позиций предыдущего состояния, оппозиция обрекает себя, с одной стороны, на союз со всеми более реакционными силами. С другой — естественно, что для «докапитализма» первый идеологический враг — та идеология, которая выступила как исторически первая идеология капитализма, проложившая дорогу буржуазно-демократическим революциям. С некоторой, довольно существенной, натяжкой консерватизм и национализм можно представить как идеологии докапиталистических начал, хотя на деле они скорее являются представителями нисходящей, реакционной линии в развитии капитализма. Тогда они действительно оказываются союзниками такой оппозиции.

Однако в этом случае следует признать, что оппозиция, в результате помещения своего идеала в прошлое, начинает выступать в принципе противником исторического прогресса. Переориентация на защиту традиции, сильного государства, нерасчлененного общества, союз с церковью, национализм и антисемитизм вынуждают фиксировать такую тенденцию.

Отказываясь от прогрессистской роли, коммунистическая оппозиция лишается креативно-созидательного ресурса как источника новых сил, средств, запасов творческой энергии личности.

Важно и другое. Формулируя докапиталистический идеал, входя на почву борьбы с буржуазным прогрессом в союз с силами, ставящими традицию выше него, оппозиция практически отказывается от роли носителя варианта прогресса, альтернативного буржуазному. Она оставляет за либерализмом роль единственной прогрессивной идеологии, а за капитализмом — единственного варианта прогресса. Тогда либо она за прогресс, но обречена принимать его буржуазный вариант, либо против и капитализма, и против прогресса, объявляя последний злом по определению.

В итоге перенос идеала в прошлое обрекает оппозицию на интеллектуальную несостоятельность, лишает стержней и постулатов собственной идеологии и загоняет в исторический, политический и проектный тупик, лишая политической и исторической перспективы.

5

Либерализм — это, безусловно, великая мировая идеология, вытекающая напрямую из постулатов и базовых ценностей эпох Возрождения и Просвещения. Идеология, принимающая и провозглашающая в качестве базовых ценности Свободы, Разума и Собственности: каждый человек от рождения достоин Свободы; каждый человек потенциально достаточно Разумен, чтобы распорядиться своей Свободой; но на деле он действительно свободен только тогда, когда обладает Собственностью. Таким образом, нельзя быть свободным, не имея собственности и будучи обреченным на экономическое подчинение и угнетение [4].

Эти три ценности в равной степени принимаются и разделяются и другой мировой идеологией — коммунизмом: различие заключается в нюансах их трактовки. Либерализм изначально видел необходимым гарантировать человеку экономическую самостоятельность через наделение каждого частной собственностью; коммунизм — через гарантии каждому его доли и права на общественную собственность. Но и тот и другой были уверены, что человек, лишенный собственности, будет поставлен в экономически подчиненное положение, а в результате — окажется лишен и политической свободы, даже если она для него будет продекларирована.

Теоретически либерализм — это один из необходимых компонентов становления человеческого сознания и человеческой истории, человеческого прогресса.

Однако в современной России для значительной части общества и населения слово «либерал» оказалось неким видом бытового и политического ругательства, даже в известной степени эвфемизмом, означающим нечто близкое слову «людоед». И хорошего здесь на самом деле мало. Но так получилось вовсе не потому, что Россия оказалась враждебна идеям либерализма и базовым для них ценностям гуманизма и просвещения.

Просто либерализму в России не повезло: его именем постарались освятить себя люди, либералами себя назвавшие, риторику либерализма использующие, его именем клянущиеся, но никакого отношения к либерализму не имеющие. Еще в 1990-е годы польский политолог Семен Шацкий, исследуя политические и идеологические процессы в Восточной Европе, обратил внимание на явление, которое он тогда назвал «протолиберализмом» [5]. Оно заключалось в том, что определенные

группы общества, ведя борьбу против коммунизма и социализма, использовали как оружие либеральную риторику и либеральные знамена, будучи на деле абсолютно чужды либеральным ценностям, не понимая их и не разделяя их.

Для них либерализм означал не приверженность идеалам Разума и Свободы, а их собственное право на избранность, право на роль интеллектуальных гуру, право стоять выше общества, презирать общество, поучать общество и в конечном счете — не считаться с обществом. Это же произошло и в России. Причем поскольку от момента возникновения этого явления до сегодняшнего дня прошло достаточно много времени, а «протoliberalизм» так и не сумел преодолеть свое «прото-» и стать собственно либерализмом, заострившись в своей извращенной форме, то его сегодня скорее нужно было бы называть уже не «прото-», а «квазилиберализмом».

Либерализм выше всего ценит свободу, — а квазилиберализм полагает, что она должна заключаться в свободе его носителей не подчиняться желаниям и настроениям большинства на том основании, что они выучили слово «либерал».

Мировой либерализм давно отказался от рыночного фундаментализма и встал на путь требования государственного регулирования экономики, — а квазилиберализм навязывает обществу требования рыночной экономики, не считаясь с их катастрофическими последствиями.

Либерализм полагает, что любой народ имеет право жить в соответствии с теми идеями и ценностями, которые он разделяет, — а квазилиберализм полагает, что народы должны жить по тем правилам, которые для них будут написаны его представителями.

Либерализм считает высшим носителем и источником власти народ и признает его суверенность. Квазилиберализм же считает, что суверенитет народа — ничто в сравнении с нормами, правилами и декларациями, провозглашенными группой «избранных стран», которые он признает достойными подражания, и требует подчинения воли народа воле этих стран и контролируемых ими международных организаций.

При этом в России люди, называвшие себя либералами, столь опорочили это на деле вполне благородное имя, что и сделали его ругательством, и оказались сами отторгнуты и презираемы обществом.

Но если общество их отвергает как на уровне отказа им в уважении, так и на уровне электорального неприятия, то на уровне элиты они оказались в заметной мере сохранены и в виде части ее представителей, и в виде маргинальных групп политического класса.

Квазилиберальные активисты создают по избранным датам шум на площадях, имитируя, с одной стороны, «народный протест», а с другой — формируя театральный образ его «подавления властями».

Квазилиберальные пропагандисты и агитаторы в подконтрольных СМИ формируют соответствующую информационную волну, создавая заведомо искаженный образ общественных симпатий и пристрастий.

Квазилибералы, сохранившие положение на высшем государственном уровне, опираясь на этот шум, иницируют рыночно-фундаменталистские экономические инициативы и упорно пропагандируют их как во власти (посредством личного влияния), так и в обществе (посредством контролируемых ими СМИ).

Квазилибералы в интеллектуальной сфере и сфере консалтинга не всегда громко, но настойчиво и упорно повторяют свои псевдолиберальные рекомендации для власти, в очередной раз создавая впечатление, что «иного не дано».

Квазилиберальные историки продолжают фальсифицировать каждый эпизод предыдущей, и особенно советской, истории, формируя негативные представления о прошлом страны. Причем получают для этого все возможности и эфирное время электронных СМИ, сохраняют при этом подчас статусное положение во главе академических институтов, а иногда и ведущих вузов страны.

Обычно они банально необразованны и вызывающе лживы. Однако как только они получают более или менее заметный публичный отпор, то мгновенно используют все свои клановые возможности для кулуарного и административного давления на своих оппонентов и оказавшихся опасными для них специалистов.

Квазилибералы отторгнуты обществом на публично-политическом уровне. Они изгнаны их парламента и приличного общества, а во многих случаях признаны нерукопожатными.

Но они допущены на экраны и в НИИ, консалтинговые властные центры и в сами структуры власти, в посольства известных держав и некоторые вузы, в кабинеты власти и неформальные элитные площадки общения.

Они ненавидят и презирают ценности и настроения большинства общества и составляют фактор мощного кланового влияния. В частности, выдавая себя в глазах и российской власти, и международных структур за носителей общественного мнения и представителей ожиданий давно ненавидящего их народа.

Они отторгнуты народом, но остаются влиятельным фактором искажения его воли и атактистическим препятствием на пути ее осуществления.

Сегодня они активизировались и вновь мешают развитию общества, навязывая ему свои рыночно-фундаменталистские и элитистские, чело-веконенавистнические представления и проекты. Нельзя двигаться вперед, не убрав их с пути общественного развития.

Они изгнаны из парламента, но должны быть изгнаны и из других сфер, где они еще сохраняют возможность противодействовать воле и ожиданиям общества, оценке обществом своей истории и формулированию желаемой им политики.

Литература

1. **Черняховский С.** Неподходящие имена // Газета.ру. 28.08.2006. — www.gazeta.ru/comments/2006/08/28_a_749392.shtml
2. **Green T. H.** Lectures on the Principles of Political Obligation and Other Writings (Cambridge: CUP, 1986).
3. **Бернс Д. М.** Франклин Рузвельт: Человек и политик. М., 2004.
4. Либерализм Запада XVII—XX вв. / под ред. В. В. Согрина. М., 1995.
5. **Шацкий С.** Протолиберализм: автономия личности и гражданское общество // Полис. 1997. № 5, 6. ◆

Обратная сторона роста

Современные структурные экономические кризисы и пути их преодоления

© Тарко А. М.

© Tarko A.

**Обратная сторона роста. Современные структурные
экономические кризисы и пути их преодоления**

**The Reverse Side of Growth. Modern structural
economic crises and the ways to overcome them**

Аннотация. Исследованы особенности возникновения и развития структурных экономических кризисов. Проанализированы теории структурных кризисов О. В. Григорьева, М. Л. Хазина и модели кризисов И. Г. Поспелова, А. М. Тарко, В. Н. Новохацкого. Одной из причин современного кризиса признается инновационное развитие и научно-технический прогресс в замкнутой мировой экономической системе.

Annotation. The origins and development of structural economic crises are analyzed on the basis of the economical theories of O. V. Grigoriev, M. L. Khazin and mathematical models of I. G. Pospelov, A. M. Tarko, V. N. Novohatsky. One of the causes of the current crisis is the innovative development and scientific and technological progress in a closed world economic system.

Ключевые слова. Мировой структурный экономический кризис, динамические процессы, темпы роста, сырьевое развитие, Россия, Европейский Союз, США, Китай.

Key words. Global structural economic crisis, dynamic processes, growth rates, raw materials development, Russia, European Union, USA, China.

Идея покойного академика Н. Н. Моисеева о том, что развитие мировой экономики является «не управляемым, а направляемым процессом» [1], не теряет своей актуальности. И она очень важна при анализе современного экономического кризиса. В данной работе поставлена задача выявления причин возникновения нынешнего кризиса и того, в какой степени мировые процессы являются «направляемыми». То есть речь пойдет об определении субъектов, направляющих развитие кризиса и несущих ответственность за его результаты.

Мощный мировой кризис затрагивает экономику и жизнь населения большинства стран мира, провозгласивших глобализацию и общие рынки важнейшим фактором развития. Но сам факт этого кризиса означает,

ТАРКО Александр Михайлович — главный научный сотрудник Федерального государственного бюджетного учреждения науки «Вычислительный центр им. А. А. Дородницына Российской академии наук» (ВЦ РАН), профессор, академик РАН, доктор физико-математических наук.

Работа выполнена при поддержке РФФИ (грант № 14-01-00308).

что новые современные экономические принципы, хотя и провозглашены, в итоге дают лишь «направляемый процесс» и еще только «проверяются» и «подгоняются». В мировой экономике происходят сбои, и мир пока не является «управляемым».

Предпринимаемые активные меры по преодолению кризиса имеют ограниченный характер, преимущественно основанный на стабилизации финансовой системы. Однако стабилизации не происходит. Об этом свидетельствует, например, и то обстоятельство, что валюта США находится в нестабильном состоянии из-за растущего дефицита бюджета — страна тратит денег больше, чем получает. Может ли дефицитная экономика продвигаться к стабильному развитию? Вопрос риторический. Тем не менее это не означает, что экономика мира разрушится. Автор не сомневается, что мировая система справится с кризисом; однако сейчас пути перехода к стабильному развитию для руководителей ведущих стран остаются неизвестными.

Теории физических, экономических, экологических и многих других процессов в настоящее время опираются на систему постулатов, проверка которых относительна. Математическое моделирование, лежащее в основе описания теорий, проверяется на основе анализа траекторий динамических процессов. Но, поскольку точность измерения параметров не абсолютна, возникает возможность получения бесконечного количества траекторий, интерпретация которых может быть в некоторых случаях истолкована как существование нескольких теорий. Именно так обстоит дело с моделированием экономических кризисов современной мировой системы.

Самым распространенным является понимание возникновения современного мирового кризиса как краха финансовой системы. Началом мирового экономического кризиса принято считать 15 сентября 2008 года, когда обанкротилась американская ипотечная фирма Lehman Brothers. Вслед за этим начался мировой финансовый, а вслед за ним и экономический кризис. Он начался в развитых странах, то есть таких, которые традиционно считались локомотивами мирового развития, а затем распространился на весь мир. До сих пор мировая экономическая система считает первопричиной кризиса неправильную финансовую политику частного капитала.

Российские экономисты О. В. Григорьев и М. Л. Хазин [2, 3], идеи которых восходят к концепции Адама Смита [4], — с одной стороны, и независимо от них И. Г. Пospelов, А. М. Тарко и В. Н. Новохацкий [5, 6] — с другой стороны, разработали иные, схожие между собой теории структурных кризисов, подтвержденные математическими моделями и расчетами на ЭВМ.

Согласно наблюдениям О. В. Григорьева, развитие экономики сопровождается последовательным увеличением звеньев в цепи «производство—продажа». В производстве товаров возрастает число участников, каждый из которых начинает выполнять какую-то часть ранее единого процесса. Рост же числа участников сопровождается

увеличением риска создания (продажи) своей части будущего рыночного продукта. Если емкость рынка насыщена (например, весь мир), то при сильном развитии риски становятся слишком большими, выпуск товара становится невыгодным, и рост экономики прекращается. Поскольку рост длины цепи производства связан с инновациями, то здесь важен процесс, в настоящее время называемый научно-техническим прогрессом (НТП). При кризисе мировой системы НТП не может прекратить его, так как его возможности слабее стагнирующей экономики. Отметим, что в теории О. В. Григорьева есть важный противоречивый пункт. Остается неясным, *почему кризис начинается только при совпадении двух независимых условий: 1) при насыщении рынка, 2) в разросшейся цепи «производство — продажа» риски становятся критически важными для наступления кризиса.*

В математических теориях развития экономики в упомянутых работах И. Г. Поспелова, А. М. Тарко и В. Н. Новохацкого, а также А. М. Тарко и М. Ю. Портного [7, 8] НТП присутствует с самого начала как элемент теории. Именно быстрое развитие НТП в ходе экономического процесса приводит к «затовариванию» пространства, ограниченного размерами мировой рыночной экономики, и в результате возникает экономический кризис.

Нематематическая теория О. В. Григорьева и математические теории И. Г. Поспелова, А. М. Тарко и В. Н. Новохацкого дают качественно одинаковый результат — кризис экономического развития в замкнутой мировой экономической среде. Он связан с финансовой деятельностью банковских систем, но те играют «поддерживающую» роль и могут лишь отсрочить начало кризисных явлений. С учетом этого рассмотрим важнейшие черты возникновения и развития современного структурного экономического кризиса в мире и в России. Для понимания смысла, вкладываемого в понятие «кризис», и его генезиса обратимся к истории важнейших кризисов мирового развития.

* * *

Согласно выводам Ф. Броделя [9], цивилизации до XIV—XVIII веков развивались преимущественно по циклической аграрной схеме. Пройдя периоды роста и расцвета, они приходили в упадок и погибали. Затем на той же или другой территории начиналось возрождение, и все повторялось вновь. В исторической основе этого процесса лежит подсечно-огневое земледелие. Постепенно увеличение численности населения и уменьшение свободных земель привело к оседлому образу жизни и появлению аграрных циклов развития, но не к прекращению кризисов.

Данная ситуация подтверждается математическим моделированием на модели А. М. Тарко и В. Н. Новохацкого. На рисунке 1 четко видны подъем и спад развития отдельных цивилизаций в течение почти полутора десятка тысяч лет.

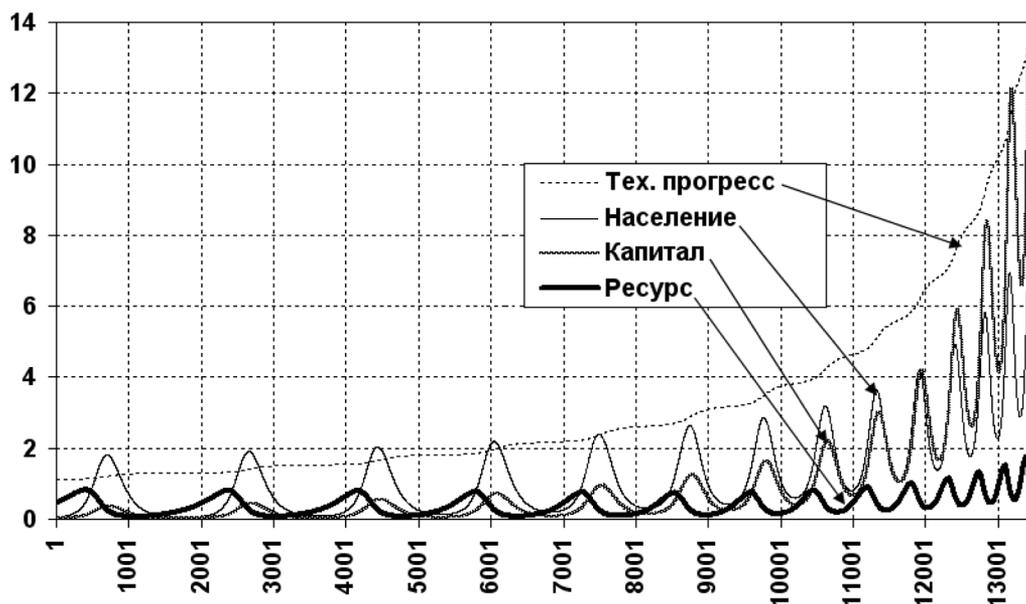

Рис. 1. Моделирование развития цивилизаций в Древности и в Средние века

Рисунок показывает несколько полных циклов развития цивилизаций: динамику их капитала, численности населения, аграрного ресурса, уровня технического развития от начала роста до деградации, а затем появление и развитие новой цивилизации или возрождение старой, связанные с появлением нового аграрного ресурса. В реальной жизни к этому добавлялось влияние эпидемий — особенно оспы в Европе в XIV веке и позже. Также гибель цивилизаций подчас (не только в Европе) вызывали климатические катастрофы («малые» ледниковые периоды и пр.). Из рисунка видно, что модель воспроизводит увеличение скорости развития и частоты смены цивилизаций. Она воспроизводит также рост технического прогресса (НТП), увеличение минимальной и максимальной численности населения, рост уровня жизни (увеличение капитала) и (что важно) увеличение минимумов и максимумов колебаний капитала и ресурса.

Постепенно эпидемий становилось все меньше. Появились более эффективные агротехнические приемы. В результате на фоне развития экономики и более высоких урожаев стала в целом увеличиваться численность населения и уменьшалась зависимость от климата. Например, в Швеции было отмечено, что корреляция между неурожайными годами и приростом населения прекратилась в конце XVIII века. К сожалению, России не удалось решить эту проблему вплоть до Первой мировой войны.

В целом, начиная с XIV—XVIII веков, в Европе впервые возникла уникальная социально-экономическая ситуация. В то время, как другие страны мира все еще развивались по циклическому закону, в Европе появилось общественное устройство, при котором, несмотря на отдельные спады, экономический рост стал постоянным. Этому способствовало развитие ряда стран по пути активного роста НТП. Этот путь является определяющим развитие мира и в настоящее время.

В начале 1970-х годов период экономического бума в развитых капиталистических странах внезапно закончился, сменившись падением темпов экономического развития и застоем деловой активности. Внешней причиной этого было повышение цены на сырую нефть арабскими странами — производителями нефти. «Энергетический кризис», как назвали резкий экономический спад на Западе, дал повод задуматься о судьбах экономической системы Запада.

Объяснение происходящих событий появилось в математической модели в работе Дж. Форрестера «Мировая динамика», вышедшей в 1971 году [10]. Вслед за ней появилась книга Д. Медоуза с соавторами «Пределы роста» [11], в основном повторявшая идеи и модели Форрестера. Эти работы, особенно Д. Медоуза, завоевали большую популярность повсюду в мире, в том числе и в СССР.

В моделях Дж. Форрестера и Д. Медоуза было показано, что, если экономика будет развиваться темпами начала 1970-х годов, человечество ждет голод, гибель среды обитания и т. п. Книги имели огромный общественный резонанс, поскольку выражали тревоги и страхи людей, внезапно сменивших относительный комфорт стабильного роста 1960-х годов на неудобства и неопределенность 1970-х.

Основным результатом построения указанных моделей стал вывод о том, что рост населения Земли в первой половине XXI века прекратится и начнется непреодолимый катастрофический спад его численности, что истолковывалось как деградация человеческой цивилизации и биосферы. Из работ Дж. Форрестера и Д. Медоуза следовало, что существующие технологии не в состоянии обеспечить положительное развитие человечества, то есть развитие, обеспечивающее высокий социальный уровень жизни людей на протяжении длительного периода времени.

Задача определения возможности положительного развития человечества в рамках математических моделей форрестеровского типа была решена учениками Н. Н. Моисеева — А. М. Тарко и В. Н. Новохацким — в середине 1980-х годов. Их модель, более общего типа, учитывала постоянный рост НТП и появление новых источников энергии. Она позволила показать возможность развития с высоким уровнем жизни и стабилизации численности населения развитых стран. Оказалось, что перспектива положительного развития человечества может быть обеспечена только при постоянном росте НТП и увеличении используемых ресурсов. Учет НТП оказался необходимым: он позволил обнаружить траекторию устойчивого развития с высоким уровнем жизни и добиться стабилизации численности населения. Отсутствие НТП и связанной с ним политики более эффективного использования ресурсов приводило к их истощению, росту загрязнений и к последующей гибели биосферы, а вместе с этим и человечества (см. рис. 2, 3). В работах же Дж. Форрестера и Д. Медоуза в лучшем случае рассматривалось лишь несколько постоянных уровней НТП, что принципиально не могло указать пути положительного развития.

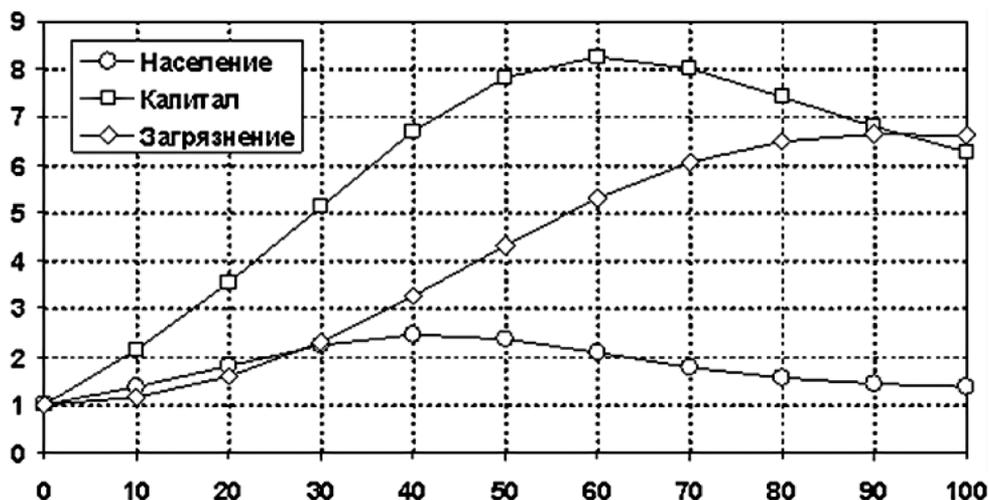

Рис. 2. Динамика численности населения, капитала и загрязнений при отсутствии НТП (относительные единицы)
 На горизонтальной оси указаны годы от начала вычислительного эксперимента

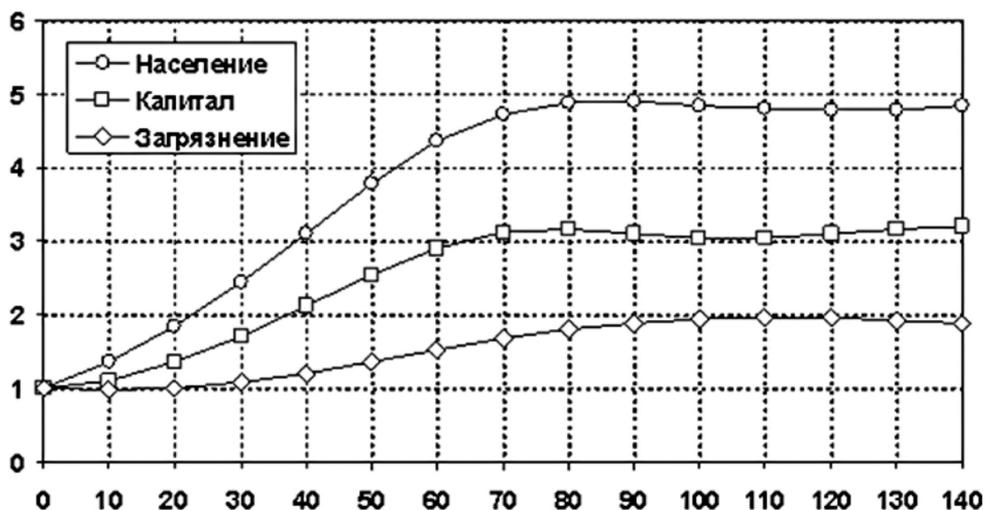

Рис. 3. Динамика численности населения, капитала и загрязнений при наличии НТП (относительные единицы)
 На горизонтальной оси указаны годы от начала вычислительного эксперимента

***

Кризис 1970-х годов привел к пересмотру отношения к развитию промышленности в создании достойной среды обитания для человека. В 1970–1980-е годы в развитых странах были приняты революционные меры, призванные улучшить эффекты бурного роста экономики. В энергетике и промышленности были существенно улучшены технологии; энергетическая промышленность стала производить больше электричества на единицу произведенной стали и других продуктов. Ряд государств приняли жесткое законодательство по охране природной среды, коренным образом пересмотрев нормы воздействия на нее. Были раз-

работаны новые концепции развития городов, перестроена экономика в части минимизации производства загрязнений на единицу продукции и пр. Постепенно достигались большие успехи в уменьшении загрязнений воздушной и водной среды.

Если посмотреть на модель Дж. Форрестера и Д. Медоуза с современных позиций, то мы видим, что, по сути, они воспроизводят один из периодов циклической аграрной схемы Ф. Броделя.

В то же время указанная здесь модель с учетом роста НТП и увеличения ресурсов практически воспроизводит современную ситуацию мирового структурного кризиса. Действительно, при этом рост капитала (по сути, развитие экономики) прекращается, и в модели это положение становится устойчивым. Наличие НТП и ресурсов не может усилить ее развитие, так как сложившееся структурное состояние в экономике (распределение и емкость рынков, спектр экономических секторов в странах и пр.) зафиксированы. В реальности стабильное состояние приводит к наступлению экономической стагнации.

В упомянутой выше книге О. В. Григорьева рассмотрено большое количество методов для развития экономики и отсрочки наступления кризиса (перевод производства из богатых стран в бедные с низкой ценой рабочей силы, образование новых объединений стран, приводящее к перераспределению рынков вместе с их емкостями, переход на новые базовые валюты в отдельных объединениях). Однако, по его мнению, эти меры могут иметь лишь временный успех. Реальная стратегия для недопущения кризиса или выхода из него не найдена.

Рассмотрим некоторые особенности развития и протекания кризиса.

На рисунке 4 представлена временная динамика средних темпов роста ВВП на душу населения 10 и 20 самых богатых и самых бедных стран в 2001—2013 годах¹. Здесь и далее для построения графиков берутся данные Всемирного банка [12]. Из рисунка видно, что темпы роста десяти и двадцати самых богатых стран в начале нынешнего тысячелетия составляют от 0,2 до 0,8 процента в год. После 2006 года начинается резкое снижение темпов, а в 2009-м происходит спад производства, достигающий отрицательных значений: -0,6 процента в год в богатых странах. В 2010—2011 годах темпы развития незначительно повышаются до 0,5 процента в год в 2012-м. Затем темпы роста вновь снижаются к 2013 году до отрицательных значений.

Таким образом, начало современного кризиса мы относим не ко времени финансовых катастроф 2008—2009 годов, а к 2006-му, когда стали проявляться структурные, а не финансовые дефекты развития мировой экономики. *Провал 2009 года автор статьи рассматривает как переход кризиса в стадию резкого нарушения принципов функционирования всей мировой экономики. Тот факт, что за последующий шестилетний срок развитая финансовая система развитых стран не привела к стабилизации, свидетельствует о первичности структурных явлений в системе экономического развития.*

¹ Идея рассматривать динамику 10 и 20 самых богатых и самых бедных стран принадлежит В. С. Голубеву.

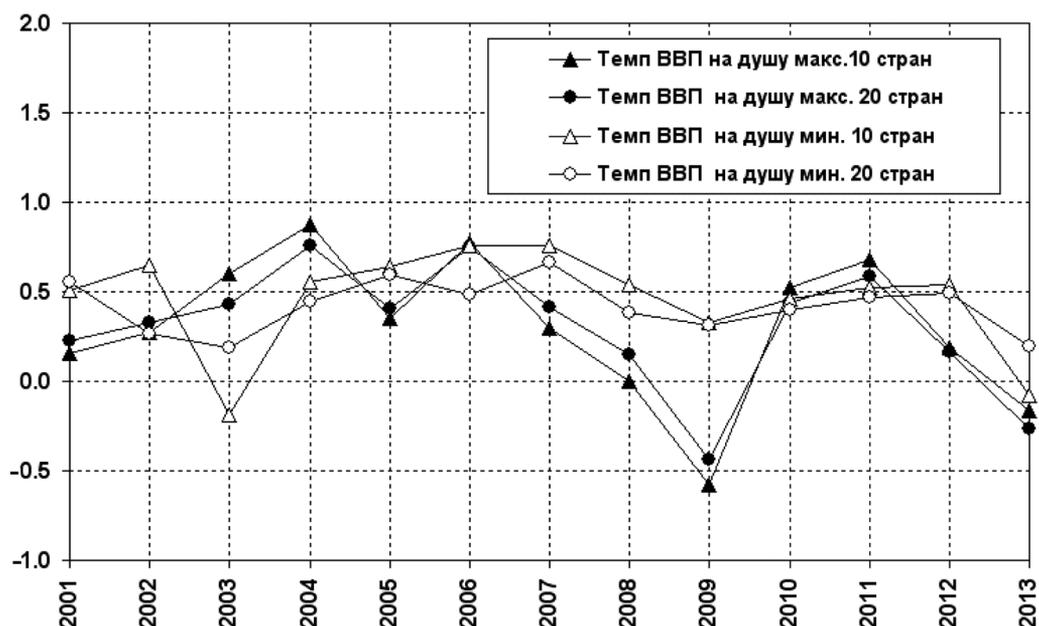

Рис. 4. Динамика темпов роста (процентов в год) средних значений ВВП на душу населения 10 и 20 самых богатых и самых бедных стран мира в 2001–2013 годах

Что касается 10 и 20 самых бедных стран мира, то в данной ситуации темпы роста ВВП на душу населения в десяти странах и в 2001–2008 годах изменялись в промежутке от отрицательных значений до 0,7 процента в год, а в 2009-м — до 0,4 процента в год. После небольшого подъема в 2010–2011 годах к 2013-му снова произошел спад, но меньший по масштабам, чем в богатых странах. Таким образом, мы видим, что в указанные годы самые бедные страны испытывали экономический кризис с некоторым отставанием и в заметно меньшей степени.

Посмотрим теперь на особенности темпов динамики ВВП на душу населения нескольких стран в кризисные годы (см. рис. 5). Оказывается, провал 2009 года в экономике США, где начался кризис, был не самым сильным в сравнении с другими исследованными странами. В этом году самый сильный спад ВВП на душу населения произошел в Японии, за ней — в Германии, Великобритании и Греции и лишь после них — в США. Исправление темпа роста в США к 2013 году хоть и не достигало 2 процентов в год, но по величине уступало только Японии. В Германии после 2009 года рост ВВП на душу населения оказался самым быстрым, однако темп роста в 2013-м был отрицательным. График показывает, что с 2000-го до 2007 года самый быстрый рост экономики был зафиксирован в Греции. Однако затем он сменился обратным процессом — сильным и стойким спадом развития, сохранившимся до 2013 года.

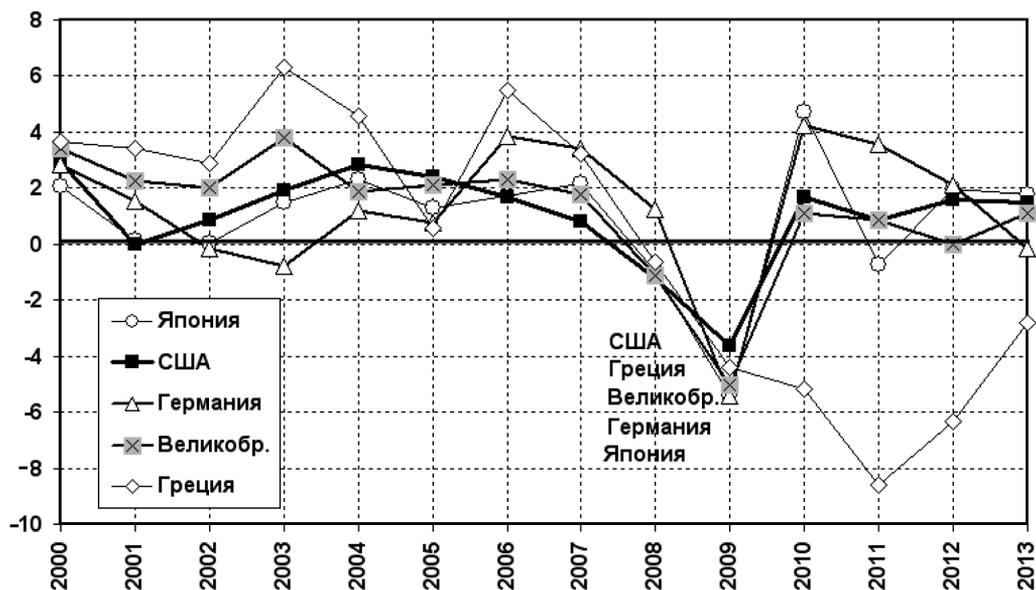

Рис. 5. Темпы роста (процентов в год) ВВП на душу населения нескольких стран в 2000–2013 годах

Еще одним проявлением современного кризиса является инверсия кривой отношения уровня жизни богатых к бедным странам. Привычная картина, когда «богатые богатеют, бедные беднеют», в годы кризиса сменилась на противоположную. Рассмотрим отношения средних значений ВВП на душу населения 10 богатых к 10 бедным странам и аналогично 20 богатых к 20 бедным странам (см. рис. 6). Видно, что до 2004 года в целом происходил рост указанных отношений (с определенными перерывами), то есть росло неравенство богатых и бедных стран. Однако начиная с 2004 года происходило постепенное уменьшение отношений. Обращает на себя внимание резкий спад обеих кривых в 2009 году, что, как и раньше, имеет причиной, очевидно, проявление мирового экономического кризиса в богатых странах. Мы видим, что отношение богатства 10 и 20 самых богатых и бедных стран до 2004 года росло, а затем уменьшилось. Отметим, что спад кривых определяется показателями богатых стран.

Отметим большую энергию, которую президент США проявил для предотвращения чрезвычайно острой фазы финансовой части кризиса и скорейшего выхода из него. В качестве примера можно привести сильно различающийся рост цен для городских наемных работников и служащих (см. рис. 7) во время кризиса 1970-х годов в США и в период современного кризиса. При этом в 1970-е годы максимальный индекс цен был чуть меньше 14, в современный кризис он не превосходил 4. Отметим также спад индекса цен после 2011 года.

Рис. 6. Динамика отношения среднего значения ВВП на душу населения 10 стран мира с максимальным его значением к среднему ВВП на душу населения 10 стран мира с минимальным значением и аналогичного отношения для 20 стран мира в 1990–2013 годах

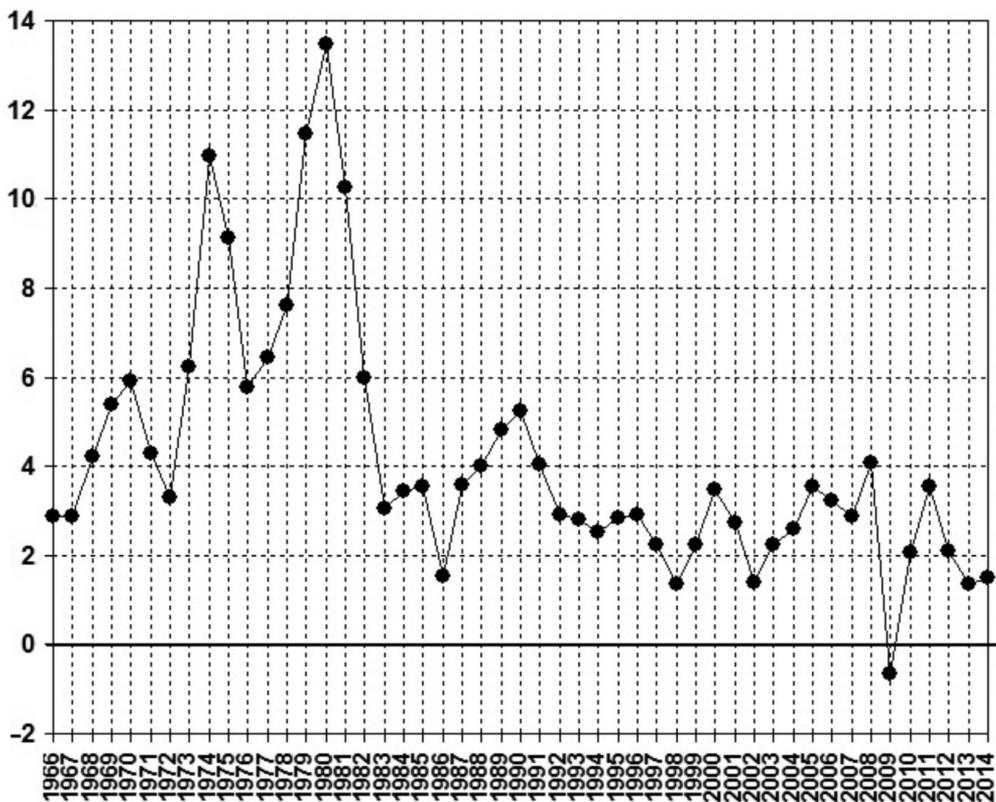
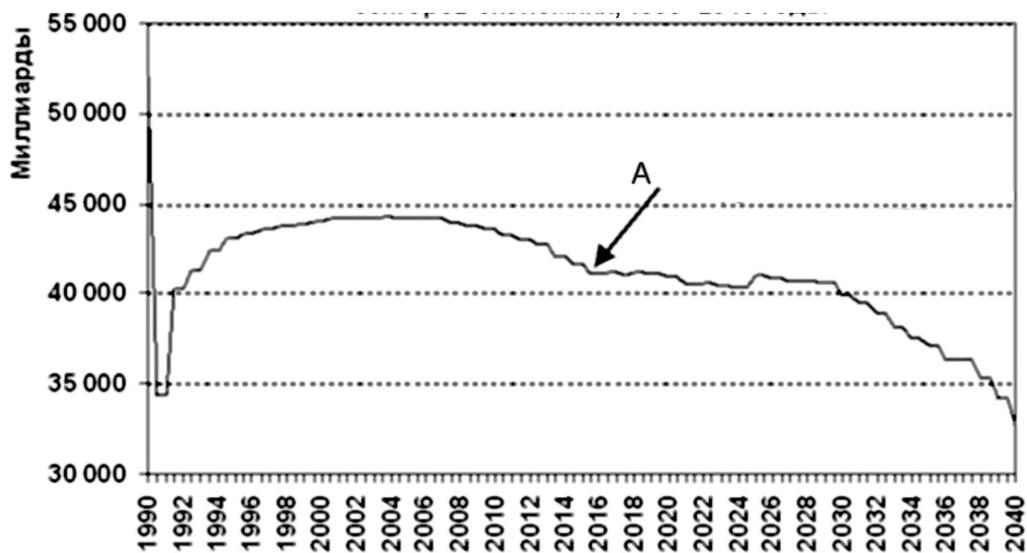

Рис. 7. Годичный рост индекса потребительских цен в США среди городских наемных работников и служащих в 1965–2014 годах

Источник: данные The Bureau of Labor Statistics of the U.S. Department of Labor. — www.bls.gov/data/

* * *

Математическое моделирование [7, 8] показало, что специализация экономики России на добыче и продаже сырьевых ресурсов приводит к последующей невозможности добиться передового развития и способствует устойчивому отставанию темпов экономического развития от уровня богатых стран (см. рис. 8). Развитие России при сохранении направленности экономики на добычу и продажу природных ресурсов, сопровождающейся разрушением системы фундаментальной и прикладной науки, изначально грозило долгосрочным технологическим отставанием в будущем. А относительный подъем экономики в 2000—2007 годах был обречен смениться абсолютным спадом в ресурсодобывающей отрасли² и во всей структуре развития. Отметим, что в рассмотренном сценарном варианте сохранения цен на энергоносители последующего роста экономики происходить не будет вследствие отсутствия нормального развития других секторов экономики и наличия одних из самых низких в мире уровней электро- и энергоэффективности. Эти дефекты развития будут «оттягивать» даже небольшие по мировым масштабам деньги.

Рис. 8. Моделирование развития экономики России при развитии по сценарию сырьевой экономики при отсутствии развития других секторов и НТП

Стрелка А указывает на спад в ресурсодобывающей отрасли, связанный с эффектом амортизации оборудования при отсутствии технологического развития. Капитал измеряется в относительных единицах

В реальной сфере в добавление к ослаблению эффективности ресурсодобычи уменьшение цен на энергоносители привело к уменьшению доходов бюджета, а мировой кризис довершил картину резкого спада производства в России в 2008-м и в последующие годы. На

² На графике рисунка 8 это явление отмечено стрелкой.

рисунке 9 мы видим динамику темпов роста ВВП на душу населения России в 1997–2013 годах. После выхода из кризиса 1998 года вплоть до 2008-го темпы роста ВВП сохранялись на уровне не ниже 5 процентов, что являлось хорошей характеристикой развития. Однако в 2009 году произошел резкий спад, и к 2013-му рост экономики не превышал 1,1 процента в год.

На рисунке хорошо видно сходство кривой динамики темпа роста экономики России с траекторией развития других стран мира. Однако кризисы, породившие эти схожие процессы, имеют разное происхождение.

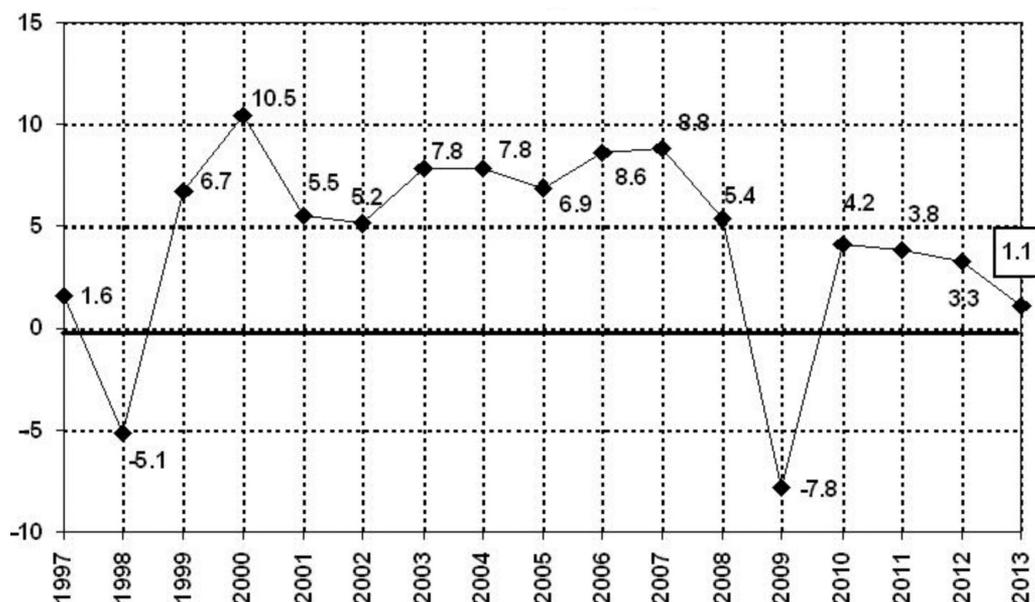

Рис. 9. Динамика темпов роста (процентов в год) ВВП на душу населения в России в 1997–2013 годах

Рассмотрим особенности темпов роста ВВП на душу населения в кризисные годы нескольких стран, в данном случае — стран бывшего СССР (см. рис. 10). График рисунка 9 и последующие были построены по данным Федеральной службы государственной статистики [14]. Мы видим, что провал в экономике в большинстве рассматриваемых стран начался в 2008 году. Наибольший спад в 2009 году произошел в Армении — почти –15 процентов, за ней шли Россия и Молдова. Наименьший спад был отмечен в Азербайджане, Узбекистане и Туркменистане, где рост хоть и уменьшился, но остался положительным (5–6 процентов в год). После 2009-го наибольший рост происходил в Туркменистане — рост ВВП на душу населения составлял от 7 до 13 процентов в год. Самый меньший, но положительный рост в 2013 году зафиксирован в Киргизии.

Так же, как и в мировой экономике в целом, проявлением действия кризисных явлений в России служит инверсия кривой отношения уровня жизни богатых к бедным регионам. На графиках рисунка 11

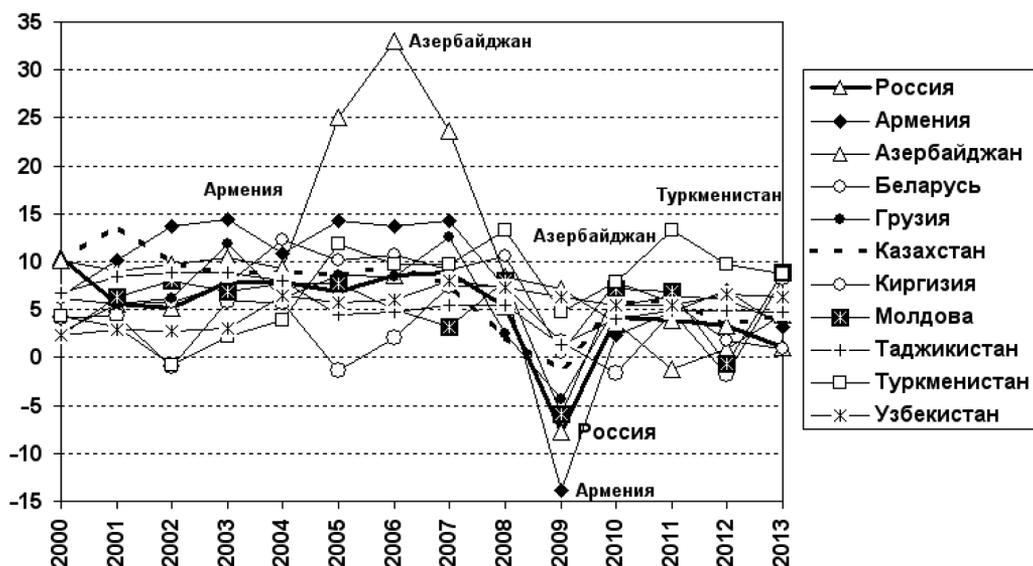

Рис. 10. Темпы роста (процентов в год) ВВП на душу населения стран бывшего СССР в 2000–2013 годах

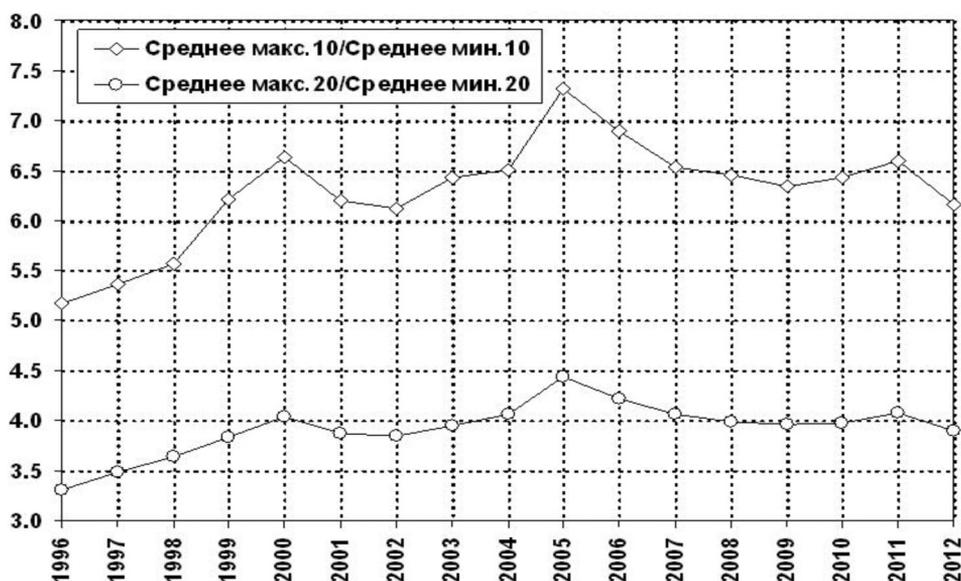

Рис. 11. Динамика отношений средних значений ВРП на душу населения 10 и 20 самых богатых к самым бедным регионам России в 1996–2013 годах

представлены кривые отношения валового регионального продукта (ВРП) на душу населения 10 и 20 самых богатых и самых бедных регионов России в 1996–2012 годах. Видно, что с 1996-го, с некоторыми колебаниями, по 2005-й происходил подъем кривых, а затем до 2013 года отмечался спад. Это явление, как и в мире в целом, связано со свойством развития кризиса. В богатых регионах кризис проявлялся более резко, чем в бедных. При этом улучшения в бедных регионах не происходило.

Факт возникновения мощного структурного экономического мирового кризиса, затрагивающего экономику и жизнь населения большинства стран мира, провозгласивших глобализацию и общие рынки важнейшим фактором развития, означает, что мировая экономика подвержена более сильным внутренним влияниям, не связанным с действием вновь провозглашенных экономических принципов. Очевидно, как современный, так и предыдущие мировые кризисы представляют собой имманентное свойство мировой экономики, основанной на рыночной регуляции цен. В связи с этим встает задача предвидения структурных кризисов. Наблюдения специалистов-теоретиков и математические модели в настоящее время способны лишь качественно описывать их приближение. Это связано с тем, что кризису предшествует состояние сильной, в определенной мере устойчивой нестабильности, подобной перегретому водяному пару, в котором не хватает нескольких центров кристаллизации, чтобы на землю хлынул мощный дождь или снег.

Литература

1. **Моисеев Н. Н.** Судьба цивилизации. Путь разума. М.: МНЭПУ, 1998.
2. **Григорьев О. В.** Эпоха роста. Лекции по неэкономике. Расцвет и упадок мировой экономической системы. М.: Карьера Пресс, 2014.
3. **Хазин М. Л.** О глобальных проектах // *Философия хозяйства*. 2005. № 2.
4. **Смит А.** Исследование о природе и причинах богатства народов. М.: Эксмо, 2007.
5. **Поспелов И. Г.** Математическая модель экономических механизмов капиталистического хозяйства // *Методы системного анализа в проблемах рационального использования ресурсов*. М.: ВЦ АН СССР, 1977.
6. **Тарко А. М., Новохацкий В. Н.** Моделирование мировой динамики с учетом научно-технического прогресса // *Моделирование и оптимизация социально-экономического развития административно-территориальных комплексов*. М.: ЦЭМИ АН СССР, 1988.
7. **Портной И. Г., Тарко А. М.** Математическая модель развития высоких технологий // *Сообщения по прикладной математике*. М.: ВЦ им. А. А. Дородницына РАН, 2008
8. **Тарко А. М.** Идея сменяемой максимально эффективной высокотехнологичной страны—лидера в мировой динамике. Анализ и моделирование развития стран мира и России // *Цивилизация знаний: проблемы модернизации России: труды Одиннадцатой Международной научной конференции*. Москва, 23—24 апреля 2010 г. М.: РосНОУ, 2010.
9. **Бродель Ф.** Структуры повседневности. Возможное и невозможное. М.: Прогресс, 1986. Т. 1.
10. **Форрестер Дж.** Мировая динамика. М.: Наука, 1978.
11. **Медоуз Д. Х., Медоуз Д. Л., Рэндерс Й., Беренс В. В.** Пределы роста. М.: Изд-во МГУ, 1991.
12. *World Development Indicators*. World Bank, 2014. — <http://databank.worldbank.org/>
13. **Тарко А. М.** Анализ развития России. Динамика демографических и технологических параметров // *Свободная Мысль*. 2012. № 5/6.
14. Сайт Федеральной службы государственной статистики. — <http://www.gks.ru/>. ◆

Социальная справедливость и развитие

© Вебер А. Б.

© Veber A.

Социальная справедливость и развитие

Social Justice and Development

Аннотация. Автор доказывает, что социальная справедливость является не препятствием, а неперенным условием экономической эффективности. Неравенство возможностей сдерживает развитие, препятствуя полноценному участию многих в экономической жизни. Крайнее неравенство отрицательно коррелирует с показателями ожидаемой продолжительности жизни, здоровья нации, образовательного уровня, доступности других базовых социальных услуг, ему чаще сопутствуют низкие или отрицательные темпы экономического роста. Эффективное перераспределение общественного продукта повышает продуктивность экономики.

Annotation. The author argues the fact, that social justice is not an obstacle, but the objective condition of economic effectiveness. In high income inequality may not be equal opportunities. Inequality hinders development by preventing full participation of many people in the economic life. Extreme inequality negatively correlates with indicators of life expectancy, health, education, access to other basic social services; it is more often accompanied by low or negative rates of economic growth. Effective redistribution of the social product increases the productivity of the economy.

Ключевые слова. Социальная справедливость, развитие, равенство/неравенство, рыночная система, экономическая эффективность, распределение власти.

Key words. Social justice, development, equality/inequality, the market system, economic efficiency, distribution of power.

Известный идеолог рыночного либерализма (неолиберализма) Фридрих фон Хайек утверждал, что справедливость не может быть разумной целью. Он объяснял свой вывод тем, что социальное развитие по природе своей стихийно и стихийным быть и должно, что его непреднамеренные следствия обнаруживаются лишь *постфактум*, что их невозможно предвидеть. Поэтому значима только *рыночная мораль* — совокупность исторически сложившихся в рыночных отношениях правил поведения, следование которым не служит никаким заранее определенным целям.

Понятие «социальная справедливость» Хайек отвергал, трактуя его как «распределительную» справедливость, как чуть ли не синоним социализма, убежденным противником которого он являлся (при этом принимая за «социализм» его тоталитарные симулякры). Справедливость,

утверждал Хайек, несовместима с основанным на частной собственности рыночным порядком, якобы единственно способным поддерживать существование человечества. Стремление к социальной справедливости он считал бессмысленным, так как, по его мнению, нет и не может существовать иной объективной основы для оценки индивидуального вклада каждого в общественный продукт и соответствующего этому вкладу «вознаграждения», кроме «нравственно нейтрального» рыночного распределения [1. С. 202—205].

Как ни парадоксально, эта позиция теоретика и идеолога неолитерализма разительным образом разошлась со взглядами «отца» классической политэкономии Адама Смита. Тот придавал нравственным ценностям самостоятельное значение, не сводя их к рыночной морали. При этом справедливость А. Смит ставил на *первое* место среди «прочих добродетелей» — как «главную основу общественного устройства», нарушение которой оказывалось чреватом разрушительными последствиями для общества, как обязательную правовую норму, защита которой является одной из главных обязанностей государства [2. С. 61—63; 3. С. 497—498]

Что касается эгоистических побуждений как двигателя коммерческой деятельности, то на мотивы *личного интереса*, полагал Смит, можно положиться постольку, поскольку общество в целом привержено общечеловеческим нравственным ценностям. Он связывал это с принятыми в обществе нравственными ограничениями для поведения людей, налагаемыми не только законом, но и общественным мнением, религией, обычаями, культурой, образованием. В некритическом поклонении богатству Смит видел деструктивное начало, подрывающее «нравственное чувство».

Нравственность, считал Смит, имеет социальную природу, у людей есть *общие интересы*. Тогда как для Хайека общий интерес — лишь проявление *инстинкта*, которому человеку не следовало потакать, предоставляя рынку самому определять «вознаграждение» своих усилий. Между тем, как убедительно доказал другой Нобелевский лауреат по экономике — Кеннет Эрроу, рынок сам по себе не может обеспечить общее благо, поскольку оно не сводимо к сумме индивидуальных благ, доступных в рыночной экономике. Общий интерес требует *ограничения* индивидуальных предпочтений — добровольного или принудительного¹.

* * *

Говоря о *взаимосвязи* справедливости и развития, следует для начала уточнить, что в данном конкретном случае понимается под *справедливостью*. В обыденной жизни справедливость — категория субъективная, оценочная и может по-разному восприниматься индивидами и группами индивидов в разных культурах и разных ситуациях. Применительно

¹ «Теорема Эрроу» гласит: невозможно сведение индивидуальных функций полезности группы независимых и равноправных лиц в общую функцию полезности этой группы (см. Эрроу А. Коллективный выбор и индивидуальные ценности. М.: Издательский дом ГУВШЭ, 2004).

к развитию общества и экономики уместно придерживаться *объективного критерия* социальной справедливости, имея в виду как минимум: (а) равные стартовые возможности; (б) поддержку обществом тех, чьи возможности достичь желаемых результатов ограничены по независящим от них обстоятельствам.

Неравенство стартовых возможностей и объективно обусловленные различия в жизненных условиях закономерно воспринимаются как *несправедливость*. Проявления неравенства и несправедливости, как и их причины, многообразны. Стартовые возможности людей и условия жизни могут различаться, и очень сильно, — в зависимости от семейного положения, уровня образования родителей, рода их деятельности, местных условий, этнической, расовой и конфессиональной принадлежности, явных и скрытых форм дискриминации и т. п.

Усилению неравенства способствуют несовершенство рынков и неравное распределение власти. Экономическое, политическое и социальное неравенство имеет тенденцию самовоспроизводиться с течением времени и из поколения в поколение. Оно является следствием ограниченного доступа тех или иных групп людей к качественному образованию, медицинским и иным социальным услугам, хронической бедности (так называемая «ловушка бедности») и др. Различия в социальном положении ведут к неравенству в распределении богатства и власти, к расслоению общества, местных общин, разделению наций на господствующие и зависимые.

Процессы *глобализации* привели к увеличению разрыва между крайностями богатства и бедности в мире. Почти половина мирового богатства сосредоточена в руках одного процента имущей верхушки мирового населения, тогда как на долю беднейшей половины приходится менее одного процента общего богатства. Богатейшим 10 процентам населения мира принадлежит 87 процентов мирового богатства. Во многих странах доходы верхнего одного процента граждан в 100 раз превышают средний (медианный) уровень, а в некоторых случаях это может быть и 1000-кратный разрыв [4. Р. 11, 28]. Как отмечалось в специальном докладе для Экономического форума в Давосе, такая концентрация богатства ведет к разрушительным последствиям, подвергая эрозии демократию, подрывая социальную стабильность и заведомо исключая равные возможности для всех [5. Р. 12a, 12b].

Французский экономист Томас Пикетти, сведя и обработав данные о росте концентрации богатства в Европе и США начиная с XVIII века, пришел к выводу, что в настоящее время впору говорить о «потомственном капитализме», когда богатство все больше концентрируется в одних руках и в основном передается по наследству, а не приобретает трудом или заслугами [6]. Сверхвысокие доходы — это, как правило, доходы от собственности (рентные доходы, дивиденды, монопольная прибыль, банковский процент, биржевые спекуляции и т. п.). В этом случае уместно говорить о «незаработанных» (unearned) доходах, источником которых является *непроизводительный* капитал, присваивающий то, что относится к «общим благам» (природные ресурсы,

научные знания, плоды технического прогресса и т. п.² Разительное несоответствие между рыночным распределением и фактическим вкладом производственных факторов служит веским основанием для применения прогрессивного налогообложения, позволяющего в какой-то мере смягчать экономические и социальные издержки сверхбогатства и бедности.

* * *

Согласно неолиберальной доктрине, неравенство позитивно коррелирует с экономическим ростом, поскольку, как утверждается, оно служит незаменимым стимулом индивидуальных усилий, частной инициативы, накопления общественного богатства. Исходя из этого, оправдываются любые, самые высокие индивидуальные доходы, намного превосходящие разумную оценку «личного вклада» тех, кто их получает.

Представление о том, будто между неравенством и продуктивностью экономики существует позитивная связь, распространено довольно широко. Однако убедительных теоретических аргументов в пользу этого предположения нет — как нет и убедительных эмпирических доказательств этого. Хотя исследования взаимосвязи неравенства и экономического развития, предпринятые на Западе, дали неоднозначные результаты [7], все же большинство оценок позволяет заключить, что увеличение равенства в распределении, как правило, создает более благоприятные условия для развития, чем увеличение неравенства [8. С. 187]. Разнобой в оценках объясняется как различиями в подходах исследователей, так и тем, что на эту взаимосвязь влияют подчас разнонаправленные факторы, и поэтому в разных странах и ситуациях она проявляется по-разному.

С неолиберальной точки зрения цели социальной справедливости противоречат целям экономической эффективности. Социальные расходы рассматриваются как бремя для экономики. Однако лежащая в основе этой неолиберальной догмы модель равновесного рынка, как и предположение о совершенной конкуренции, далеки от действительности. Реальный рынок, тем более современный, представляет собой *неравновесную* систему, постоянно воспроизводящую сверхбогатство одних и бедность на противоположном полюсе социума.

Крайнее неравенство отрицательно коррелирует с такими показателями человеческого развития, как ожидаемая продолжительность жизни, здоровье нации, уровень образования. Усиление социального нера-

² «Богатство и доходы финансовых олигархов по большей части не заработаны; поэтому многие из них, если не большинство, — настоящие рантье, или, попросту говоря, паразитические элементы» (Nadel S. N. Super Wealth and Poverty. The Nature and Causes of the Widening Gap between Super Wealth and Poverty in the Developed Countries. Indianapolis: Dog Ear Publishing, 2012. P. 43). Там же см. анализ источников и механизма формирования сверхбогатства (*Ibid.* P. 28—43). Автор этого исследования многие годы возглавлял отдел социальных исследований в Институте мировой экономики и международных отношений РАН. Последние годы жизни провел в США, где и была написана эта книга.

венства в странах Запада, по словам американского историка и эссеиста Тони Джадта, обернулось подрывом межпоколенческой мобильности (бедные остаются бедными), ухудшением состояния здоровья менее обеспеченных, упущенными возможностями получить образование и во все большей мере известными симптомами депрессии: алкоголизмом, пристрастием к азартным играм, преступностью. Чем выше неравенство доходов, тем больше психических заболеваний. И тем больше взаимное недоверие в обществе [9. С. 15–20].

Общества, отличающиеся более высокой степенью равенства, чаще добиваются более высоких темпов экономического роста [10. С. 69–76]. Помимо этого, есть также свидетельства, что там лучше обстоит дело с другими социальными индикаторами — такими, как ожидаемая продолжительность жизни, общие показатели здоровья и благосостояния, уровня преступности и иных форм антисоциального поведения [11, 12]. Такая констатация отнюдь не означает призыва к уравниловке. Между крайним неравенством и уравниловкой есть пространство для представления о естественном, социально приемлемом и «продуктивном» неравенстве.

Неолиберальной модели рынка противостоит социал-демократическая модель. Согласно этой модели, рынок — необходимое, но не единственное средство достижения целей общества. Не менее значимы принципы социальной справедливости и равенства возможностей. А они не могут быть равными при сильном неравенстве в доходах. Структуры неравенства сдерживают способность человека действовать ради собственного и общего блага. Отсюда значение социальной политики государства, которая призвана противостоять дисфункциям рынка. Социальные расходы, особенно по таким статьям, как образование, здравоохранение, социальное обеспечение и страхование, в современных условиях являются одним из главных факторов развития. В странах с продвинутой системой социального регулирования динамика социальных расходов позитивно коррелирует с показателями экономического развития.

* * *

В экспертном сообществе, вопреки догме неолиберализма, также все более укрепляется понимание значимости принципа социальной справедливости как одного из факторов эффективной политики развития вообще и экономического развития в частности, что среди прочего фиксируется и в докладе Всемирного банка о мировом развитии [13]. Авторы текста, используя обширную базу данных и множество частных исследований, документально показали, как велико значение проблематики справедливости с точки зрения долгосрочных целей развития.

«В условиях несовершенства рынков, — говорится в докладе, — неравенство власти и богатства проявляется в неравенстве возможностей, что ведет к непроизводительному использованию потенциала и неэффективному использованию ресурсов» [13. С. 7]. Исследование привело

экспертов Всемирного банка к принципиально важному выводу: между справедливостью и экономической эффективностью в долгосрочном плане существует *позитивная* связь.

Этому тезису дано емкое и четкое объяснение: «Повышение справедливости означает более эффективное функционирование экономики, нейтрализацию конфликтов и улучшение институтов наряду с динамической выгодой для инвестиций и роста». Поэтому, говорится в докладе, соображения справедливости необходимо «выдвинуть на центральное место, как в социальной диагностике, так и в практической политике» [13. С. 3].

Выводы экспертов Всемирного банка позднее нашли подтверждение в исследовании специалистов Международного валютного фонда, опубликованном в апреле 2014 года. Внимание экономистов, отмечают авторы этого исследования, все больше привлекает связь между растущим неравенством и хрупкостью экономического роста. Общим местом стало понимание, что неравенство тормозит прогресс в области здравоохранения и образования, порождает нестабильность, чреватую снижением инвестиционной активности, подрывает социальный консенсус, необходимый для адаптации к шокам, и тем самым имеет тенденцию сокращать темпы и длительность экономического роста.

Авторы этого исследования пошли дальше: они задались вопросом о том, какое влияние оказывает на рост *перераспределение* общественного продукта. Неравенство требует какого-то перераспределения, а высокие налоги, как считается, могут тормозить рост. Но можно ли признать это за общее правило? Чтобы ответить на этот вопрос, авторы разложили неравенство на рыночное (до вычета налогов и социальных трансферов) и «чистое» (после вычета налогов и трансферов), что позволило на основе большого массива статистических данных, по многим странам и за достаточно длительный период, оценить влияние перераспределения на рост экономики.

Результаты привели к выводам:

— при большем неравенстве наблюдается тенденция к большему перераспределению;

— меньший уровень «чистого» неравенства жестко коррелирует с более быстрым и более длительным ростом;

— в целом перераспределение (за исключением крайних случаев) благоприятствует росту [14].

Тема неравенства и его последствий привлекает все большее внимание общественного мнения на Западе. Известное рейтинговое агентство Standart & Poor's в отчете, опубликованном в августе 2014 года, констатировало: высокий уровень неравенства доходов *душит экономический рост*. Как отмечает репортер газеты The New York Times, «то, что Standart & Poor's... бьет тревогу по поводу рисков, возникающих из-за неравенства доходов, это слабый, но важный сигнал о том, что дебаты, характерные в основном для академического мира и левоцентристских политических кругов, проникают в мейнстрим» [15].

* * *

Сверхконцентрация богатства деформирует политические системы, претендующие называться либерально-демократическими. Прямое или косвенное влияние на органы законодательной и исполнительной власти позволяет так называемым элитам защищать свои особые интересы, используя возможности, которые даются богатством и властью — экономической и политической. При высоком уровне экономического и политического неравенства богатые получают неоправданные преимущества в ущерб всем остальным. Личные и имущественные права обеспечиваются избирательно, бюджетные ассигнования выделяются с существенным перевесом в пользу тех, кто обладает большим влиянием, но далеко не всегда приводит к их использованию наиболее эффективным образом; они же пользуются предпочтением при распределении общественных услуг, в то время как таланты средних и беднейших групп остаются невостребованными. Тем самым упускаются возможности для инноваций и инвестиций, общество оказывается менее эффективным, чем оно могло бы быть.

Сверхконцентрация богатства деформирует политические системы, претендующие называться либерально-демократическими. Прямое или косвенное влияние на органы законодательной и исполнительной власти позволяет так называемым элитам защищать свои особые интересы, используя возможности, которые даются богатством и властью — экономической и политической.

Утверждение принципа социальной справедливости предполагает более справедливое распределение политической власти. Поэтому государственная политика, если она на деле привержена целям социальной справедливости, должна быть направлена на выравнивание «игрового поля» — на то, чтобы все граждане на деле могли использовать право «голоса» в политическом процессе и оказывать реальное влияние на политическую повестку дня. Для этого надо прежде всего устранять неравенство в доступе к образованию, здравоохранению, информации, к другим общественным услугам. А это предполагает эффективную политику содействия формированию человеческого капитала, увеличение инвестиций в человеческие ресурсы менее обеспеченных слоев. Такая политика неизбежно сталкивается с сопротивлением влиятельных привилегированных групп, и оно должно встречать противодействие на политическом уровне. А это требует выравнивания внутривнутриполитического «игрового поля».

Эффективная социальная политика государства — это не только социальное страхование, поддержка незащищенных групп населения, содействие увеличению занятости и т. п. Она имеет и более глубокий смысл — порождать чувство солидарности и социальной справедливости. Без этого демократические общества будут расшатываться борьбой в сфере распределения, что поставит под угрозу экономическую стабильность и возможность процветания для всех.

* * *

Принцип социальной справедливости крайне важен и в приложении к такой чувствительной сфере, как *рынок труда*. Защита прав трудящихся, правовое регулирование рынка труда стали признанной практикой, закрепленной в международном праве. Произошло это не само по себе. За более справедливые условия найма и вознаграждения труда трудящимся приходилось бороться многие годы. Создание профсоюзов и рабочих партий, забастовочное движение заставили в конечном счете считаться с правами трудящихся.

В свою очередь, вековые социальные завоевания стимулировали технический прогресс, способствовали повышению мотивации к труду, росту производства и массового потребления, социально-экономическому развитию в целом. История промышленного капитализма знает немало примеров технических изобретений и усовершенствований, сделанных непосредственно под влиянием забастовок, распространения технических нововведений вследствие сопротивления наемных рабочих чрезмерной эксплуатации. На каком-то этапе стремление избежать издержек конфронтации побудило представителей труда и капитала искать компромиссные подходы, что положило начало практике социального партнерства.

Исследования трудовых отношений, проводившиеся в США в 1970—1980-е годы учеными Гарвардской школы (в противовес приверженной неолиберализму Чикагской школе), выявили позитивную корреляцию между степенью юнионизации и эффективностью производства. Объяснить это явление можно демократической природой профсоюзов, их ролью как выразителя коллективного мнения трудящихся. Присутствие профсоюза и коллективно-договорная система вынуждают администрацию реагировать усилением внимания к методам и организации производства, способствуют улучшению социального климата в производственных коллективах, уменьшению текучести рабочей силы, стабильности кадров.

Практика показывает, что при прочих равных условиях эффективность производства обычно выше там, где работники обладают правом голоса, где к ним прислушиваются, где с ними считаются и где легче тем самым достигается урегулирование трудовых споров. Благодаря феномену юнионизма в трудовом процессе реализуются скрытые под частнопредпринимательской оболочкой элементы непосредственно общественных отношений в производстве и, следовательно, полнее выявляются потенции общественного труда.

Важнейшая роль в регулировании рынка труда и трудовых отношений принадлежит государству. Такое регулирование подразумевает меры, призванные обеспечивать реальное применение основных, международно признанных трудовых стандартов. Принцип социальной справедливости требует, чтобы наемным работникам были гарантированы свобода собраний и объединений, а их профессиональным союзам — активная роль при заключении коллективных договоров, включая право на забастовку, — этого крайнего, но естественного и необходимого в рыночных условиях способа защиты прав трудящихся.

* * *

Принцип социальной справедливости приобрел особое значение в отношениях с развивающимися странами, то есть в мировом масштабе. Главное здесь — проблема *массовой нищеты*, громадные масштабы глобального неравенства, структурные проблемы, затрудняющие преодоление унаследованной от прошлого отсталости.

Глобализация, порождая усиление глобального неравенства, одновременно создает и новые возможности для развития, для сокращения межстранового неравенства. Как используются эти возможности — вопрос политики. Необходимы согласованные действия со стороны как национальных государств, так и международных институтов, направленные на повышение справедливости в мировом масштабе.

Опыт многих стран свидетельствует о том, что чрезмерное неравенство не неизбежно. Сокращение бедности — трудная, но решаемая задача. Растет понимание, что необходимым условием ее решения является создание или расширение возможностей социального и человеческого развития. Принцип социальной справедливости — одно из главных слагаемых эффективной политики развития вообще и экономического — в частности.

Активная роль государства — неперемнное условие достижения позитивных результатов в борьбе с бедностью. И прежде всего в силу той роли, которую оно играет в распределении национального дохода. Политика распределения дохода имеет едва ли не решающее значение с точки зрения перспектив. Упрощая, можно сказать, что сокращение бедности является функцией двух переменных: темпов экономического роста и доли прироста, достигающей малообеспеченным слоям населения.

Политика, позволяющая трансформировать рост в снижение бедности в развивающихся странах, включает множество слагаемых — таких, как содействие развитию социальной инфраструктуры в сельской местности (школы, медицинские учреждения, электроснабжение, транспортные и иные коммуникации), земельные реформы в интересах крестьян, фермеров, устранение социальных барьеров, культурной исключенности (эксклюзии), различных форм дискриминации. А также — повышение социального статуса женщин, микрокредитование для беднейших слоев населения, улучшение функционирования административных учреждений, в том числе местных органов власти, борьба с коррупцией, укрепление законности, правопорядка.

Страны, находящиеся в менее благоприятном положении с точки зрения наделенности ресурсами, доступа к рынкам капитала, к внешним рынкам, нуждаются в международной помощи. Особенно беднейшие, наименее развитые страны. Многие из них страдают от нищеты не по своей вине, а по независящим от них причинам: из-за невыгодности географического положения, тяжелых климатических условий, скудости природных ресурсов, непреодоленного наследия колониализма и уязвимого положения в системе мировой торговли.

В 2000 году Генеральная Ассамблея ООН при участии многих мировых лидеров одобрила Цели развития тысячелетия, которые предусматривали конкретные количественные показатели сокращения бедности в мире. Речь шла, прежде всего, о снижении к 2015 году вдвое (по сравнению с 1990 годом) доли людей, живущих в нищете (на 1,25 доллара в день), и вдвое же — доли людей, страдающих от голода. Согласно данным ООН, первую задачу удалось выполнить к 2010 году. Доля систематически голодающих тоже сократилась, но не в такой степени, чтобы можно было говорить об успехе. Да и сами эти успехи относительны: до ликвидации нищеты и голода в мире еще далеко.

Предоставление международной помощи для целей развития — не только вопрос справедливости, но и задача, которая отвечает интересам богатых стран, всего мирового сообщества. Особая ответственность лежит на богатых странах, которые во многом обязаны своим благополучием использованию в прошлом и по настоящее время природных и человеческих ресурсов остального мира. Богатые страны могут и должны делать гораздо больше, чем сейчас, для снижения уровня бедности в мире.

На протяжении десятилетий индустриально развитые страны последовательно улучшали условия торговли теми товарами, в производстве которых имели явное преимущество, и в то же время ограничивали доступ на свои рынки для всех остальных. Существующий режим международной торговли и сейчас во многом ущемляет интересы развивающихся стран (скрытый протекционизм). Решению проблем бедности могли бы способствовать более справедливые и честные правила торговли.

* * *

Известна традиционная приверженность *россиян* принципу справедливости как моральной ценности. Навязанный России реформаторами «ельцинского призыва» выбор в пользу праволиберального, неоконсервативного курса шел вразрез с этой парадигмой. Идеологи рыночных реформ начала 1990-х годов намеревались добиться слома отечественного культурно-нравственного кода, что, в частности, получило отражение в максиме «что эффективно, то и нравственно». Щеголять такого рода моральным релятивизмом на рыночной подкладке стало чуть ли не правилом хорошего тона. Реформаторы решили, что рынок освобождает от социальной совести, от коллективистских нравственных норм, что он выработает свою мораль, более полезную с точки зрения практики. Говорилось о том, что социальная дифференциация благотворна, что

социальная справедливость — это химера, и не надо запрещать чиновникам заниматься коммерческой деятельностью и т. п.

Многие известные экономисты — отечественные и зарубежные, в том числе американские (включая ряд нобелевских лауреатов по экономике), — предостерегали от «шоковой терапии» [16]³. Но российские ультралибералы к ним не прислушались. Их «героями дня» стали Хайек и Фридмен, Тэтчер и Рейган, а символом веры — «свободный рынок». За образец была взята американская модель — она привлекла своей резко выраженной индивидуалистической направленностью и (как казалось) минимальным вмешательством государства. На страницах издававшейся одно время в качестве приложения к «Известиям» газеты «Частная собственность» замысел был изложен откровенно и цинично: «Закладываются условия для создания действительно новой России, опирающейся на *господство* новых крупных собственников, которые, исходя из *своих* политических, экономических и социальных интересов, будут выстраивать *собственную* стратегию развития страны (курсив мой. — А. В.)» [17].

За короткий по историческим меркам срок Россия выдвинулась на «передовые» позиции по числу миллионеров и миллиардеров. Большинство российских нуворишей обязаны своим сказочным обогащением открывшейся благодаря хаотической и жульнической приватизации возможности в той или иной форме получить контроль над сырьевыми ресурсами страны и другими производственными активами. Экономика разделилась на два неравных сектора: сырьевой (нефть, газ, металлы и пр.), где доходы и заработки оказались намного выше среднего уровня, и отодвинутые на задний план остальные отрасли промышленности.

Общее неравенство доходов, детерминируемое неравенством прибылей от собственности и предпринимательской деятельности, обусловило и неравенство в оплате труда как в отдельных регионах, так и между ними. В начале нулевых годов заработки 10 процентов наиболее высоко оплачиваемых работников в 39 раз превысили заработки низших 10 процентов. На верхний дециль приходилось 36 процентов всего фонда оплаты труда, на верхний квинтиль (20 процентов) — более половины (52,5 процента). В региональном разрезе на 100 рублей прироста валового продукта прирост у беднейшей группы составлял 5 рублей, у верхнего дециля — 200 рублей [18. С. 22—23].

Однобокая экспортно-сырьевая направленность экономического развития обернулась торможением роста реального сектора, что привело в конечном счете к стагнации экономики в целом. Частные капиталы вкладывались в дорогую недвижимость, в том числе зарубежную, в предметы роскоши, растрачивались на самые экстравагантные прихоти «новых русских», уходили в оффшоры — вместо того чтобы использоваться для наращивания производственных инвестиций. Жажда личного обогащения овладела и значительной частью чиновников различного ран-

³ Подтверждением этого стало также заявление российских и американских экономистов «Новая экономическая политика для России», которое подписали, в частности, три нобелевских лауреата — Лоуренс Клейн, Василий Леонтьев и Джеймс Тобин (см. Независимая газета. 01.07.1996).

га; необузданная коррупция стала еще одним сдерживающим фактором социально-экономического развития. В стране доходы от собственности превысили доходы от предпринимательской деятельности, причем больше всего в группе с самыми высокими доходами. Спрос на товары длительного пользования сконцентрировался в верхних 20 процентах получателей доходов [18. С. 30].

Все это (наряду с другими причинами) вело к искусственному сужению внутреннего спроса, ограничению доступных реальному сектору инвестиций, неоправданному разрастанию импорта — в ущерб отечественным производителям. Уменьшить разрыв в доходах можно было бы, используя хорошо известные из западноевропейской практики методы налоговой политики. Но этого не делалось⁴. Напротив, политика властей фактически стимулировала формирование сверхбогатства и имущественное расслоение (в частности, благодаря плоской шкале налогообложения).

Несмотря на сохранение остатков прежней системы социальных гарантий, у большинства россиян сложившийся порядок вещей вызывает ощущение *несправедливости*. Крайнее неравенство и несправедливое обогащение многих возмущают. Это никак не может способствовать повышению продуктивности экономики. Лозунг экономической эффективности не выглядит достаточно убедительным, когда люди видят, какая непропорционально большая доля общественного продукта присваивается теми, кто контролирует природные, материальные и финансовые ресурсы общества. То же самое можно отнести к лозунгу «национальной солидарности», выдвигаемому Русским православным народным собором.

Нарушением принципа справедливости является ущемление права трудящихся на коллективную защиту своих интересов. Трудовой кодекс РФ отличается заметным перекосом в пользу интересов работодателей, отдавая предпочтение индивидуальному трудовому договору перед коллективным. Предписываемые им формальные условия и процедуры делают крайне затруднительным, если не невозможным, проведение законной забастовки. Неоднократно предпринимались попытки ужесточить касающиеся этого предмета положения Трудового кодекса в пользу работодателей.

Одно из следствий заведомо слабых позиций наемного труда в России — заниженная доля заработной платы в национальном доходе (и непомерно высокая — доходов крупных собственников и топ-менеджеров), низкий уровень мотивации, а следовательно — и производительности труда. В 2007 году группа известных российских специалистов в области социологии труда и трудовых отношений (В. А. Ядов и др.) обратилась к властям с призывом обратить внимание на сложившуюся в стране ненормальную ситуацию с правовым регулированием трудовых конфликтов. Но это обращение осталось без последствий.

⁴ Подробнее об опыте государственной политики перераспределения доходов в странах Запада см. **Бурджалов Ф.** Экономическая роль социальной деятельности государства. С. 70–94.

Позднее, в 2009 году, представители профсоюзов попытались оспорить в Конституционном суде норму Трудового кодекса, согласно которой неосвобожденных профсоюзных лидеров можно увольнять за любое нарушение, что открывает простор для произвола со стороны работодателей, особенно в отношении действительно независимых профсоюзов, не входящих в ФНПР. Однако Конституционный суд признал эту норму вполне законной. Но спустя год Россия ратифицировала Конвенцию МОТ № 135 о защите права на объединение, где предусмотрен особый порядок увольнения руководителей профсоюзов — только по решению суда. Тем самым постановление КС должно было утратить силу. Тем не менее ничего не изменилось. В 2014 году думская фракция эсэров, отвечая на обращения профсоюзных деятелей, подготовила и внесла законопроект в защиту права профсоюзов на коллективный договор и коллективный трудовой спор. «В существующих законодательных условиях, — говорилось в пояснительной записке к законопроекту, — работник лишен возможности получать справедливое вознаграждение за труд, что, в свою очередь, ведет к искусственному сужению рынка сбыта» [19].

Даже вполне лояльный к властям председатель ФНПР Михаил Шмаков, реагируя на недовольство своего профсоюзного актива, вынужден время от времени выступать с критикой в адрес предпринимателей и правительства. Так, на VII съезде ФНПР (январь 2011 года) он в довольно жесткой форме предупредил о серьезных последствиях, к которым могла бы привести исходившая от Российского союза промышленников и предпринимателей идея отменить в России положение о 8-часовом рабочем дне. На IX съезде ФНПР (февраль 2015 года) Шмаков подверг критике экономическую политику правительства за приверженность «ультралиберальному фундаментализму». Он, в частности, сказал, что «система распределения доходов и расходов в сегодняшней России откровенно несправедлива» [20].

Социальные гарантии, соблюдение профсоюзных прав и свобод, прав трудовых коллективов — одно из важнейших условий, позволяющих людям обрести большую уверенность, избавиться от опасений за свое будущее, мотивирующих на достижение больших результатов на рабочем месте. Проблема с ФНПР в том, что это профсоюзное объединение слишком тесно связано с правящими кругами, выступая фактически в качестве «приводного ремня» партии власти. Если бы это был более самостоятельный и сильный профсоюзный центр, то промышленники были бы больше заинтересованы в технологической модернизации производства, чтобы тем самым получить возможность удовлетворять требования более справедливой оплаты труда.

Долгосрочные цели национального развития требуют мобилизации всех духовных ресурсов общества. Речь идет о той неуловимой, трудно определяемой субстанции, которую принято называть «духом народа». Эффективная стратегия национального развития должна учитывать не только готовность народа противостоять внешним угрозам, но и свойственное большинству людей стремление к благополучию, счастью и, не в последнюю очередь, к социальной справедливости.

Литература

1. **Фон Хайек Ф. А.** Пагубная самонадеянность. Ошибки социализма : пер. с англ. М.: Новости, 1992.
2. **Смит А.** Теория нравственных чувств. М.: Республика, 1997.
3. **Смит А.** Исследование о природе и причинах богатства народов. М.: Издательство социально-экономической литературы, 1962.
4. Global Wealth Report 2014. — <https://publications.credit-suisse.com/tasks/render/file/?fileID=60931FDE-A2D2-F568-B041B58C5EA591A4>
5. Outlook on the Global Agenda 2014. — www.weforum.org/reports/outlook-global-agenda-2014
6. **Picketty T.** Capital in the Twenty-First Century. Cambridge (Mass.); L.: Harvard University Press, 2014 (впервые издано во Франции в 2013 году).
7. **Шевяков А. Ю., Кирута А. Я.** Измерение экономического неравенства. М., 2002. С. 53—65.
8. **Бурджалов Ф.** Экономическая роль социальной деятельности государства. М.: ИМЭМО РАН, 2009.
9. **Judt T.** Ill Fares the Land. A Treatise On Our Present Discontents. L.: Penguin Books, 2011.
10. **Вебер А.** Неравенство и развитие // Социальное неравенство в России: вызовы обществу и публичной политике. М.: Горбачев-Фонд, 2005. С. 69—76.
11. Paying for Inequality: The Economic Cost of Social Injustice / A. Glyn, D. Miliband (eds). L.: Rivers Oram/ippr., 1994.
12. **Wilkinson R., Pickett K.** The Spirit Level: Why More Equal Societies Almost Always Do Better. L.: Allen Lane, 2009.
13. Доклад о мировом развитии 2006 года. Справедливость и развитие. М.: Весь мир, 2006.
14. **Ostry J. D., Berg A., Tsangarides Ch. G.** International Monetary Fund. Research Department. Redistribution, Inequality and Growth. Authorized for Distribution by O. Blanchard. Executive Summary. February 2014. — www.imf.org/external/pubs/ft/sdn/2014/sdn1402.pdf
15. The New York Times. 05.08.2014.
16. Реформы глазами американских и российских ученых. М., 1996.
17. Частная собственность (приложение к «Известиям»). 23.06.1993.
18. **Шевяков А. Ю.** Бедность, неравенство и экономический рост // Социальное неравенство в России: вызовы обществу и публичной политике.
19. Интервью с первым заместителем руководителя фракции «Справедливой России» в Госдуме Михаилом Емельяновым // Независимая газета. 14.11.2014.
20. Независимая газета. 09.02.2015. ◆

Терроринтерн: *lex talionis*¹ или знак глобальной беды

Феноменология террора

© Левяш И. Я.

© Levyash I.

Терроринтерн: *lex talionis* или знак глобальной беды

Terrointern: *lex talionis* or sight of global trouble?

Аннотация. Терроризм рассматривается как один из древнейших архетипов и экстрема войны. В предельно обобщенном виде можно утверждать, что терроризм является аномальным продуктом перманентных кризисов в фундаментальной триаде «культура — цивилизация — варваризация». Статья посвящена анализу феноменологии и антропологии террора.

Annotation. The terrorism is considered as one of the most ancient archetypes and extrema of war. In extremely generalised kind it is possible to assert that the terrorism is an abnormal product of permanent crises in a fundamental triad «culture — a civilisation — barbarization». The article is devoted to analyze phenomenology and terror anthropology.

Ключевые слова. Война, террор, терроризм, *lex talionis* культура, цивилизация, варваризация, глобализация, групповой терроризм, государственный терроризм, субъекты антитеррористической коалиции.

Key words. War, terror, terrorism, *lex talionis* culture, a civilisation, barbarisation, globalisation, group terrorism, the state terrorism, subjects of an antiterrorist coalition.

Зачем мятутся народы
и племена замышляют тщетное?
Пс. 2:1

Проблема современного терроризма — это последнее издание Армагедона, одного из древнейших архетипов человеческого бытия. В символической форме «*ab ovo*» (лат. «от яйца») всех противоречий и коллизий терроризма предстает едва ли не в самом начале Книги Бытия. С одной стороны, заповедь «*Не убий*» потому исходная и неведомая ранее миру, что исполнение этого императива стало бы рубиконом преодоления переходного состояния зверочеловека, окончательного *очеловечивания* человека. Однако сам Творец, похоже, свободен от этого табу. Когда он решил покарать нечестивый Содом, Авраам, призванный Божьим именем творить «правду и суд», не может допустить

ЛЕВЯШ Илья Яковлевич — главный научный сотрудник Центра исследований глобализации, интеграции и социокультурного сотрудничества Института философии Национальной академии наук Беларуси, профессор, доктор философских наук.

¹ *Lex talionis* — лат. «Закон равного возмездия»; русский аналог — выражение «око за око».

неправого суда и вопрошает: «неужели Ты погубишь праведного с нечестивым?» Далее Божий человек устраивает настоящую тяжбу с Творцом, вопрошая: не пощадит ли он город, если там есть — в последовательном ряду — сорок пять, сорок, тридцать, двадцать, наконец, хотя бы *десять* праведников? И тогда «Он сказал: не истреблю ради десяти. И пошел Господь, перестав говорить с Авраамом» (Быт. 18:19—33).

Здесь — *смыслообразующий* узел проблемы. Вначале гуманный вердикт Творца очевиден, более того — он становится все более конкретным и гуманным, но внезапно (без всякой мотивации!) эта «восходящая линия» обрывается. Бог намерен покарать Содом, если там будет *менее* десяти праведников. Неужели они — это *цель*, а каждый из праведников — уникальная, Богоподобная личность, — лишь *средство* утверждения высшей «правды и суда»? Говоря словами Нагорной проповеди, «много званых, мало избранных»? Но и «избранные» — весьма противоречивый критерий оценки. Ведь они тоже потомки Адама и Евы, проклятых за первоначальный грех не только на труд «в поте лица» и муки рождения новых жизней, но и, оказывается, на тотальную «войну всех против всех».

Здесь — точка отсчета извечной тяжбы *universalis* против *Realpolitik*. В земной юдоли она предстает в образах первых потомков Адама и Евы — «пастыря овец» Авеля и земледельца Каина. Когда братья принесли Господу плоды своих трудов, он поначалу «призрел на Авеля.., а на Каина не призрел». Тайна такого отбора неведома, но не потому ли Каин огорчился, «восстал» на Авеля и убил его, а на вопрос Господа: «где Авель, брат твой?» ответил: «разве я сторож брату своему?» Вначале Господь осудил Каина на изгнание и скитальчество, но, услышав жалобу на то, что теперь всякий может убить его, затем — с точки зрения «земной» логики совершенно неожиданно — вынес свой вердикт: «всякому, кто убьет Каина, отмстится всемеро. И сделал Господь Каину знамение, чтобы никто, встретившись с ним, не убил его». Каин поселился к востоку от Эдема, и от него пошло многочисленное каиново потомство (Быт. 4:1—16).

В этой притче нельзя не видеть архетипической микромоделю «войны цивилизаций»: ведь Авель был «пастырем овец», а Каин — земледельцем. Это архетип традиционного конфликта «Я—Мы» с враждебными «Он—Они», конфликта, в котором самоутверждение первых происходит путем достижения «нулевой суммы» — обесчеловечения образа вторых и на этом «основании» — «священного» права лишения их жизни.

Если бы такая интенция и диктуемая ею практика были абсолютными, не только эволюция, но самое становление культуры/цивилизации оказались бы невозможными. Судя по способности человечества к выживанию и развитию, чаша весов между «Убий» и «Не убий» в конечном счете склонялась ко второму вердикту. Начиная с символического Ноева ковчега, эта тенденция была быстротечной, но порой такой вдохновляющей, что возникали «мимолетные мгновения» веры в способность человечества *окончательно* перековать мечи на орала.

«XX — насквозь террористический — век» (Солженицын) развеял эти иллюзии. Народы и государства вышли из состояния *массового* террора Первой мировой войны, но в *ментальной* глубине далеко не избавились

«от дикого зверя, который беснуется и ревет, запертый в погребках под фундаментом культуры» [1. С. 476]. Говоря библейским языком, «жестоковыйный», «необузданный» Зверь, — это Эрос «праведников», утверждающих свое торжество, как «победу Бога», ценой лишения «неправедников» самой жизни. Такой феномен — парадоксальным образом извечный спутник цивилизаций. Даже М. Цветаева, размышляя над варварством бунтарской пугачевщины, неожиданно и обреченно писала, что, обращаясь к этому феномену, «к зверствам привыкла».

Поскольку типичные представители такого наследия — нередко далеко не «варвары» в эллинском смысле, до сих пор бытует стойкая апология так называемых *прекрасных преступлений*, убийств на почве «высокоидейной» мотивации. Но кто те «праведники», которые убедили Брута стать убийцей своего духовного отца и друга Юлия Цезаря из таких идейных соображений, как угроза Римской республике? Французская аристократка Ш. Корде, публично казнившая Марата, возмутилась оценкой ее поступка: «Как ты смеешь, — воскликнула она, обращаясь к судьбе, — называть меня убийцей!»

Русская дворянка и учительница Вера Засулич в 1878 году стреляла из револьвера в санкт-петербургского градоначальника Трепова. Почему? Она узнала из газет: градоначальнику, посетившему арестантский дом, показалось, что один из гулявших во дворе не снял перед ним шапку. Разгневанный генерал приказал его высечь. Жандармы, как водится, прилюдно и сладострастно перестарались. Вспыхнул бунт, но был жестоко подавлен.

На суде Засулич призналась, что «тяжело поднять руку, пролить кровь», — но все же пролила ее. Характерно, что она была *оправдана* судом присяжных. В зале суда был и Ф. Достоевский — уже известный автор «Бесов». Его табу — «слеза ребенка», но Трепов был далек от невинности, и к *этому самосуду* писатель отнесся иначе. Существует версия, что он счел наказание Засулич «неуместным, излишним» уже потому, что «нет у нас такой юридической нормы», хотя и выразил опасение, что «ее возведут в героини». И действительно, выйдя свободной из зала суда, Засулич была подхвачена ликующей толпой.

Уже в 1920-х годах Р. Лемкина, будущего польского юриста и заметного участника Нюрнберского процесса над нацистскими преступниками, потрясли два события: совершенное в Берлине в 1921 году убийство министра внутренних дел Турции Таллат-паши, ответственного за массовое уничтожение армян, и убийство в Париже в 1926-м Симона Петлюры — как месть за еврейские погромы на Украине в 1918—1919 годах. Эти два политических убийства стали в глазах Лемкина «прекрасными преступлениями». «Акты мести, возможно, были преступными с точки зрения закона, но с точки зрения нравственности они были прекрасны» [2. С. 34].

Видимо, с этой точки зрения «прекрасной» была и акция израильского юноши И. Амира: в 1995 году он убил премьер-министра Рабина и заодно «случайно» ранил его телохранителя. На суде Амир заявил: «Возможно, Бог действовал вместе со мной». «Как же вы, религиозный

человек, сын раввина, забыли о заповедях?» — спросил судья. Но получил ответ: «...в заповедях есть более сильное предписание “спасения души”». Его мать воскликнула, что в ее сына «вселился дьявол». Газета International Gerald Tribune 13 ноября 1995 года прокомментировала убийство следующим образом: «25-летний убийца, признавшийся в суде, был осужден как любой религиозный фанатик в Израиле, но он не был ни странным, ни неподходящим для нашего общества. Амин является чем-то гораздо больше беспокоящим многих жителей Израиля: молодой, дисциплинированный и обладающий многими дарованиями человек поверил, что он спасет Израиль. Его решение убить отражает — так же, как искажает, — ценности, приобретенные им в его путешествии по израильскому расколотому истеблишменту и этажам его элит».

Что означают эти поступки: просто идейную убежденность или ее «гремучую смесь» — *фанатичную* убежденность? Если Ш. Корде и В. Заулич воплощают «прекрасные преступления», то в более широком контексте по-своему «прекрасны» и Кромвель, обезглавивший английского короля, и сентиментальный Робеспьер, «повенчанный» молвой с гильотиной, и режиссеры-исполнители зверского убийства последнего российского императора, его семьи и слуг. Ведь во всех случаях речь идет об идейно мотивированных, ритуально-символических убийствах. Все они — ипостаси террора как экстремального метода адресного «устраивания» идейных противников. В этих мистериях страсти неотделимы от *ratio*, заметна нереальная в «чистом» виде, но все же тенденция отделить плевелы от зерен.

Однако редукция к такому пониманию проблемы сегодня — это прекраснотдушная иллюзия, если не *идеализация* буквального террора. Неизбывная проблема адекватности целей и средств — это фанатизм, в котором «идейная» адресность подчинена *безадресности*, как цель — средствам. Уже иудейский царь Ирод санкционировал «избиение младенцев» лишь потому, что среди них, вероятно, находится младенец Христос. Прошло две тысячи лет, и уже под занавес XX века ирландский террорист К. Мак-Кейн пошел дальше. Узнав, что погибла женщина-полицейский, он аплодировал: «Надеюсь, она была беременна! ...мы одним ударом уничтожили бы двух врагов». Ирод убивал невинных младенцев, а Мак-Кейн убивал их еще в утробе матери.

Масштабы террора ныне таковы, что он обрел трансконтинентальный характер. М. Вулф, профессор Ноттингемского университета (Великобритания), ввел понятие «мегатерроризм» — беспрецедентно Большой террор (2004). С учетом транснационального характера этой бесовщины, его уместно определить как *Терроринтерн* — Террористический интернационал.

За пестрым разнообразием и стойкой динамикой терроризма по экспоненте крайне трудно постигнуть его «последние», *сущностные* основания. Вопреки острой необходимости в международно-правовом определении терроризма, не только «в товарищах согласия нет», но нет и хотя бы «рабочей» конвенции определения его дефиниции.

Известный американский террорист И. Рамирес Санчес (по кличке «Карлос») утверждал: «Террор — это война. Террор — это военная стратегия и средство борьбы, призванное победить *объект* при помощи страха». Неопределенность такой трактовки в том, что террор — всегда применение силы; но сила, насилие — далеко не всегда террор. Вообще террор — это не обязательно война на физическое истребление. Ветхозаветная «подзаконность» человека, как и извращающее освободительный смысл учения Христа «судебное понимание» христианства, — это «настоящий духовный террор...» [3. С. 257].

Р. Лемкин после участия в Нюрнбергском процессе в качестве профессора Йельского университета выступил в Мадриде на конференции по унификации уголовного права с докладом «Терроризм». Это деяния, говорилось в докладе, составляющие общую (межгосударственную) опасность, признанные преступлением против международного права как «преступления *варварства*».

Именно терроризм является одним из самых экстремальных феноменов в фундаментальной триаде «*культура — цивилизация — варваризация*», и его цунами во многом превращают эту связь в неизбывный «бермудский треугольник».

И все же кардинальные проблемы природы и смыслов терроризма, тем более масштабов и глубины его воздействия на взаимоотношения между культурами и цивилизациями, остаются открытыми. Понятно лишь, что именно терроризм является одним из самых экстремальных феноменов в фундаментальной триаде «*культура — цивилизация — варваризация*», и его цунами во многом превращают эту связь в неизбывный «бермудский треугольник». В рациональном понимании буквального нагромождения его во многом эзотерических артефактов политико-правовые нормы и табу безусловно необходимы. И все же они недостаточны. Требуется многоуровневое постижение этого грозного сюрреалистического феномена, начиная с его антропологических оснований.

Антропология террора

Варварство никогда не бывает временным
А. Камю

Уже этимология понятия «террор» позволяет приблизиться к постижению его зловещего смысла. Термин «терроризм» происходит от французского *terreur* — страх, ужас. В словаре С. И. Ожегова определение терроризма выводится от французского *terroriser*, что означает «устрашать насилием», «запугивать», «держат в состоянии постоянного страха». В сло-

варе В. И. Даля функция терроризма сведена к символическому «устрашению». Понятно и без специального анализа, что террор — это всегда устрашение; но очевидно, что далеко не всякое устрашение — террор.

В любой своей ипостаси террор не вписывается в классическую оппозицию «природа — культура». Даже в мире природы есть место не только «естественному отбору», но и «альтруизму» всего живого, способствуя его динамичной целостности в многообразии. Террор — это слом даже такого баланса в мире человека, предельно радикальная *дегуманизация* отношений между людьми, вплоть до разрушения выработанных тысячелетиями фундаментальных всечеловеческих ценностей, — императива «*Не убий*» и символа «*Ноев ковчег*». Террор — не просто война, а ее *экстрема*. В ней заключен такой сплав «базовых инстинктов» в контексте макиавеллевской (да и марксовой) формулы *homo* как кентавра — полужверя, получеловека. Как неоархаика «натуры» наших дней — *озверения человека*, террор изначально и диаметрально противоположен культуре как процессу *очеловечивания зверя*.

Переходный характер гено типа *homo*, невозможность свести его к определению *sapiens* во многом объясняют амбивалентность человеческих страстей. Классик писал, что «ничто великое в мире не совершалось без страсти». Но, как метко заметил М. Волошин, «спазмы страсти» не лишено и (почти) все низкое. Реально и «великое низкое», и это — парадокс не ума, а самой жизни. Принципиальное различие в том, что, если подлинно великое оценивается со знаком плюс, эта «страсть» называется «убежденность», а со знаком минус — «фанатизм».

«Негодование рождает стих», — писал Ювенал в «Сатирах». Но известна ярость не только «благородная»: по-своему снискал бессмертие Герострат. Собственно, что кроется на ментальном дне существа, способного к применению решительно всех средств для достижения своей цели, включая буквально понятые зверские? Ф. Ницше выявил растущую пропасть между все более цивилизованным существованием человека и, тем не менее, стойким архетипом, унаследованным от первичной эпохи, — жестокостью как рудиментом «прежних культур». Вопреки библейскому раю или античному мифу о «золотом веке», писал мыслитель, жестокость принадлежит к древнейшему настроению человечества, когда *богов* улаждают зрелищем жестокости — как чего-то осмысленного и значимого.

Становление и культивирование человека и его важнейшего качества — *человечности*, гуманного обращения к себе и другим, происходило как процесс *укрощения* «дикого зверя». «Мир, — писал Ницше, — это медь: / нагретый бык — он глух на крик... Мир — это твердь, / в нем сердца нет, мир — это бык» [1. С. 486, 814]. (Очевидно, что речь идет о медном быке греческого тирана Фалариса: в чрево животного помещали обреченных на смерть, и потом его раскаляли до тех пор, пока из-за воплей жертв бык не начинал «мычать».) Однако Ницше констатировал не только *садистский* синдром «разогретого быка» истязателей (к примеру, инквизиция), но и *мазохизм* самоистязаемых (аскетизм жаждущих «пострадать»).

У зверчеловека нет постоянной «прописки». По словам А. Мицкевича, когда не стало палача в одном французском городе, то представились сразу 366 соискателей. Здесь, по крайней мере, есть своя логика — обретения материального достатка и социального престижа палачей. Но чем объяснить мутацию субъектов в собственных палачей? Нам кажется странной и чуждой решимость современных шахидов к самоубийству. Но вот как А. Пушкин воспроизводит ментальный комплекс Е. Пугачева:

Есть упоение в бою
и бездны мрачной на краю,
и в разъяренном океане,
среди грозных волн и бурной тьмы,
и в аравийском урагане,
и в дуновении чумы!..
Все, все, что гибелью грозит,
для сердца смертного таит
неизъяснимы наслажденья —
бессмертья, может быть, залог!
И счастлив тот, кто среди волненья
их обретать и ведать мог.

Объясняя смысл этих строк, М. Цветаева писала: «Есть явление, все эти явления дающее разом. Оно называется — *мятеж*, в котором... еще и метель, и землетрясение, и пожар... Пушкин говорит о гибели ради гибели и *ее* блаженстве» [4. С. 338]. Отсюда — хорошо и печально известная интенция: «А он, мятежный, просит бури, как будто в буре есть покой». Так, по Гегелю, вершится *абсолютная* свобода как «фурия исчезновения», «самая холодная, самая пошлая смерть».

Непреодолимая заслуга Ф. Достоевского в том, что, провидя тектонические разломы грядущих столетий, он впервые ясно увидел, что человек живет между двумя полюсами: «бездной над нами и бездной под нами». «Выходя из безграничной свободы, я заключаю безграничным деспотизмом» [5. С. 311]. Парадокс в том, что к нему ведет и безграничная *несвобода*, *тотальное отчуждение* не Обломова или Фирса, а *пассионарного* человека, рвущегося из запертой клетки — даже ценой «озверения». Поэтому «выражаются иногда про “зверскую” жестокость человека, но это страшно несправедливо и обидно для зверей: зверь никогда не может быть так жесток, как человек, так артистически, так художественно жесток» [6. С. 217].

Этот колокол звонил по *агонии* абстрактного гуманизма, и Ф. Достоевский провидел *трагический* век мутации гераклитова творческого огня в тотальный «пожар в головах». Человек, которому мнится, что он способен быть *всем*, или «Наполеоном», но реально остается *ничем*, оказывается «по ту сторону добра и зла». Он способен все, включая и себя, превратить в *ничто*. Начиная с хрестоматийного Герострата, пафос действий «бесов» повсюду и всегда — «все вдруг взорвать на воздух, все уничтожить, всех, и виноватых, и невиновных, и тут все узнают, что это — тот самый, которого называли вором... а затем уж убить себя» [7. С. 269].

Первым после русского Екклесиаста приближение этого «пожара» почувствовал Ф. Ницше. Чтобы понять этот феномен, философ предлагал «вглядеться» в европейский анархизм в целом как одну из ипостасей *декаданса* или *кризиса* модерна, уже заметного с конца XIX века. Отныне мир

может «падать назад, в сторону, вперед, во всех направлениях», и такая дезориентация становится уделом тех, кто теряет почву под ногами, ощущает себя безысходно «бывшими». Вообще говоря, «стремление к разрушению, изменению, становлению может быть выражением избыточной, чреватой будущим “дионисической” силы, но оно может быть также ненавистью неудачника, горемыки, который разрушает, должен разрушать, ибо его возмущает и раздражает существующее» [1. С. 694].

После Достоевского и Ницше обезчеловечение, или *варваризация* человека, стало объектом пристального внимания психоаналитического направления в культурфилософии. З. Фрейд интерпретировал эту тенденцию как угасание Эроса — воли к жизни и влечение к Танатосу. Если ожидание конца — это недостаточное средство, более сильным наркотиком вполне может стать преодоление комплекса неполноценности как «влечения, которое стремится вновь уничтожить жизнь... мы можем считать его выражением *влечения к смерти*... его направленности на внешний мир в форме агрессии» [8. С. 366]. Американский культурфилософ Э. Фромм усмотрел в подобной разрушительной стихии одно из фундаментальных свойств несостоявшегося «царства Разума», а *разрушительности — как результата непрожитой жизни*. По Ж. Бодрийяру, современный терроризм уже не имеет ни цели, ни конкретного врага. Его противник даже не из области мифа, он выступает как нечто анонимное, как некий мировой социальный порядок.

Это уже не только цивилизационный, но и *культурный тупик* — неспособность к творческому *ответу* на *вызовы* современности. XX век предоставил устрашающие аргументы, подтверждающие способность к распаду и обрушению в бездну небытия.

Социокультуральный диагноз террора

Если требование высшей культуры остается неудовлетворенным, то... ближайшим последствием этого явится... обратное погружение в варварство.

Ф. Ницше

Вне глубинных антропологических оснований — «вечного возвращения» архетипа «Зверя из бездны», или расчеловечивания человека, современный Терроринтерн не может быть «расколдован» и рационально понят. Вместе с тем очевидно, что, перефразируя Маркса, *обстоятельства* так же творят людей, как и *не-людей*, и это требует рассмотрения террора в социокультурологической оптике, как *экстремальной антикультуры*.

В самой общей форме антикультура современного террора может быть объяснена в предложенных Х. Ортега-и-Гассетом интегративных концептах «человек-масса» и «восстание масс». Еще Гегель проницательно отметил этот феномен уже на стадии становления индустриального общества. «Самый низкий уровень жизни... — писал он, — очень различен... Бедность сама по себе никого не делает черным: чернь определяется лишь связанным с бедностью *умонастроением, внутренним возму-*

щением (курсив мой. — И. Л.), направленным против богатых, общества, правительства и т. д. Далее, с этим связано и то, что [такой] человек... становится легкомысленным и уклоняется от работы... Тем самым в черни возникает зло, которое состоит в том, что у нее отсутствует честь, заставляющая человека обеспечивать существование собственным трудом, и она, тем не менее, претендует на обеспечение своего существования как на свое право» [9. С. 271].

Демократия XX века, повергнув зло тоталитарных диктатур, изначально обнаружила и отмеченный В. Розановым массовый комплекс неполноценности: «*egalité*» есть тоска всеми униженного, скорбящего о себе всего «половинчатого» — его уравнивания с единицею. Недаром идейные предтечи нацизма называли немецкий народ периода Веймарской республики «пролетарской нацией», несправедливо ущемленной более благополучными «буржуазными нациями».

Этот лейтмотив отчетливо слышен и в определении состояния современного постколониального мира как «*международного пролетариата*». Дистанция между богатством и бедностью в мире велика как никогда. По данным доклада ООН «Глобализация с человеческим лицом», пропасть между развитыми и другими странами углубляется: разрыв доходов между пятью богатейшими и пятью беднейшими странами, составлявший 30:1 в 1960 году, достиг уровня 60:1 — к 1990-му, а к концу XX века равнялся 74:1. Согласно оценкам ООН, даже в развитых странах 100 миллионов человек живут за чертой бедности, 37 миллионов — безработные, а треть взрослых людей не завершает среднего образования. Заслуживает внимания и наблюдение американских авторов: «Мы должны посмотреть на мир глазами наших противников... Готовность террористов умереть за свое дело малопонятна, если мы не вспомним тот факт, что продолжительность жизни в их странах чрезвычайно невелика» [10. Р. 217].

Конфронтация бедности и богатства — действительно важный источник терроризма (особенно в его массово-исполнительском звене); но наивно приписывать ему самодостаточное значение. Формула «чем больше бедности, тем больше террора» лишь в определенной степени соответствует реальности. Обширные регионы мира, в которых жизненный уровень достаточно скромен, до сих «не замечены» в систематическом терроре. Но главное в том, что его известные организаторы и вдохновители — представители вовсе не бедного, а как минимум *среднего* класса. Их организации оперируют такими средствами, которые вполне могли бы разрешить масштабные социальные проблемы.

Эпизодически и ситуационно обсуждается такой социокультурный аспект, как *гендерная* структура терроризма. Заметно искушение объяснить его, приписывая патриархальной цивилизации «базовый инстинкт» *маскулинности*, по определению чреватой насилием — вплоть до уничтожения тех, кто не готов к подчинению. Однако такой посыл явно противоречит очевидным фактам. У террора — и заметное *женское* лицо. Не говоря уже о дрессированных фуриях нацистских «фабрик смерти», сопричастность к террору разделяли девицы из организаций «Прямое действие» и «Красные бригады», которые повергли в страх республиканскую Европу 1960—1970-х годов. Вдохновительница герман-

ской террористической «Фракции Красной армии» У. Майнхоф являлась потомком великого поэта-романтика Ф. Гельдерлина, а ее сподвижница Г. Эннслин — прямым потомком Гегеля. Культурная террористка П. Херст — дочь знаменитого миллиардера Херста с кличкой «Таня» — была подружкой легендарного Че Гевары. В этом же ряду, словно сошедшие с мрачных и гротескных фресок Ф. Гойи, шахидки из московской мистерии «Норд-Оста».

Некрасовские женщины — символ добродетельной жертвенности — были способны «войти в горящий дом». Фурии террора не только сами поджигают его, но и готовы сгореть в огне. Независимо от мотиваций (преданности, ревности, мести, амбиций), женщина-убийца и тем более самоубийца — это *разрыв* генерационной преемственности поколений, угроза непрерывности жизни на земле.

Если гендерные аспекты террора заслуживают гораздо большего внимания, то этого нельзя сказать об *этноцентристской* версии террора как ментального свойства определенных общностей, будто бы предрасположенных к насилию. Внимание к этническому составу террора все же привело к накоплению определенных фактов. Так, в Нидерландах значительно более высокий уровень преступности характерен для марроканцев в сравнении с турками — хотя обе этнические группы экономически и социально страдают от дискриминации приблизительно в равной степени. В то же время среди лиц, эмигрировавших в Европу из Азии, уровень преступности ниже, чем среди европейского населения [11. Р. 17].

В XX веке пальму сомнительного первенства в «безумном, безумном, безумном мире» террора разделяли русские и немцы, ирландцы и баски, американцы и евреи. Зариновая атака японской «Аум сенрике» в токийском метро в 1995 году была последним крупномасштабным актом вальпургиевой ночи XX столетия. Но печально известные серийные киллеры — «Джек-потрошитель», «нью-йоркский снайпер», английский «доктор смерти» Шихман и др. — прописаны все же *не* по арабско-мусульманскому адресу.

Общим местом стала *психологическая* версия террора как «силы слабых». Но терроризм — это не «сила бессильных», а *асимметричная* сила. Этот монстр вполне способен дотянуться до ядерного или биологического оружия массового поражения. «Тот, у кого в руках эта штука (атомная бомба), — говорил немецкий террорист М. Буман в интервью журналу «Штерн», — может заставить бундесканцлера танцевать канкан на столе».

Все более провоцирующую роль играют «плоды просвещения» westernизированных *массмедиа* с их универсальным фрейдистским товаром — *культулой насилия*. Американский автор Л. Мартин констатирует, что для ньюсмейкеров теракт — это «новость высокого качества». Коммерческий успех любой ценой приводит к вольной или невольной пропаганде терроризма.

По-видимому, терроризм не сводим ни к «зову крови», ни к страшной мести бессильных. Такой подход — автоматическое алиби в *непричастности* к террору «упорядоченных» политических субъектов — прежде всего государств. Однако это глубокое и далеко не бескорыстное заблуждение.

Терроризм государственный и групповой

XX — насквозь террористический — век, содрогающее увенчание того Прогресса, о котором столько мечталось в XVIII.

А. Солженицын

Большая часть мира видит — и по праву — в США одну из главных стран—террористов.

Н. Хамски

Архетипичным символом государства является библейский Левиафан — «монстр, символизирующий силы природной стихии». В книге Иова описывается существо, столь пугающее, что «никто не смеет тревожить его... Будет ли он много умолять тебя и будет ли говорить с тобою кротко? Сделает ли он договор с тобою..?» (Иов 40:20, 22, 23). Символизм этого существа происходит от ближневосточных мифов, в которых герой-бог сражается с богом морских глубин за установление порядка из первобытного хаоса.

С нарастанием социально-политических антагонизмов соотношение *хаоса* и *порядка* выявляется различным, вплоть до противоположности, образом, и к террору прибегают скорее как к легитимному, чем экстремальному способу достижения целей. В структурно-историческом срезе терроризм — это необозримая сеть самых разнообразных субъектов и агентов; и изначально важно выявить специфику, взаимосвязь и эволюцию *государственного* и *группового* терроризма.

Одной из первых известных в истории террористических группировок была *секта сикариев* в Древней Иудее, совершавшая «прекрасные», из благих побуждений, преступления, которая действовала в 66—73 годах н. э. под лозунгом освобождения от Римской империи. Сикарии систематически убивали римских чиновников и проримски настроенных евреев, сжигали зернохранилища и выводили из строя системы водоснабжения. Но заставить империю «образумиться» они не смогли.

Гегель писал о средневековых государствах, в которых господствовала не сила права, а право силы, «беспрестанное насилие». Такая критически сжатая пружина, естественно, вызывала *контрнасилие* многочисленных сектантских групп. Их вооруженный протест перерстал в массовые движения (герилья, табориты и др.) и сопровождался их террористическими действиями. В периоды обострения противоречий в пределах современных полиэтнических наций-государств групповое насилие приобрело определенные этноконфессиональные черты (ирландская «герилья», баскская ЭТА, чеченская фронда, «тамильские тигры» и т. п.).

Если неотъемлемый сегмент специфики государства заключается в *легитимности насилия* власть имущих, то есть его правомерность признается большинством граждан, то групповой террор — это свидетельство *нелегитимности* государства, его «права» на насилие. Это протест тех социальных групп, которые не только не согласны с политикой государства, но и способны противопоставить ему более или менее адекватное насилие. Таков последний довод не-королей. В этом смысле террор является пра-

ктикой политического насилия, которое считается прерогативой государства и при этом выпадает из общественных представлений о допустимом. И. Валлерстайн не вполне точен, полагая, что враждебность по отношению к государству вошла сейчас в моду. Но он, безусловно, прав, отмечая, что в той мере, в какой частная безопасность становится важной проблемой общественной жизни, подрывается вера в торжество закона и, как следствие, разрушается гражданское сознание. Замкнутые группы становятся единственно надежным прибежищем, проявляя при этом склонность к насилию и стремясь контролировать свои «зоны ответственности».

В периоды бурной трансформации политических систем общественные группы — еще отчужденные от власти, но уже стремящиеся к ней (во Франции начала Нового времени это «третье сословие») — идейно и морально легитимировали насилие как право народа на восстание против тиранов. В Великой французской революции, с ее взятием власти «народом», это воплотилось во всевластии гильотины, карающей не только тиранов, но и все общественные группы, которые были их социальной почвой. Инерциально новые власть имущие еще признавали легитимность «права народа на восстание» против тиранов, как бы подчеркивая собственную непричастность и чуждость тирании. «Какая страна, — вопрошал второй президент США, еще вполне “народный” Т. Джефферсон, — в прошлом прожила хотя бы полтора века без восстания? ...Что значит потеря нескольких жизней в масштабе одного-двух веков? Дерево свободы должно подпитываться... кровью патриотов и тиранов. Это — его естественное удобрение» [12. С. 19].

История революций в России XX века — это новый виток на «древе свободы». Здесь на удел «естественного удобрения» были обречены не только «тираны» — российский император, его семья и челядь, но и целые классы. Но те, кто ныне торопится обвинить в этом только большевиков, точнее — ленинский принцип «революционной целесообразности», выносят вердикт *до* суда. Такой суд — дело будущего, и полезно знать, что Владимир Ульянов, по свидетельству его сестры, *стал Лениным* лишь после того, когда, узнав о *казни старшего брата*, сорвал со стены и начал топтать карту России.

Изначальный цвет российского террора был не «красным», а «белым». Благовоспитанность тех, к кому обращался русский Робеспьер, не позволяла им совершать политический стриптиз по этому поводу, но идейная «душа» эсеров — З. Гиппиус писала об этом в своем «Дневнике»: «Сейчас у нас (всех) только одна узкая, самая узкая цель... свалить власть большевиков... Все равно чем, все равно как, все равно чьими руками... Для каждого данного мига *нужно использовать людей данного мига. Вот и все*. Когда они провалятся, будем искать следующих, кто бы они ни были с точки зрения *целесообразности их действий*, пригодности их действий, пригодности средств для неизбыточной, узкой, ПЕРВОЙ цели — свалить большевиков». И далее — все точки над «i»: *«Мы только теперь вступили в полосу настоящего террора*. После убийства Володарского, затем Мирбаха и Эйхгорна... произошло наконец убийство Урицкого и одновременно ранение — в шею и грудь — Ленина. Большевики на это

ответили (! — И. Л.) только тем, что арестовали 10 тысяч человек (курсив мой. — И. Л.)» [13. С. 224]. Однако конец — делу венец. После Ленина большевики развязали массовые репрессии против крестьянства и интеллигенции, а закончили истреблением собственной элиты — ленинской гвардии. Революции действительно пожирают своих детей.

Вероятно, закономерность состоит в том, что такие, замешенные на Большой крови революции, точнее, по Е. Месснеру, — *мятежевойны*, неизбежно заканчиваются «вечным возвращением» Левиафана, подрывом легитимной основы любой государственности — *договора* с народом — и стремлением к «такой верноподданнической покорности всех граждан абсолютному государству, какая еще не существовала доселе» и *анархической* реакцией исхода из-под его контроля. Поскольку анархизм «стремится к устранению всех существующих *государств*, — то ему остается надеяться... на существование с помощью своего крайнего терроризма. Поэтому он втайне готовится к террористической власти...» [14. С. 447].

Террор изначально был заметным, а в катастрофные периоды — и определяющим феноменом не только внутривнутриполитической жизни, но и *международных* отношений. Ему предшествовали тысячелетия взятия в заложники знатных представителей побежденных племен. Геноцид, а нередко этноцид, массовый угон населения в рабство составляли *обычай* войны. История древних империй полна такими демонстративными акциями «устрашивания». Их собирательный мрачный символ — империя Тамерлана, «увенчанная» горами черепов побежденных.

Характерная для христианства начала первого тысячелетия н. э. религиозная толерантность вскоре сменилась фанатичной нетерпимостью. Крестовые походы стали не столько борьбой за «освобождение гроба Господня» от «иноверных», сколько их геноцидом именем Христа. Если в обычаях так называемых огороженных войн между христианами предполагалось соблюдение неких норм и табу, то в этих походах действовал принцип «*Убивайте всех*, Бог на Последнем Суде отделит католиков от еретиков».

Вплоть до конца политического средневековья демон тотального террора витал над средневековой Европой. Клерикальное господство Ватикана уходило в прошлое, но светские власти словно соперничали с ним в применении массового насилия. «Лучше царствовать над опустошенной землей, чем над проклятой», — таковы были приоритеты императора «Священной Римской империи германской нации», и тогда, в Тридцатилетнюю войну, население Германии уменьшилось втрое. А далее — геноцид индейцев в Америке, расправа колонизаторов над индийскими повстанцами — сипаями (их привязывали к жерлам пушек и разрывали на части), над восстанием «боксеров» в Китае в 1901 году. Недаром Маркс назвал колониальную эпоху «кровавой зарей» капиталистического накопления.

Уже в начале XX века, в период Первой мировой войны, кайзер Вильгельм II, по сути, отрекаясь от своего различия «западной цивилизации» и «восточной культуры», напутствовал германские войска: «*Ведите себя, как гунны*». Стоит отметить полисемантику этого термина. Высоко оценивая пьесу Е. Замятина «Атилла», М. Горький усматривал ее ценность в том, что «гунны во главе с Атиллой идут разрушать Рим как государство, фабри-

кующее рабов». В устах же кайзера воинство рейха — это новые гунны, призванные освободить «рабов» на Востоке. «Культуртрегерская» мотивация возымела действие. Первый расстрел заложников (включая женщин, детей и стариков) произошел в августе 1914 года в бельгийском Лувене. Там германские колонны были обстреляны из охотничьих ружей — и немецкие войска без колебаний подавили городскую партизанскую войну.

Массированным актом терроризма стали еврейские погромы и депортации 1915–1916 годов, организованные в Галиции в прифронтовой полосе великим князем Николаем Николаевичем («в ответ» на «еврейский шпионаж», который был объявлен причиной поражения российской армии). В 1915 году был подготовлен проект указа Николая II о массовой депортации этнических немцев. Таким образом, с точки зрения царских властей, два этноса (немцы и евреи) попали в категорию «подозрительных». Еще ранее в этом черном списке оказалась польская шляхта. Монархист Л. Тихомиров писал о политике царской России в Польше: «В начале деятельности нужны были меры терроризирующие... Отнять от мятежа шляхту значило сковать всю его силу... Муравьев понял, что недостаточно разгонять банды или ловить кинжальщиков, а нужно истребить саму организацию» [15. С. 95, 97].

Однако все эти ужасы варваризации и одичания «цивилизованных» власть имущих меркнут перед нацистским террором в запредельных формах геноцида против собственного и других народов. Зб. Бжезинский пишет, что нацистский режим был «более рационален», поскольку истреблял *другие* народы, а сталинский — репрессировал целые классы и этносы *своего* народа. Но такое различие — опасная иллюзия. Именно фюрер спровоцировал не только истребление немецкого юношества («гитлерюгенд»), но и «ковровые» бомбардировки Дрездена и других городов. Немецкий народ и его отечество спасли не нацистские мистификации, а проявленная союзниками *цивилизованная* милость к павшим. Впрочем, и они — не жена Цезаря. Хотя первые американские атомные бомбы были адресованы Москве в целях символического «устрашивания», физически они стали Армагедоном жителей Хиросимы. Цель оправдывает средства!

Однако был ли вообще возможен этот тотальный Кошмар без — в лучшем случае — *слабости сильных*: мюнхенского предательства Чехословакии западными державами, сталинского ожидания умеренности аппетита фюрера, молчаливой и дружной блокады бегства евреев из Германии руководствами США и СССР, наконец искушения разрубить гордиев узел завершающейся войны атомным апокалипсисом в Японии?

Все это — притча во языцех. Но «Зверь из бездны», говоря словами Ницше, не только «ревет в подвалах культуры», но и мимикрирует под нее. К. Ларсон, советник ЦРУ и Министерства внутренней безопасности США по вопросам борьбы с терроризмом, пишет *полуправду* об этом парадоксе, утверждая, что он «угрожает глобальному порядку не просто потому, что несет с собой насилие. Он подрывает саму структуру глобального порядка, в котором на протяжении столетий главным субъектом выступали национальные государства... Сегодня этот проект пытаются осуществить, форсируя переход от незавершенного второго этапа, в «отдельно взятом» регионе, к третьему, в комбинации процессов

имплантации в “Север” и его пока символического штурма в наиболее болевых точках» [16]. Иными словами, советник прав, констатируя вектор ударов «новых гуннов» — с Юга на Север; но он хранит понятное молчание о их глубинной *первопричине*.

На пути к постижению такой глубинной причины возможны различные, в том числе и сенсационные, подходы. Так, А. Тарасов, эксперт Информационно-исследовательского центра «Панорама» (Москва), в статье «Неопровержимые доказательства» (2004) рассматривает события 11 сентября 2001 года не как исламистский теракт, а как заговор-провокацию американских фундаменталистов — крайне правых. Новизна такой оценки, которая в различных вариантах гипотез «проговоривалась» и ранее, состоит в том, что автор детально воспроизводит основную канву документов, фактов и аргументов в книге Т. Мейссана о *провокации* как асимметричном оружии в «мятежевойне» (2003). Автор убежден, что *этого* исключать нельзя уже потому, что еще более грандиозная провокация — убийство президента Дж. Кеннеди — осталась тайной за семью печатями.

Тем не менее многие авторитеты утверждают: «Маска, мы тебя знаем». П. Бьюкенен, бывший кандидат на пост президента США и автор книги «Америка: республика или империя?», высказал уверенность, что ненависть к Америке, выраженная в акте террора 11 сентября 2001 года, исходит из отношения к США как к «новому Риму», навязывающему свои цели, волю, ценности. США, заявил он, несут — с точки зрения иных культур, в том числе и ислама, — только «разложение». Американское агентство «Нандо таймс» опубликовало красноречивую подборку статей под заголовком «Почему они ненавидят нас?». Политологи З. Сардар и М. Дэвис целиком разделяют точку зрения известного критика Америки Н. Хомски: «Большая часть мира видит — и по праву — в США одну из главных стран-террористов».

Такая сомнительная репутация — дурной и опасный плод цивилизационного миссионерства во имя американизации мира. В то время, когда с окончанием «холодной войны» и распадом двухполюсного мира рухнул претендующий на мировую экспансию СССР, а Европа, уходя от химеры Третьего рейха, занялась обустройством своего единого Дома, официальная Америка без объявления, *de facto* ведет войну цивилизаций не только под флагом своеобразно препарированных христианских ценностей, но и акцентируя их абсолютную ценность для всего мира.

Способна ли победить в этой «войне» Европа? Ныне здесь уже более 17 миллионов мусульман, и опасений за их нелояльную пассионарность оказалось достаточно, чтобы Евросоюз официально отказался в своей — так и не принятой — Конституции идентифицировать себя как союз не просто европейских, но и *христианских* народов. Суть проблемы, как объяснил уже Гегель: христианство — это не только религия, но и *образ жизни*. Устойчивая двусмысленность принятия/непринятия Турции в ЕС также на руку скорее не ему, а проамериканской НАТО, членом которой эта страна является. Трудно представить себе более мощный удар по ценностно-смысловому ядру Европы. Эффект такой стагнации *превосходит* штурм нью-йоркских «близнецов», и «восторг» в том, что это делается не исламистскими боевиками, а «отцами» Евросоюза. Степень их дальновидности определит богиня Клио.

Врачу. Исцелися сам

Тот, кто борется с чудовищами, должен следить за собой, чтобы самому не обратиться в чудовище. Попробуй подолгу смотреть в пропасть, и она заглянет тебе в глаза.

Ф. Ницше

Ответ мира, почитающего себя цивилизованным, на вызов Терроринтерна является, во-первых, скорее реактивным (он так буквально и называется «антитеррористическая операция»), чем превентивным, во-вторых, он существенно ослаблен тем, что так называемая антитеррористическая коалиция — это продукт симбиоза Слона и Кита, и в-третьих (по счету, но не значимости), американский Слон демонстрирует грацию в посудной лавке, и это на руку только террористам. Они уже добились не только унижения самой могущественной державы мира, но и — недоброй волей массмедиа — грандиозной рекламы и признания себя в качестве грозной и пока практически неуязвимой военно-политической силы. Расчетливый «глазомер» коноводов Большого террора в том, что очень сильна надежда «озверить» Америку.

Старомодное «высокомерие силы», которую демонстрирует Белый дом, свидетельствует о непонимании во многом новых правил игры на мировой «шахматной доске», и он предпочел прямолинейную тактику вышибания «клин клином». Там убеждены, что «эта система столь подобна Джаггернауту, что единственная мыслимая форма сопротивления ей должна принимать форму террора, поскольку никакой диалог с ней уже невозможен» [17. С. 27]. Отсюда — демонстративная маркировка антитеррористической войны как последнего издания «крестового похода».

Действительно, быстротечно померкшие триумфы США в Ираке, Ливии, Афганистане, двусмысленная тактика в треугольнике США — «Исламское государство» — Сирия, разогревание братоубийственной бойни на Украине — это не только грация слона в посудной лавке, но и пирровы победы. Пока выиграны отдельные бои, но далеко не сражение. «Война против терроризма» стала, по мнению британского политолога Р. Харви, роковой ошибкой Запада. Террористы получили формальное признание в качестве адекватных противников. А кто попытался вдуматься в смысл «объявления войны», понял, что этот шаг имеет скорее риторический и избирательный характер к определению террористов... Уже в начале «войны» с терроризмом Запад поступился рядом принципов международного права [18. Р. 19].

Эффективная борьба с терроризмом требует создания легитимной «мировой жандармерии», которая способна пресекать *любой* террор (и прежде всего государственный), любое коллективное «устрашивание» — тем более истребление невинных людей. В этом смысле, писал Дж. Локк, любой, кто осознанно повинен в их гибели, распростился «с разумом, который является законом, установленным между человеком и человеком... (и) подлежит уничтожению... как любой хищный зверь, опасный для существования человека». Однако, вопрошает Б. Капустин, *кто* именно распростился с разумом и стал хищным зверем?

«Мы», занимающиеся работоторговлей, колониальными захватами и т. п., или те, кто пытается противостоять этому и «нападает» на «нас»?.. Оккупация «нами» «их» пространства — строго говоря, не насилие.., а лишь применение «легитимной силы» против «хищных зверей». Или, говоря современным языком, контртеррор... В Риме говорили: «Никого нельзя подчинить до конца»[19. С. 6]. Самые свирепые сатрапы, уничтожая одну часть своих жертв, «щадили» других, оставляя им только глаза: чтобы было чем плакать.

Противостоять злу Большого террора и одновременно *не опускаться* до него — беспрецедентная задача по своему масштабу и главное — инновационному характеру. В силу таких особенностей эта борьба стала новой фазой притяжения/отталкивания *партикуляризма и универсализма*. В осознании их соотношения заметен дефицит не только антропологических оснований террора, но и недооценка *глобального* характера «быть или не быть» как в традиционной «любви—ненависти» различных цивилизаций, так и потребности *каждой* из них в переоценке ценностей в условиях Современности. Мир всегда был относительно тесен, но глобализация превращает его в *абсолютно* единый Дом. Терроризм — это угроза его превращения в глобальное пепелище. Ныне решительно никто не может быть вне опасности, и если горит дом соседа, ждите пожара в вашем доме.

В такой оптике существенно значима реализация принципа «Врачу. Исцелися сам». Во взаимосвязанном мире, в котором Большой террор обрел диффузный, не ведающий границ характер, было бы легитимным делегировать ряд функций антитеррора *глобальным и региональным* структурам. Однако пределы возможностей ООН известны. НАТО, как трансатлантическая структура, более поощряет и проводит террористический курс, чем блокирует его. Евросоюз в целом в инфантильном состоянии в вопросах европейской безопасности. Антитеррористическая структура СНГ также пока далека от оптимальной. Что касается глобального управления, способного осуществлять энергичную антитеррористическую деятельность «мирового правительства», то это вообще вопрос, далекий от реалий.

Необходимо заново создавать систему глобальной и коллективной безопасности. В первую очередь это касается терроризма: «крестовый поход» против ислама его не предотвратит, а усилит. «Идентифицировать террористические угрозы с одним регионом, одной религией или одной цивилизацией — опасность, которую народам следует обходить. А в современной ситуации требуется возврат к разделяемым всеми человеческим ценностям как основе для солидарных действий... Выход из тупика — не столкновение цивилизаций, а их сближение; глобализация мультицивилизационная, а не вестернизированная» [20].

Если гордиев узел Терроринтерна невозможно разрубить, то это не значит, что его нельзя развязать. С этой целью необходима подлинно *глобальная* антитеррористическая коалиция. Поставив по главу угла не просто интересы, а единые *ценностно-смысловые* основания — конструирование прочного мира как самоцель, такая коалиция будет эффективной как единство принуждения и убеждения, *авторитета силы и силы авторитета*. Нужен не только диалог, но и конструктивная поддержка

цивилизациями движения «Запада» и «Востока», «Севера» и «Юга», способного минимизировать фундаментализм и погасить «спазмы» террористических страстей.

Человечество тысячелетиями существовало между всемирно-исторической мудростью библейского «Не убий» и дурной бесконечностью своей варварской предыстории, а в XX веке не однажды оказывалось на грани бездны. Тем больше оснований для максимы И. Канта о стабильном мире. С точки зрения масштабов и последствий (особенно потенциальных) Терроринтерна таков уже безальтернативный категорический императив. В отличие от идеи апокалипсиса, в котором грешники сгинут «в геенне огненной», а праведникам вечный мир будет дарован свыше, современный человек не может рассчитывать на такую благодать и исходит из конструктивистской установки на то, что, по Канту, «состояние мира должно быть установлено».

Литература

1. **Ницше Ф.** Веселая наука (*La Gaya Scienza*) // **Он же.** Сочинения : в 2 т. М.: Рипол классик, 1998. Т. 1.
2. Новая Польша. 2003. № 6.
3. **Бердяев Н.** Философия творчества, культуры и искусства. М.: Лига, 1994. Т. 1.
4. **Цветаева М.** Сочинения : в 2 т. Минск: Народная асвета, 1988. Т. 2.
5. **Достоевский Ф. М.** Бесы // **Он же.** Полное собрание сочинений : в 30 т. Л.: Наука, 1972—1990. Т. 10.
6. **Достоевский Ф. М.** Братья Карамазовы // **Он же.** Полное собрание сочинений : в 30 т. Т. 14.
7. **Достоевский Ф. М.** Подросток // **Он же.** Полное собрание сочинений : в 30 т. Т. 13.
8. **Фрейд З.** «Я» и «Оно». Тбилиси: Мерани, 1991. Кн. 1.
9. **Гегель Г. В. Ф.** Философия права. М.: Мысль, 1990.
10. *The Age of Terror: America and the World after September 11* / S. Talbott, N. Chanda (eds). Oxford: Perseus Press, 2001.
11. *Controlling a New Migration World* / V. Guiraudon, Ch. Joppke (eds). L; N. Y.: Routledge, 2001.
12. Полис. 2003. № 6.
13. **Мережковский Д.** Больная Россия. Л.: Изд-во ЛГУ, 1991.
14. **Ницше Ф.** Человеческое, слишком человеческое // **Он же.** Сочинения : в 2 т. Т. 2.
15. Польшая и русская душа (от Адама Мицкевича и Александра Пушкина до Чеслава Милоша и Александра Солженицына) / сост. А. Лазари. Warszawa: Polski Instytut Spraw Międzynarodowych, 2004.
16. Независимая газета. 29.11.2004.
17. **Макбрайт А.** Образы Иисуса. Десять граней личности Христа. М.: ББИ, 2003.
18. **Harvey D.** *The New Imperialism*. Oxford; N. Y., 2003.
19. **Капустин Б. Г.** К понятию политического насилия // Полис. 2003. № 6.
20. *Governance in a Global Society — the Social Democratic Approach* [XXII Congress of Socialist International, São Paulo, 27—29 October 2003]. — www.socialistinternational.org/viewArticle.cfm?ArticlePageID=77 ◆

О новой правой альтернативе

© Гаджиев К. С.

© Gadzhiev K.

О новой правой альтернативе

On the New Right Alternative

Аннотация. В статье предпринята попытка дать анализ комплекса ценностей, идей и установок партий и движений новой правой ориентации, противопоставляемых позициям партий и движений, которые подрывают традиционные устои и институты европейской иудео-христианской цивилизации. Показано, что рост популярности и влияние новых правых во многих европейских странах и США являются одним из ответов на новые вызовы общественно-политической системе современного Запада.

Annotation. The article provides an analysis of a set of values, ideas and attitudes of parties and movements of the new right-wing orientation, which opposes the positions some of the parties and movements that undermine traditional values and institutions of the European Judeo-Christian civilization. It is shown that the growing popularity and influence of the New Right in many European countries and the United States is one of the answers to the new challenges to the socio-political system of the modern West.

Ключевые слова. Консерватизм, правый радикализм, новые правые, традиция, культура, ксенофобия, антисемитизм.

Key words. Conservative, right-wing radicalism, the New Right, tradition, culture, xenophobia, anti-Semitism.

Современный Запад переживает период глубинных трансформаций, выдвигающих на передний план новые вызовы и угрозы, которые требуют качественно новых реакций и ответов. Возможно, одним из таких альтернативных реакций и ответов выступает правый консерватизм в его новой версии. Во всяком случае, позиции некоторых неоправых движений и партий заслуживают не меньшего, а с точки зрения защиты основ иудео-христианской цивилизации даже большего внимания, чем ценности и установки, пропагандируемые отдельными движениями и социальными силами, по сути дела, подрывающими эти основы. Такая постановка тем более актуальна, если учесть, что их активность и влияние неуклонно растут как на национальном, так и глобальном уровнях.

В предлагаемой вниманию читателей статье предпринята попытка проанализировать идеи и проекты, выдвигаемые различными группировками, партиями, объединениями новых правых в западных странах.

ГАДЖИЕВ Камалудин Сераджудинович — главный научный сотрудник ИМЭМО РАН, профессор факультета политологии МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор исторических наук.

Разумеется, большинством населения этих стран в настоящий момент они воспринимаются в целом негативно. Однако исторический опыт свидетельствует, что те или иные идеи и проекты общественно-исторического развития, которые, казалось бы, совсем недавно на дух не принимались большинством населения, со временем становились вполне приемлемыми и даже одобряемыми растущим числом людей. Как известно, первоначальным толчком множества революций и гражданских войн, как правило, служили именно такие идеи.

* * *

Об обоснованности высказанного тезиса свидетельствуют тенденции к росту влияния и электоральной базы правых движений и партий в странах Запада в последние годы. Так, лидер партии Национальный фронт Франции Ж.-М. Ле Пен на президентских выборах 2002 года получил 16,9 процента голосов и, опередив действовавшего премьер-министра социалиста Л. Жоспена, вышел во второй тур [1]. Однако там он потерпел поражение от кандидата правоцентристских сил Ж. Ширака. Что касается его дочери М. Ле Пен, которая унаследовала руководство Национальным фронтом, то она довольно быстро стала одним из самых влиятельных политиков страны. К выборам в Европарламент в мае 2014 года ее рейтинг достиг 28 процентов против 25 процентов у бывшего президента Н. Саркози и 16 процентов у действующего президента Ф. Олланда [2].

Вслед за Национальным фронтом партии и движения неоправой ориентации стали приобретать растущие вес и влияние во многих других странах Европы. Речь идет, например, о Партии независимости Соединенного Королевства Великобритании, «Фламандском интересе» в Бельгии, партии «Йоббик» в Венгрии и др. Впечатляющих успехов правые добились в Нидерландах, где консервативный блок убитого 6 мая 2002 года П. Фортайна одержал победу в ряде ключевых регионов страны и сформировал вторую по численности депутатскую фракцию в национальном парламенте [3].

Довольно широкий резонанс во всей Европе вызвал успех ультраправой Партии свободы в Австрии: в 1999 году она набрала 27 процентов голосов и провела своих представителей в правительство страны. На парламентских выборах 2006 года ее кандидаты, выступившие за то, чтобы Австрия «свела иммиграцию к нулю», получили 11 процентов голосов избирателей. Другая радикальная партия — «Союз за будущее Австрии», возглавляемая бывшим лидером Партии свободы Й. Хайдером и выступившая со схожими лозунгами, — 4 процента голосов. Спустя два года на досрочных парламентских выборах Партия свободы, которая выступила с лозунгом «Австрия — для австрийцев», добилась еще более внушительных результатов — 18 процентов голосов избирателей, а «Союз за будущее Австрии» — 11 процентов. Таким образом, две ультраправые партии в сумме набрали порядка 29 процентов. В федеральной земле Каринтия ультраправым удалось заручиться поддержкой 53,5 процента избирателей. Еще более значительных успехов они добились осенью 2010 года на муниципальных выборах в Вене, на которых одна только Партия свободы набрала 27 процентов голосов [4].

Ультраправой Национал-демократической партии Германии, располагающей поддержкой максимум 1 процента голосов избирателей, не удастся преодолеть маргинальный статус на политической арене. Однако в феврале 2013 года в ФРГ была создана новая партия «Альтернатива для Германии», которая по целому ряду вопросов близка названным выше партиям, хотя формально и придерживается более умеренных позиций. На выборах в ландтаг земли Бранденбург, состоявшихся в сентябре 2014 года, она получила 12,2 процента голосов, в ландтаг Тюрингии — 10,6, в ландтаг Саксонии — 9,7 процента. Партия представлена также в Европарламенте [5]. Показательно и то, что в декабре 2013 года на федеральных парламентских выборах она набрала всего 0,3 процента голосов избирателей.

В апреле 2011 года на парламентских выборах в Финляндии националистическая партия «Настоящие финны», получив 19 процентов голосов, заняла третье место, тогда как на предыдущих выборах 2007 года ей досталось лишь 4,1 процента. В результате «Настоящие финны» обеспечили себе 39 мест из 200 в местном парламенте — эдускунте [6]. В целом в настоящее время праворадикальные партии располагают местами более чем в 15 национальных парламентах Европы.

Все более растущие вес и влияние правые приобретают и в Европарламенте. Весьма ощутимых успехов они добились на выборах его состава, состоявшихся в мае 2014 года. Так, упомянутый французский Национальный фронт получил 24,85 процента голосов, тогда как правящая Социалистическая партия, завоевав 13,98 процента, оказалась только на третьем месте, а крупнейшая оппозиционная партия Союз за народное движение с 17,90 процента голосов — на втором. Оценивая эти результаты, премьер-министр Франции М. Вальс назвал победу М. Ле Пен «политическим землетрясением».

Австрийская Партия свободы на этих выборах набрала 20,5 процента и удвоила свое представительство. Венгерский «Йоббик» получил порядка 15 процентов голосов при триумфе партии «Фидес» премьер-министра В. Орбана (51,49 процента). Победу праздновала также Народная партия Дании, которая получила 26,6 процента голосов, что оказалось вдвое больше, чем она набрала на национальных выборах 2011 года. Партия независимости Соединенного Королевства, выступающая за выход Великобритании из Европейского Союза, обеспечила себе поддержку 27 процентов избирателей, в то время как лейбористы, набрав 26 процентов голосов, заняли второе место. Правящая же Консервативная партия, получив всего 22 процента, оказалась лишь на третьем месте, а ее союзники по правительственной коалиции, либерал-демократы, с 9 процентами оказалась на пятом [7]. В настоящее время блок правых партий рассматривается многими аналитиками как угроза единству Евросоюза.

Заметно увеличилась группа независимых депутатов, среди которых также немало националистов, выступающих против Евросоюза. Такие националистические партии, как Датская народная партия, Словацкая национальная партия, Партия независимости Соединенного Королевства, «Истинные финны», итальянская Лига Севера и др., часть из которых выступает с сепаратистских позиций, входят в блок «Европа за свободу и демократию».

Демократическая партия Италии, набрав 40,8 процента голосов избирателей, стала одной из немногих правящих партий в Европе, которым в результате выборов в Европарламент удалось косвенно подтвердить свое право на управление страной. Победу на выборах удалось одержать также правящей в Испании Народной партии. В то же время самая крупная фракция консервативных партий, объединенных в Европейскую народную партию, потеряла более 50 кресел (число завоеванных мест — 212); социалисты лишились 10 мест (общее число завоеванных — 186); на третьем месте с большим отрывом идут либералы, которые получили 70 кресел, потеряв при этом 13 депутатских мест. В числе проигравших оказались также «зеленые» (минус два кресла) и группа консерваторов и реформистов (минус 14 кресел) [8]. Оценивая эти результаты, телеканал Deutsche Welle назвал их одним из проявлений политической катастрофы для Евросоюза [9].

Возможно, в подобных оценках присутствует элемент некоторого преувеличения. Тем не менее данные о результатах выборов нельзя и недооценивать, поскольку они свидетельствуют о все более отчетливо проявляющихся сдвигах в социокультурной, политико-культурной и идеологической сферах общественно-политической жизни Европы, Запада в целом. Их можно рассматривать как проявление поиска частью европейцев альтернативного пути развития. Этот путь противопоставляется либертаризации традиционной демократии, процессам усиления власти и влияния тех сил, которые, по сути дела, способствуют подрыву фундаментальных ценностей, традиций, институтов западной иудео-христианской рационалистической цивилизации.

* * *

Причины роста популярности и влияния идей и политических программ неоправых трудно понять без учета тех глубинных сдвигов, которые в условиях глобализации и информационно-телекоммуникационной революции произошли в менталитете и жизненных ориентациях растущей части населения западных стран. Главное состоит в том, что в основе новой правой идеологии лежит убеждение в наличии кризиса современной европейской цивилизации, самого образа жизни, базирующегося на иудео-христианской традиции, ценностях и идеях традиционного либерализма, консерватизма, социал-демократии, марксизма. Как утверждал, например, представитель французских неоправых П. Вьяль, буржуазное потребительское общество, в котором вся система ценностей строится на экономике, оставляет людей в состоянии духовной нищеты [10. Р. 15].

В правом консерватизме и новом правом движении реакция на кризис культуры, морали и религии, всего комплекса буржуазных ценностей нашла, пожалуй, наиболее законченное выражение. Вольно или невольно среди части населения западных стран происходит процесс мутации или аберрации ценностей и институтов, оставшихся священными для населяющих их народов на протяжении большей части писаной истории. Проявлениями этого процесса служит, в частности, все более расширяющееся распространение так называемых граждан-

ских браков, промискуитета, бой- и герл-френдизмов, разных вариаций нетрадиционной сексуальной ориентации и др. К феноменам этой же категории относятся тенденции к феминизации мужчин и, наоборот, маскулинизации женщин, причем не скрываемые, официально признаваемые, даже афишируемые и активно пропагандируемые. Они оказывают нарастающее влияние на важнейшие сферы жизни людей.

Подобные феномены и тенденции ведут к деформации исконно женских и мужских ролей в обществе. Об этом свидетельствует среди прочего развернутая кампания по изменению использовавшихся веками терминов и понятий на провозглашаемые более «политкорректными» аналоги. Так, в целом ряде стран в официальных документах словосочетание «муж и жена» заменяются «нейтральными» терминами вроде «партнеры», понятия «мать» и «отец» — на «родитель № 1» и «родитель № 2». В 2009 году в Европарламенте были запрещены обращения «мисс» и «миссис», так как, по утверждениям некоторых правозащитников, это может оскорбить достоинство женщин.

В основе новой правой идеологии лежит убеждение в наличии кризиса современной европейской цивилизации, самого образа жизни... Буржуазное потребительское общество, в котором вся система ценностей строится на экономике, оставляет людей в состоянии духовной нищеты.

Эти сдвиги затронули и вероисповедную сферу. Как известно, религиозная ортодоксия и культурный консерватизм часто идут рука об руку. Религия всегда служила источником традиционных ценностей. В конечном счете она тесно связана с культурной традицией как часть образа жизни в целом. Когда этот образ подвергается более или менее серьезной угрозе, его религиозные и моральные компоненты оказываются опорными пунктами защиты существующей системы и привычного стиля жизни. Однако на Западе в этой сфере наблюдаются прямо противоположные тенденции.

Вряд ли имеет смысл напоминать здесь о скандалах, связанных с разоблачениями фактов широкого распространения педофилии в католической церкви. Развернута приобретающая все более агрессивный характер кампания своеобразной формы богоборчества внутри самого христианства. Предлагается кардинальная ревизия или переоценка ряда ключевых постулатов Библии. К примеру, утверждается, что при трактовке догмата о Пресвятой Троице следует говорить не о Боге-Отце, а о Боге-Оно в среднем роде. Так, министр по делам семьи ФРГ К. Шредер в публикации в Spiegel Online призвала называть Всевышнего нейтральным в гендерном отношении именем, не отдавая приоритет

мужскому роду. В интервью еженедельнику Die Zeit она заявила, что распространенное в Германии выражение «Der liebe Gott», которое можно примерно перевести как «милостивый Боже», совсем не обязательно интерпретировать в мужском роде, и что такое обращение более корректно звучало бы: «милостивое Боже» [11].

Британское Движение за реформированный иудаизм в 2008 году выпустило новый молитвенник, в котором из формулировок молитв удалены любые определения, характеризующие Всевышнего как мужчину (например, «Царь» или «Отец»). Они заменены «нейтральными» выражениями типа «Вечно Сущее» [12]. Список примеров подобного рода можно было бы продолжать довольно долго, но и приведенных достаточно, чтобы осознать: предлагаемое их авторами понимание Бога означает ревизию целого ряда ключевых постулатов Библии. К примеру, в догмате о Пресвятой Троице говорится никак не о Боге-Оно, а о *Боге-Отце, Боге-Сыне* и Святом Духе. Или же, рассуждая о *непорочном зачатии и рождении Иисуса Христа*, было бы абсурдом предполагать, что он появился на свет от «родителя № 2», а не от Богородицы. Впрочем, для осведомленного в этих и множестве других связанных с ними вопросах, а тем более верующего человека и так очевидно, что подобные толкования нельзя назвать иначе, как попытками подкопа под саму идею Бога.

Создается впечатление, что Европа не просто далеко уходит от своих корней — она полностью от них отрывается. Конечно, такого рода доводы и рассуждения свидетельствуют лишь об определенной тенденции среди части населения западных стран. Но, как правило, при соответствующих условиях малый ручей может превратиться в бурный поток, и если названная тенденция одержит верх, то, возможно, речь пойдет о том, что христианство исчерпало себя и не способно служить в качестве основополагающей скрепы евроатлантической иудео-христианской цивилизации. В таком случае придется говорить о начавшемся процессе дехристианизации западного мира.

* * *

Именно в этом контексте следует рассматривать рост популярности идей, предложений, проектов общественно-политического переустройства, предлагаемых правыми консерваторами и частью новых правых. Отказ от традиционных ценностей и институтов рассматривается ими как главная причина всех негативных явлений и процессов в современном мире. В целом идейно-политические ориентации, установки и ценности новых правых сформировались на стыке правого радикализма, традиционалистского консерватизма и неоконсерватизма. Установки и ориентации современного консерватизма лишь выражены у них в более заостренной, порой доведенной до логического завершения форме.

Новые правые выступают в защиту таких традиционных ценностей и идеалов, как семья, община, церковь и другие институты. Так, в партийной программе бельгийской партии «Фламандский интерес» семья рассматривается как «фундамент здорового общества». Утверждается, что «семейный союз мужа, жены и детей является традиционным практически в каждом обществе... Государство должно продвигать идеи се-

мы и бороться с предрассудками, что семья — это уже не модно. Семья заслуживает защиты и поощрения» [13]. Аналогичных позиций придерживаются многие неоправые группировки других европейских стран.

К оценкам неоправых движений, партий, организаций как фашистских, нацистских или неонацистских, представляющих угрозу западной демократии, следует относиться с осторожностью. Понятие «правые радикалы» охватывает весьма значительный круг организаций, объединений, движений, придерживающихся широкого спектра идей и установок — от действительно неонацистских и антисемитских (типа Национал-демократической партии Германии) до более умеренных (типа Партии независимости Соединенного Королевства).

Одним из ключевых факторов создания Евросоюза служило стремление стран региона преодолеть национализм, приведший континент в XX веке к двум разрушительным мировым войнам. Речь, по сути дела, шла о нивелировании национальной идентичности в пользу европейской. Однако события и процессы, происходящие как на самом европейском континенте, так и в мире в целом, дают дополнительные аргументы в пользу тезиса, согласно которому глобализация и интеграция имеют своей оборотной стороной деконструкцию и фрагментацию, возрождение приверженностей локальным сообществам, этнизма, национализма, различных форм фундаментализма. Об этом свидетельствуют набирающие популярность и влияние националистические и сепаратистские движения, организации, партии, которые выступают против глобализма, универсализма и транснационализма.

Основатель французского Национального фронта Ж.-М. Ле Пен говорит: «Наш народ требует только одну политику государства — политику французов для французов. Люди больше не хотят быть ведомыми внешними силами, они связаны законами, которые не поддерживают, и подчиняются руководителям, за которых не голосовали» [7]. Аналогичные позиции занимают австрийская Партия свободы, Партия независимости Соединенного Королевства и др. «Альтернатива для Германии», в целом соглашаясь с сохранением Евросоюза, выступает за возврат части полномочий национальному правительству, а также за выход Германии из еврозоны, считая введение евро «исторической ошибкой, которую необходимо исправить».

Подобных взглядов придерживаются и сторонники ряда других партий в различных европейских странах. Например, Шотландская национальная партия, которая в сентябре 2014 года добилась проведения референдума об отделении Шотландии от Великобритании, но потерпела поражение из-за незначительного отставания от сторонников единства страны. Один из важнейших лозунгов партии «Фламандский интерес» в Бельгии — это «Фландрия — для фламандцев». Следуя этому лозунгу, она также выступает за выход из состава Бельгии и создание независимой Фландрии. С аналогичными требованиями выступают каталонцы и баски в Испании, движение «Северная лига» в Италии и др. Ряд правых партий, в частности французский Национальный фронт, выступили против концепции европейского гражданства.

Очевидно, что эти процессы и тенденции свидетельствуют о росте недовольства среди определенной части населения стран—членов Евросоюза решениями, принимаемыми еврочиновниками в Брюсселе без участия и согласия граждан этих стран. Не будет преувеличением утверждать, что поистине призрак бродит по Европе, призрак национализма, за которым уже не тенью, а реальностью следует призрак сепаратизма. Речь идет, по сути дела, о набирающих силу антисистемных тенденциях и процессах, подтачивающих евроинтеграцию. С некоторыми оговорками можно согласиться с аналитиками, по мнению которых эти тенденции и процессы при определенных условиях могут стать угрозой единству Евросоюза. Если они сохранятся, а тем более усилятся, результатом может стать в лучшем случае замедление, а то и остановка евроинтеграции.

* * *

Едва ли не главными объектами критики неоправых являются нелегальные мигранты и политика в сфере миграции, проводимая властями соответствующих стран. Свидетельства такой критики в обилии приводятся в отечественной и зарубежной научной и публицистической литературе, в СМИ, и нет смысла повторять их вновь. Важнее выяснить глубинную суть вопроса, которая состоит в том, что иммиграция затрагивает не только сугубо экономическую, но также демографическую, социокультурную, конфессиональную, политико-культурную и иные сферы общественной жизни, саму идентичность принимающих стран. Миграционные потоки меняют демографический облик Европы. Эта тенденция особенно отчетливо проявляется в крупных европейских городах. Достаточно напомнить, что в Бирмингеме и Манчестере иммигранты составляют около 10 процентов населения. Лондон, уже считающийся мусульманским интеллектуальным центром, в котором издается около 50 газет и журналов на арабском языке, в шутку называют «Бейрутом на Темзе».

В странах Евросоюза нашли политическое убежище представители разнородных исламских радикальных группировок и организаций, часть из которых открыто призывает «всячески помогать борцам за свободу в Кашмире, Чечне, Боснии». Активисты располагающейся в Лондоне Исламской ассоциации благотворительности ратуют за «возвращение к халифату».

В связи с этим обращают на себя внимание заявления глав государств и высших должностных лиц таких ведущих государств Европы, как Германия, Франция, Великобритания, о провале политики мультикультурализма. Суть ее состояла в признании возможности и необходимости совместного проживания в стране представителей разных этнических, расовых, культурных и языковых групп в едином национальном сообществе. Разработку и осуществление политики мультикультурализма следует рассматривать как признание неэффективности курса на ассимиляцию, направленного на гомогенизацию многонационального населения соответствующих стран в культурном, языковом, конфессиональном отношении.

В нынешних условиях усиливается тенденция к размыванию национальной идентичности. Происходит неуклонное изменение расового, этнонационального и конфессионального облика Запада, трансформация его социокультурных, политико-культурных, ценностных систем. Растут опасения людей перед лицом новых и чуждых для них стилей жизни, религиозных и культурных норм, поведенческих стереотипов и т. д. Все более настойчивыми становятся призывы «очнуться» и наконец-то задуматься о том, какими тяжелыми последствиями для общества может обернуться массовая иммиграция. Особенно показательной в связи с этим оказалась книга члена Социал-демократической партии, члена совета директоров Бундесбанка Т. Саррацина «Германия: самоликвидация», посвященная проблемам иммиграции и ее последствий для будущего страны и Европы в целом. Основная идея книги состоит в том, что из-за турецкой и арабской иммиграции ФРГ беднеет и теряет национальную идентичность и национальное самосознание. «Я не хочу, — писал Саррацин, — чтобы в стране моих предков и моих внуков ритм жизни задавали муэдзины, население говорило на турецком и арабском, а женщины носили хиджабы» [14. С. 14]. Эта книга стала бестселлером в Германии. В Испании появились аналогичного содержания работы под симптоматичными названиями: «Самоубийство Испании», «Темные часы Испании», «Что осталось от Испании», «Защита испанской нации» и т. п. В них предпринимаются попытки возложить на иммигрантов вину чуть ли не за все проблемы страны.

Очевидно, что для многих народов западного мира становится весьма трудно ответить на сакраментальный вопрос «Кто мы?». Новые реалии свидетельствуют о том, что перед белой частью человечества, которая господствовала над миром в течение по меньшей мере трех столетий, встала масса трудноразрешимых, если не сказать неразрешимых, проблем. При оценке складывающейся ситуации некоторые авторы с тревогой говорят о протекающем подспудном процессе демографической «ориентализации» мира или о поджидающем Запад «экзистенциальном кризисе». Член палаты лордов британского парламента, профессор Уорвикского университета Р. Скидельский рассуждает о «деградации», «вымирании» Запада, демографической мине замедленного действия, взрыв которой может повлечь непредсказуемые негативные последствия [15]. А американский публицист и политический деятель П. Бьюкенен даже предрекает Западу неминуемую смерть [16. С. 13].

Обострившиеся в связи с миграцией проблемы порождают разного рода конфликты. Они способны вызвать, с одной стороны, так называемую демографическую агрессию, а с другой — то, что некоторые авторы называют «оборонительным расизмом». На поверхность выплеснулась постепенно накапливавшаяся волна ксенофобии в отношении мигрантов, прежде всего из мусульманских стран. В Голландии Г. Вилдерс назвал Коран «фашистской книгой» и объявил войну «исламскому фашизму». Другой представитель правых политиков этой страны П. Фортейн публично провозгласил ислам самой опасной угрозой Европе. В США некий протестантский пастор объявил о намерении публично сжечь Коран, обеспечив себе тем самым всемирную известность. Примеров

такого рода множество. Одним из наиболее резонансных событий в этом ряду стал так называемый «карикатурный скандал», разразившийся в конце 2005-го — начале 2006 года в Дании, своего рода пиком которого явилась террористическая атака на издательство французского журнала Charlie Hebdo в январе 2014 года.

* * *

Рост влияния неоправых в значительной степени определяется и теми сдвигами, которые за последние десятилетия произошли в программных установках консервативных партий и идеологии консерватизма как одного из главных течений современной общественно-политической мысли.

Отказываясь от присущей традиционному консерватизму «антиидеологичности», его приверженцы устами одного из лидеров американского неоконсерватизма И. Кристола объявили, что «неидеологическая политика — это безоружная политика» [17. Р. 45]. Отныне ими поставлена задача идеологического перевооружения политической стратегии государства. Характеризуя положение дел в Великобритании, английский публицист Д. Уотсон писал: «Впервые со времен Дизраэли британский консерватизм охвачен идеологической лихорадкой» [18. Р. 46]. Идеологизация, или реидеологизация, консерватизма выражается в защите его представителями принципов свободных рыночных отношений, индивидуализма, свободной конкуренции, критике государственного вмешательства, «государства благосостояния», социальных реформ и т. д. При всем том в реальной политике неоконсерваторы признают невозможность демонтажа механизмов государственного регулирования и возврата к системе, всецело основанной на принципах свободного рынка.

Традиционно консерватизм отождествлялся с защитой статус-кво, существующих институтов, социальных структур, ценностей и т. д. Самое, казалось бы, парадоксальное в консервативном ренессансе, начало которому было положено еще в 1980-х годах, состоит в том, что его приверженцы ныне выступают инициаторами изменений. Лейтмотивом предвыборных платформ большинства консервативных партий стали именно обещания перемен. На выборах 1979 года М. Тэтчер, например, ратовала за полный пересмотр политики господства государства во всех сферах жизни людей. В программе, предложенной на выборах 1980 года, Р. Рейган подчеркивал необходимость положить «новое начало Америки». Словарь германских консерваторов изобилует такими понятиями, как «поворот», «перемена», «переоценка», «новая ориентация», «обновление» и т. д.

Выдвинут лозунг «консервативного обновления». Как утверждал немецкий исследователь Г.-К. Кальтенбруннер, «именно консерватор нашего времени знает, что не только многое изменилось, но и что многое нужно изменить» [19. S. 9]. Эта установка была принята на вооружение американскими неоконками, взявшими на себя задачу идеологического обоснования политики экспорта «демократической революции» по всему миру.

Таким образом, магистральное течение консерватизма, служащее идеологической или идейно-политической программой ведущих кон-

сервативных партий, лишилось одной из ключевых составляющих традиционного консерватизма, а именно — установки на охранительство, то есть на защиту статус-кво. В связи с этим нельзя не отметить тот факт, что часть консерваторов новой волны (например, тот же Г.-К. Кальтенбруннер, а также Г. Машке, Х. Люббе, А. Шван — в Германии; И. Кристол, С. Липсет, П. Мойнихен, Н. Подгорец и др. — в США) — это бывшие либералы, социал-демократы и даже троцкисты. Нельзя не отметить в некотором роде парадоксальную ситуацию: одно из ключевых течений либерализма сохранило свои ведущие позиции в общественно-политической мысли. Но либеральные партии либо исчезают с политической арены, либо отодвинуты на периферию, в то время как консервативные партии чувствуют себя пока что более или менее уверенно, хотя и остаются без консервативной идеологии в собственном смысле слова.

На этом фоне неоправые партии и движения претендуют на электоральное поле, традиционно занимаемое консерваторами. Немаловажное значение имеет тот факт, что в последние годы наблюдается тенденция к более или менее существенным изменениям идеологической составляющей программных принципов и установок новых правых. Если некоторые радикальные партии исповедуют открытый антисемитизм, то другие — во всяком случае на словах, подтверждаемых отдельными политическими действиями, — проявляют тенденцию к отказу от него.

М. Ле Пен, Г. Вилдерс, Ф. Девинтер, руководители итальянских новых правых и австрийской Партии свободы, немецкой Республиканской партии в той или иной форме поддерживают Израиль. Так, лидер партии Национальный фронт М. Ле Пен всячески позиционирует себя как политика, не приемлющего национал-социалистические идеи. Более того, возглавив партию своего отца Ж.-М. Ле Пена, она склонна дистанцироваться от наиболее радикальных, близких к нацизму элементов в движении и пытается отмежеваться от любых антисемитских проявлений. В Национальном фронте даже существует отдельная структура, объединяющая евреев—сторонников партии.

В программе «Фламандского интереса» лозунги «прямой демократии» сочетаются с лозунгом защиты прав человека и борьбы с дискриминацией. Показательно, что Датская народная партия, Словацкая национальная партия, Партия независимости Соединенного Королевства, «Истинные финны» и итальянская Лига Севера в Европейском парламенте входят в блок «Европа за свободу и демократию» и др.

Эти изменения способны придать неоправым движениям и партиям более респектабельный имидж, приемлемый для широкого круга избирателей, и обеспечить большую привлекательность и поддержку их социально-экономическим и политическим программам. Важно учитывать также тот факт, что национализм, которого придерживаются правые партии и движения, сам по себе нельзя рассматривать как критерий радикализма или экстремизма, хотя он может быть таковым, если используется как оправдание ксенофобии и ущемления прав тех или иных групп граждан или другого народа.

При оценке природы и возможных негативных последствий роста популярности идей, принципов, установок, выдвигаемых неоправыми,

разумеется, необходимо решительно отвергать неонацистские, ксенофобские, расистские, экстремистские идеи и требования различных группировок правых радикалов. Вместе с тем нельзя не признать и тот факт, что заслуга их (если так можно выразиться) более вменяемой части, действительно заинтересованной в поисках адекватных ответов на новые, прежде всего внутривосточные, вызовы состоит в защите традиционных ценностей и институтов. Как представляется, целый пласт ценностей, идей и позиций неоправых может служить противовесом наступлению разного рода новейших движений, которые, как уже отмечалось, подрывают базовые устои и институты всей европейской цивилизации.

Литература

1. **McGuire S.** The Fear Factor // Newsweek. 06.05. 2002. P. 18–22.
2. **Борзяков С.** Казус дейли // Взгляд. Деловая газета. 23.05.2014. — www.vz.ru/world/2014/5/23/688175.print.html
3. **Reed S.** 2002. Murder in the Netherlands // Business Week. European edition. 20.05.2002.
4. Австрия: «антиисламская» передовая Европы // Pravda.ru. 14.02. 2011. — www.pravda.ru/world/europe/european/14-02-2011/1065936-osterreich-0/
5. **Борзяков С.** Против евро и санкций // Взгляд. Деловая газета. 17.09.2014. — <http://vz.ru/world/2014/9/17/705899.html>
6. **Кошман А.** «Настоящие финны» укрепились в парламенте // Утро.ru. 18.04.2011. — www.utro.ru/articles/2011/04/18/969688.shtml
7. **Борзяков С.** За тех, кто против // Взгляд. Деловая газета. 26.05.2014. — <http://vz.ru/world/2014/5/26/688584.html>
8. Олланд не изменит политику после победы крайне правых на выборах в ЕП // РИА «Новости». 26.05.2014. — <http://ria.ru/world/20140526/1009483172.html>
9. DW: 2014 год ознаменовался политической катастрофой в Евросоюзе // РИА «Новости». 27.12.2014. — <http://ria.ru/world/20141227/1040442783.html>
10. **Vial P.** Pour une renaissance culturelle. P.: Copernic, 1979.
11. Госпожа министр из Германии задумалась над тем, какого рода Бог. — www.newsru.com/religy/21dec2012/kristina_schroeder.html
12. У англичан попытались выяснить, какого пола Всевышний. — www.newsru.com/arch/religy/20may2008/neutrum.html
13. **Иванова Е. В.** Формирование крайне правого движения в Бельгии на примере партии «Влаамс Беланг» // Политэксп. 2008. № 1. — www.politex.info/content/view/407/30/
14. **Саррацин Т.** Германия: самоликвидация. М., 2012.
15. **Скидельский Р.** Умирание Европы // Ведомости. 05.02.2004.
16. **Бьюкенен П. Дж.** Смерть Запада. М., 2003.
17. Commentary. 1984. February.
18. **Watson G.** The Idea of liberalism. Studies for a new map of politics. L., 1984.
19. **Kaltenbrunner G.-K.** Der Schwierige Konservatismus. Berlin, 1975. ◆

Классовый аспект национального самосознания

От аббата Сийеса до Иосифа Сталина

© Сургуладзе В. Ш.

© Surguladze V.

Классовый аспект национального самосознания. От аббата Сийеса до Иосифа Сталина

Class Aspect of National Consciousness. From abbot Sieyès to Joseph Stalin

Аннотация. В статье анализируется процесс формирования классового понимания нации, пришедшего на смену легитимистской идентичности, характерной для эпохи Старого порядка. Прослеживается эволюция представлений о классовом содержании национального самосознания. Делается вывод о том, что концепции нации, разработанные теоретиками марксизма, имеют особую актуальность для многонациональных государств.

Annotation. The author analyzes formation process of the class-based understanding of a nation that replaced identity characteristics of the feudal relations era. The concept of a nation, developed by Marxists theorists, is particularly relevant for multinational States.

Ключевые слова. Сталин, аббат Сийес, национальное самосознание, нация, классовая солидарность, интернационализм, советский народ, «третье сословие», идентичность, идеология.

Key words. Stalin, abbot Sieyès, national consciousness, nation, class solidarity, internationalism, Soviet people, third estate, identity, ideology.

Временем формирования наций справедливо считают период развития капиталистических отношений, промышленных способов производства, отмирания институтов Старого порядка и значения дворянства и духовенства в жизни общества, вытесненных представителями третьего сословия, буржуазии. В самых резких чертах классовая теория нации проявилась накануне и в течение Великой французской революции, одной из самых заметных сторон которой был рост национального самосознания.

Аббат Сийес: нация как третье сословие

Французское общество накануне революции волновали вопросы представительства буржуазии в Генеральных штатах. Необходимо было либо созвать Генеральные штаты, либо создать Учредительное собрание и выработать конституционные нормы, которые способствовали бы выражению интересов третьего сословия, права которого повсеместно

ущемлялись представителями духовенства, дворянства и военной аристократии.

Последнее заседание Генеральных штатов состоялось в 1614 году, в результате чего приходилось практически заново воссоздавать указанный институт. С этой целью 5 июля 1788 года Людовик XVI издал указ, приглашавший каждого, кто знает, как функционируют Генеральные штаты, сообщить всю известную информацию Хранителю печати [2. С. 38].

Одним из самых ярких выражений комплекса волновавших французское общество проблем стала увидевшая свет в начале 1789 года брошюра Эммануэля Жозефа Сийеса «Что такое третье сословие?». В брошюре рассматривались три основных вопроса, на которые давались категоричные ответы:

1. Что такое третье сословие? — Все.
2. Чем оно было до сих пор в политическом отношении? — Ничем.
3. Чем оно желает быть? — Чем-нибудь [1. С. 155].

Мысли, изложенные Сийесом, не были откровением и излагались в многочисленном потоке публицистики того времени. Но именно Сийес стал самым известным выразителем этих мыслей — благодаря четкости, ясности и афористичности своего едкого, больно разящего стиля и той роли, которую он сыграл в ходе Великой французской революции.

19 мая 1789 года Парижское собрание третьего сословия выбрало Сийеса своим последним (двенадцатым) делегатом в Генеральные штаты. Впоследствии именно это собрание и получило название *Национального собрания*. В разные годы аббат занимал целый ряд государственных должностей. Он был французским послом в Берлине, активно занимался внешней политикой республики, являлся одним из пяти членов верховного органа исполнительной власти Франции — Директории. После переворота 18—19 брюмера (9—10 ноября 1799 года) и лишения власти Директории Сийес вошел в новое временное правительство во главе с Наполеоном Бонапартом (Первый консул), став одним из трех консулов. Роль Сийеса в свержении Директории отразилась в народном куплете:

Сийес для Бонапарта подарок сделал: трон,
Республике устроив день пышных похорон;
А Бонапарт Сийесу именье Крона дал,
Чем оплатил и место указал.

В 1799 году сенат избрал Сийеса своим первым президентом.

Сийес рассматривал нацию с точки зрения классовой структуры общества и того вклада, который каждый из этих классов вносит на благо государства. Он разделил общественно полезный труд на четыре категории: сельское хозяйство, производство и обрабатывающая промышленность, сфера торговли, сфера услуг. Все эти виды полезной деятельности, по его мнению, выполняет третье сословие, которому противостоит привилегированный слой людей, занимающих административные, военные, церковные и судебные должности и обладающих всей полнотой власти в государстве. Хотя именно третье сословие делает «девятнадцать

двадцатых» всей общественно полезной деятельности «с той лишь особенностью, что на него возложено все, что есть в ней самого трудного и от чего отказывается привилегированное сословие» [1. С. 157].

По Сийесу, только третье сословие — граждане, не запятанные никакой привилегией, — целая нация. Только третье сословие включает в себя все необходимое для образования нации. Знать же «вовсе не входит в состав общественной организации» и может быть только бременем для нации: «нельзя найти места для касты знатных среди составных частей нации» [1. С. 156, 168, 159, 176].

Провозглашая классовый подход к пониманию нации, Сийес оговаривал и юридический аспект. Нация — «общество людей, живущих под *общим* законом и представленных одним *законодательным* учреждением». «Только общее право и общее представительство составляет *одну* нацию» [1. С. 160, 162]. Имеющие же привилегии не подчиняются тем же законам, которым подчиняется большинство, а значит, не имеют права считаться членами нации.

Идеология создания нации

Выступая идеологом единства французской нации, аббат предлагал в своих законодательных проектах ряд мер по укреплению национального самосознания французов, стимулированию преданности родине, патриотизма граждан. Достигнуть этого следовало посредством учреждения системы праздников, всеобщей военной подготовки, введения системы общего образования, укрепления традиций как важного элемента в деле поддержания национальной гордости. «*Каждый гражданин, — писал аббат, — есть солдат, и там, где общество хорошо организовано, армия в запасе есть просто отряд великой национальной армии*» [2. С. 90].

Образование французской Национальной гвардии было одним из шагов на этом пути. В своем проекте школьного образования Сийес пытался ввести программу военной подготовки молодежи, занятий для мальчиков под руководством офицеров Национальной гвардии. Укреплению нации должно было содействовать и создание независимой от Рима национальной французской католической церкви, деятельность которой отвечала бы нуждам Франции. В целях моральной консолидации общества необходимо было также вывести из области ведения церкви вопросы образования.

Усиление единства Франции было одной из главных целей политики Сийеса. Именно его авторству принадлежит территориально-административное объединение страны, сохранившееся по сей день деление Франции на департаменты и образование унитарного французского государства.

До революции территориально-административная система королевства была чрезвычайно запутана. Францию раздирали конфликты между отдельными политическими и территориальными образованиями — избирательными участками, административными округами, общинами,

епархиями и арендаторствами. В некоторых областях были ярко выражены сепаратистские настроения: «Суверенное графство Булонь хранило верность лишь самому королю; в Эльзасе и Лотарингии деревня за деревней втягивались в череду бесконечных переходов от Франции к Империи¹ и обратно; Прованс жил сепаратизмом: многие его жители считали себя отдельной “нацией”; Наварра была связана с Францией очень слабыми узами; многие города провозглашали частичную независимость» [2. С. 94]. Национальное собрание упразднило все местные привилегии, разделив страну на департаменты, округа и кантоны. Принятые меры были призваны содействовать уничтожению всех местных различий и образованию единой общности, однородной и компактной французской нации.

Если до Революции во Франции можно было встретить упоминание о *нациях* Франции (так же, как в Испании говорили о *нациях* Испании) — то есть об отдельных общинах, местных общностях, ассоциировавших себя с родной областью, провинцией, регионом, то теперь силы руководителей общества были брошены на консолидацию единой Франции и единой французской нации. «Повторяю: успокойтесь, — писал аббат, убеждая граждан в необходимости унитарных реформ. — “Да, но я же перестану быть бретонцем или провансальцем?” — “Нет, ты всегда будешь бретонцем, всегда провансальцем, но ты вместе с нами вскоре поздравитишь себя с обретением статуса гражданина; скоро мы все станем носить имя французов и сможем прославить себя, потому что именно в наших населенных пунктах, а не в театре, это название будет означать свободного человека”» [2. С. 96]. Единая система школьного образования, армия независимых от церкви государственных служащих-учителей и единые учебники, продуманная система национальных праздников и мемориальных дней, распространение национальной культуры — все это было призвано стимулировать в людях чувство принадлежности к великой национальной семье, приучить их к мысли о Франции как отечестве и родине.

Работы Сийеса представляют собой всестороннюю программу идеологического воспитания народных масс, идеологию созидания нации. И хотя только малая часть из задуманного аббатом была претворена в жизнь, его произведения хранят на себе отпечаток основного направления общественной жизни революционной Франции и иллюстрируют французский опыт образования национального государства, который на целое столетие стал образцом для других народов и общностей, объединявшихся в новые национальные государства.

Идеи Сийеса иллюстрируют справедливость развитого марксистами взгляда на формирование наций как на следствие захвата власти буржуазией и развития капиталистических отношений, сменивших Старый порядок с представлявшими его интересы сословиями духовенства и дворянства. Только после утраты духовенством и аристократией доминирующего влияния в обществе и выдвижения на первый план пред-

¹ Имеется в виду Священная Римская империя германской нации.

ставителей буржуазии, после постепенного расширения гражданских прав, исчезновения содействовавшего сохранению позиций буржуазии имущественного ценза как показателя заинтересованности гражданина в общественной жизни (предполагалось, что так как имущим есть что терять, то именно они в первую очередь должны иметь право голоса и заинтересованы в осуществлении политических прав) возникло «четвертое» сословие рабочих, которое постепенно обрело собственную социальную идентичность.

Легитимистское самосознание, характерное для эпохи Старого порядка, сменялось во Франции на самосознание национальное, буржуазное, гражданское. Во всяком случае, именно третье сословие — граждане, новый класс состоятельных людей, буржуа — вытеснило в идеологической сфере представителей церкви и дворянства и повело Францию за собой.

Идеи гражданского, национального самосознания, выдвинутые Французской революцией, и последовавшая затем внешняя политика революционной Франции стали важным фактором развития национализма в Европе. Французская республика бросила вызов абсолютистской Европе, а сменившая республику Империя Наполеона ускоряла разложение старых, основанных на легитимизме социально-политических воззрений и институтов.

Идеи гражданского, национального самосознания, выдвинутые Французской революцией, и последовавшая затем внешняя политика революционной Франции стали важным фактором развития национализма в Европе. Французская республика бросила вызов абсолютистской Европе, а сменившая республику Империя Наполеона продолжила оказывать на европейские народы то же влияние — ускоряла разложение старых, основанных на легитимизме социально-политических воззрений и институтов. Революционная и постреволюционная Франция оказала огромное воздействие на ускорение процесса формирования национальных государств и изживания легитимистских подходов к формулированию национальной принадлежности.

Наполеоновские войны, отгремев, не только сломали или поколебали основания множества дряхлых сословно-монархических институтов стран Европы, но и дали почувствовать населению этих стран, что такое национальное, а не сословное самосознание. Во всех социально-эконо-

мически отсталых странах, по которым прошли наполеоновские *солдаты-граждане*, стали появляться признаки движения против помещиков. Зависевшие от феодальных пережитков *солдаты-крепостные* начинали ясно понимать, что лояльность суверену — не лучшая форма социальной организации. Солдаты Наполеона явились наглядной демонстрацией того, что монархическим режимам есть альтернатива, что можно быть не *подданным*, а *гражданином*. В результате наполеоновских войн отмена крепостной зависимости произошла в Померании, Варшавском герцогстве, Пруссии, Баварии, Вюртенберге, Ганновере, Саксонии и других государствах.

Пробуждавшаяся буржуазия желала переосмысления политических форм и содержания национальной политики. Нарождавшийся мир капиталистического производства не желал кормить отживающие институты монархий с основанными на представлениях о легитимности ценностями, системой взглядов и лояльностей.

Во многих отношениях объединенные монархии Европы вели войну с Наполеоном именно как с выразителем потребностей наступавшей новой исторической эпохи, в которой не должно было быть места Старому порядку с его принципами и понятиями, не должно было быть места прежним тронам и алтарям. В Наполеоне видели *буржуазного* монарха. Он задавил Французскую революцию; но, даже став императором, воплощал в себе тенденции новых социальных сил и отношений. Примечательно, что хотя Наполеон пытался всеми силами влиться в семью легитимных монархий, предав забвению гражданский дух, вызванный к жизни Французской революцией, но ему это не удалось. Поднявшись на революционной волне крепнущего самосознания третьего сословия, он пытался встроиться в легитимистскую систему международных отношений, которая, уходя в прошлое, все еще твердо держалась, не принимая в свои ряды монарха, вышедшего из революции. И хотя после наполеоновских войн восторжествовала монархическая реакция, в сфере идей и представлений произошел значительный перелом, которому предстояло вылиться в национально-освободительные движения на путях национального самосознания, а не легитимистской лояльности.

Социальная нормализация, выравнивание социальных прав и положения различных слоев населения во Франции и других европейских странах стали зримыми признаками образования гражданского общества и наций как общностей людей, консолидация которых основывается на значительно видоизмененной, гражданской национальной, а не вассальной и религиозной идентичности.

Марксистская концепция интернационализма

Отдельной вехой в понимании нации выступает теория пролетарского интернационализма, основанная на марксистском видении путей развития общества. В России и других странах, избравших для себя социалистический путь развития по советскому образцу, основным теоретиком такого подхода к нации выступал И. В. Сталин.

Поскольку определение нации осложняется значительной субъективностью при подходах к ее рассмотрению, обусловленной исходными мотивами выявления ее особенностей, в случае с трактовкой нации Лениным и Сталиным на первый план выступало марксистское представление о пролетарском интернационализме, выдвигались факторы, которые содействовали укреплению интернациональной, наднациональной, классовой идентичности граждан советского государства.

Принцип интернационального сплочения рабочих рассматривался как необходимый пункт в решении национального вопроса. «Для марксизма национальный вопрос был неудобным. Хотя классики социалистической теории не раз выступали против национального угнетения и в поддержку национально-освободительного движения в различных странах, они исходили из того, что у пролетариата нет родины. Национальный фактор считался архаичной обузой, который лишь мешал сплочению мирового пролетариата, пониманию пролетариями всех стран общности своих классовых интересов и примата этих интересов над их национальной природой» [3. С. 226].

Большевики постоянно подчеркивали угнетение нерусских национальностей Российской империи, повсеместно провозглашали право наций на самоопределение, но при этом старались всеми силами воспрепятствовать такому ходу событий — сохранить Российское государство в прежних границах, осуждая национальный шовинизм как сравнительно малочисленных народов России, так и самого русского народа.

Шесть основных характеристик нации в работах И. В. Сталина

До сих пор классическим определением нации в российской научной традиции выступает то, которое было сформулировано И. В. Сталиным в работе «Марксизм и национальный вопрос», впервые опубликованной в журнале «Просвещение» в марте — мае 1913 года: «Нация есть исторически сложившаяся устойчивая общность людей, возникшая на базе общности языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности культуры» [4. С. 296].

Ленина интересовал опыт Сталина по работе в многонациональном Бакинском комитете РСДРП и многонациональной рабочей среде. В своем письме Горькому о Сталине Ленин «вспоминал прежде всего о том, как на “Кавказе с.-д. грузины + армяне + татары + русские работали вместе в единой с.-д. организации больше десяти лет”» [3. С. 225—226]. Поскольку революция 1905—1907 годов показала, что национальный вопрос в России имеет огромное значение, Ленин предложил Сталину написать теоретическую статью на эту тему. Работа получила высокую оценку. Впоследствии, на II съезде Советов, Сталин был избран членом ВЦИК и утвержден народным комиссаром по делам национальностей РСФСР (с 26 октября 1917-го по июль 1923 года).

Данное Сталиным определение в той или иной форме представлено в большинстве издававшихся в СССР и публикуемых в современной

России справочных изданиях. Однако после разоблачения культа личности ссылаться на автора этого определения стало не принято. Между тем сталинское рассмотрение национального вопроса представляет интерес и в наши дни, так как исходит из необходимости гармоничного сосуществования полиэтнического общества и предлагает обоснования каждого выдвигаемого в качестве определяющего нацию фактора.

Сталин выделил шесть основных характеристик нации:

1. Нация — не расовая и не племенная, а *исторически сложившаяся общность людей*. «Итальянская нация образовалась из римлян, германцев, этрусков, греков, арабов и т. д. Французская нация сложилась из галлов, римлян, бриттов, германцев и т. д. То же самое нужно сказать об англичанах, немцах и прочих, сложившихся в нации из людей различных рас и племен» [4. С. 293].

2. Нация — не случайный и не эфемерный конгломерат, а *устойчивая общность людей*. «Великие государства Кира или Александра не могли быть названы нациями, хотя и образовались они исторически, из разных племен и рас. Это были не нации, а случайные и мало связанные конгломераты групп, распадавшиеся и объединявшиеся в зависимости от успехов или поражений того или иного завоевателя» [4. С. 293].

3. Национальная общность отличается от общности государственной наличием *общего языка*. Так, чешская нация в составе Австро-Венгрии и польская в составе России были бы невозможны без общего для каждой из них языка, между тем целостности Российской и Австро-Венгерской империй не мешало существование внутри них кроме официально-канцелярских государственных языков целого ряда народно-разговорных языков. Однако наличие языкового фактора не означает, что различные нации всегда и всюду говорят на разных языках, а все, говорящие на одном и том же языке, обязательно составляют одну нацию. Например, англичане и жители Соединенных Штатов Америки говорят на одном языке, но не составляют одной нации, так как не проживают на одной территории.

4. Образование нации невозможно без *общности территории*. «Нация складывается только в результате длительных и регулярных общений, в результате совместной жизни людей из поколения в поколение. А длительная совместная жизнь невозможна без общей территории» [4. С. 293]. Выселившиеся в Америку англичане образовали новую американскую нацию. Но одной общности территории недостаточно для образования нации.

5. Нужна внутренняя экономическая связь, *общность экономической жизни*, объединяющая отдельные части нации в одно целое. «Грузины дореформенных времен жили на общей территории и говорили на одном языке, тем не менее они не составляли, строго говоря, одной нации, ибо они, разбитые на целый ряд оторванных друг от друга княжеств, не могли жить общей экономической жизнью, веками вели между собой войны и разоряли друг друга, натравливая друг на друга персов и турок. Эфемерное и случайное объединение княжеств, которое иногда удавалось провести какому-нибудь удачнику-царю, в лучшем случае за-

хватывало лишь поверхностно-административную сферу, быстро развиваясь о капризы князей и равнодушные крестьян... Иначе и не могло быть при экономической раздробленности Грузии... Грузия как нация появилась лишь во второй половине XIX века, когда падение крепостничества и рост экономической жизни страны, развитие путей сообщения и возникновение капитализма установили разделение труда между областями Грузии, вконец расшатали хозяйственную замкнутость княжеств и связали их в одно целое» [4. С. 295].

6. *Общность психического склада* людей, «национального характера».

«Нации отличаются друг от друга не только по условиям их жизни, но и по духовному облику, выражающемуся в особенностях национальной культуры. Если говорящие на одном языке Англия, Северная Америка и Ирландия составляют, тем не менее, три различных нации, то в этом не малую роль играет тот своеобразный психический склад, который выработался у них из поколения в поколение в результате неодинаковых условий существования... Сам по себе... “национальный характер”, является для наблюдателя чем-то неуловимым, но поскольку он выражается в своеобразии культуры, общей нации, — он уловим и не может быть игнорирован» [4. С. 295]. Национальный характер меняется вместе с обществом и проявляется в культуре, общность которой выступает одной из характерных черт нации.

Сталинская концепция нации предполагает, что отсутствие хотя бы одного из этих признаков достаточно, чтобы нация перестала быть нацией: «Только наличие всех признаков, взятых вместе, дает... нацию», и «не существует никакого единственно отличительного признака нации. Существует только сумма признаков, из которых при сопоставлении наций выделяется более рельефно то один признак (национальный характер), то другой (язык), то третий (территория, экономические условия)» [4. С. 297, 301].

Экономический детерминизм марксистских подходов к рассмотрению нации

Достаточно обоснованное и рациональное сталинское выделение признаков нации (хотя и с интернационалистических позиций) далеко не исчерпывает всей сложности национального вопроса и, как представляется, во многом носит слишком жесткий характер. Так, общность исторических судеб и языка на протяжении веков была неприменима к евреям, и тем не менее, несмотря на различие в языках и многовековое отсутствие общности исторической судьбы в рамках одной определенной территории, этот народ не утратил ясно выраженного национального самосознания. Однако и наличие общности экономической жизни не всегда выступает необходимой предпосылкой возникновения нации. Например, к моменту объединения Италии эта страна была экономически разобщена. Судя по результатам исследований современных итальянских историков, можно утверждать, что в середине XIX века «отсутствовали сколько-нибудь значительные экономические предпосылки

политического единства страны. В 1855 г. внутриитальянская торговля составляла только 20% всего торгового оборота государств полуострова. Более 85% вывоза и ввоза Неаполитанского королевства и 90% вывоза из Ломбардии приходилось на Францию, Англию, Австрию, Голландию. Сходный характер носила торговля Папского государства и Тосканского герцогства... С точки зрения торговых связей в это время не существовало «итальянской» экономики... Национальное движение не было порождено интересами уже созревших экономических сил, требовавших политических преобразований; напротив, государственное объединение Италии, являвшееся результатом этого движения, создало необходимые условия для формирования национального рынка» [5. С. 391].

Предложенный Сталиным полифакторный и отрицающий этнический компонент подход к рассмотрению нации позволял сохранить многонациональное государство и, по сути, решал те же задачи, которые стояли перед правительством России до революции и перед РСФСР и СССР после нее.

В 1929 году Сталин вернулся к марксистской теории нации в работе «Национальный вопрос и ленинизм», в которой в качестве основных признаков нации отмечались: общность языка, общность территории, общность экономической жизни и общность психического склада [6. С. 333]. Отмечая многообразие наций и разнообразие исторических обстоятельств, содействующих их возникновению, он разделил *буржуазные* и *социалистические* нации: «Есть нации, развившиеся в эпоху поднимающегося капитализма, когда буржуазия, разрушая феодализм и феодальную раздробленность, собирала нацию воедино и цементировала ее. Это — так называемые «современные нации»» [6. С. 335—336].

Исходя из первостепенного значения, отводимого марксизмом в развитии общества экономике, Сталин, как и Ленин, считал, что нации не могли возникнуть и существовать до капитализма вследствие того, что «страны были раздроблены на отдельные самостоятельные княжества, которые не только не были связаны друг с другом национальными узами, но решительно отрицали необходимость таких уз». В отсутствие национальных рынков и культурных национальных центров не было факторов, которые «ликвидируют хозяйственную раздробленность данного народа и стягивают разобщенные доселе части этого народа в одно национальное целое» [6. С. 336].

Язык, территория, культурная общность докапиталистического периода развития общества составляли лишь предпосылки возможного образования нации в будущем, в период развития капитализма с его национальными рынками и экономическими и культурными центрами. Следуя марксистско-ленинским путем экономического детерминизма, создание национальных связей Сталин рассматривал как создание связей буржуазных. Порожденные капитализмом буржуазные нации, по его мнению, оказались слиты с империализмом, стали пытаться расширить границы своих государств за счет других наций.

Теория нации русских марксистов предполагала, что в мире буржуазных наций невозможно покончить с войной, но с падением ка-

питализма буржуазным нациям наступит конец. Буржуазным нациям противопоставлялись другие нации — «новые советские нации, развившиеся и оформившиеся на базе старых, буржуазных наций после свержения капитализма в России, после ликвидации буржуазии и ее националистических партий, после утверждения Советского строя». Предполагалось, что социалистические нации, в противоположность нациям буржуазным, чужды национализму и империализму, утверждают дружбу между народами и принципы интернационализма. «Эти новые нации, — писал Сталин, — возникли и развились на базе старых, буржуазных наций в результате ликвидации капитализма, — путем коренного их преобразования в духе социализма» [6. С. 339].

Марксистская теория нации исходила из экономического детерминизма и пренебрегала детерминизмом культурным. Нации без капитализма казались Сталину невыносимыми. Жизнеспособность же «социалистических наций» должна была обеспечиваться отсутствием в них классовых противоречий, «разъедающих буржуазные нации». Сталин писал, что в стране диктатуры пролетариата «возрожденные нации являются уже не старыми, буржуазными нациями, руководимыми буржуазией, а новыми, социалистическими нациями, возникшими на развалинах старых наций и руководимыми интернационалистической партией трудящихся масс» [6. С. 353].

По большому счету сталинский подход к рассмотрению вопроса о формировании наций был прагматичен и основывался на фактическом положении вещей. Однако на основании рационально и фактически обоснованных выводов делались далеко идущие предположения, долгосрочные прогнозы на будущее. Предполагалось, что нации отомрут, ставка делалась на интернационализм и классовую солидарность в мировом масштабе. Система стройных аргументов привязывалась к сомнительным футурологическим предположениям.

Беседа в 1931 году с немецким писателем Эмилем Людвигом, Сталин сказал: «Задача, которой я посвящаю свою жизнь, состоит в возвышении... рабочего класса. Задачей этой является не укрепление какого-либо “национального” государства, а укрепление государства социалистического, а значит — интернационального, причем всякое укрепление этого государства содействует укреплению всего международного рабочего класса» [7. С. 105].

Если советские теоретики пытались развить самосознание общества на началах интернационализма с надеждой на то, что в будущем возникнет новая историческая общность людей — советский народ, а на смену национальной гордости придет «более широкое чувство общенациональной, общесоветской гордости советского человека» [8. С. 212], то русская интеллигенция конца XIX — начала XX века «обесцвечивала» себя в «российскую» [9. С. 221]. И в том и в другом случае попытки обоснования обширной надэтнической национальной общности в конечном итоге обуславливались стремлением сохранить единую и неделимую многонациональную Россию.

Уходящие корнями в работу Сийеса концепции нации, разрабатывавшиеся теоретиками марксизма, имеют особую актуальность для многонациональных государств, позволяют нивелировать противоречия в межнациональных отношениях, делать акцент на деятельностном содержании нации. Такой подход предполагает, что совместный труд, общегосударственные масштабные модернизационные проекты сплачивают членов общества и помогают им чувствовать себя частью единой общности, вне зависимости от этнического происхождения.

Литература

1. **Аббат Сийес.** От Бурбонов к Бонапарту. СПб.: Алетейя, 2003.
2. **Ван Дейсен Г. Дж.** Сийес: его жизнь и его национализм // **Аббат Сийес.** От Бурбонов к Бонапарту.
3. **Емельянов Ю. В.** Сталин: Путь к власти. М.: Вече, 2003.
4. **Сталин И. В.** Марксизм и национальный вопрос // **Он же.** Сочинения. М.: Государственное издательство политической литературы, 1954. Т. 2.
5. **Бондарчук В. С.** Национальная мысль и национальное сознание в Италии // Национальная идея в Западной Европе в Новое время. Очерки истории. М.: Зерцало-М : Вече, 2005.
6. **Сталин И. В.** Национальный вопрос и ленинизм // **Он же.** Сочинения. М.: Государственное издательство политической литературы, 1949. Т. 11.
7. **Сталин И. В.** Беседа с немецким писателем Эмилем Людвигом 13 декабря 1931 г. // **Он же.** Сочинения. М.: Государственное издательство политической литературы, 1951. Т. 13.
8. Национальная гордость // Краткий политический словарь. М.: Политиздат, 1983.
9. **Струве П. Б.** Интеллигенция и национальное лицо // Нация и империя в русской мысли начала XX века. М.: Скимень : Пренса, 2004. ◆

Грядущее рентное общество

© Давыдов Д. А., Фишман Л. Г.

© Davydov D., Fishman L.

Грядущее рентное общество

The future rental society

Аннотация. В статье рассматриваются перспективы современного капиталистического общества. Обосновывается гипотеза о том, что современный капитализм постепенно вырождается в рентное общество, в котором отмирают предпринимательский дух и трудолюбие. Предполагается, что рентное общество может быть как устойчивой формацией, так и переходной стадией от капитализма к новым формам социализма.

Annotation. The article discusses the prospects of modern capitalist society. The authors hypothesize that modern capitalism degenerates into rent society in which entrepreneurial spirit and culture of hard work wither away. It is expected that rent society can be both stable formation and a transitional stage between capitalism and new forms of socialism.

Ключевые слова. Капитализм, рентное общество, прекариат, социализм.

Key words. Capitalism, rent society, precariat, socialism.

Ряд ученых предсказывает закат капитализма в исторически обозримом будущем или же появление у него таких проблем, которые повлекут за собой его значительную трансформацию. Это означает, разумеется, и трансформацию социальных институтов и практик. Но как будут протекать эти закат или трансформация — отдельный вопрос. Они осложнены рядом факторов, включающих в себя глобализацию, «текучесть» капитала, рост нового класса прекариата, нарастающую проблему технологического замещения труда и т. д.

Здравый смысл, на который мы можем опереться при первичной постановке вопроса, подсказывает, что приемы решения указанных проблем первоначально окажутся скорее привычными, нежели наоборот и, по крайней мере, будут осуществляться в рамках имеющихся социальных институтов и практик. Основным инструментом решения проблем

ДАВЫДОВ Дмитрий Александрович — младший научный сотрудник Института философии и права УрО РАН (г. Екатеринбург).

ФИШМАН Леонид Гершевич — ведущий научный сотрудник Института философии и права УрО РАН (г. Екатеринбург), доктор политических наук.

Статья подготовлена при поддержке гранта РГНФ №15-03-00124 «Возвышение и кризис демократии в рентной перспективе (2015—2016 годы)».

«лишних» и выброшенных на периферию жизни людей останется (социальное) государство. Какие именно аспекты государства выступают на первый план в наши дни, когда требуется решение проблем «лишних людей», которых надо содержать и которые имеют возможности отстаивать свое право на содержание? Нам представляется, что главным среди них будет функция государства как системы институтов и практик распределения ренты в виде разного рода гарантированных экономических возможностей и/или политических прав.

Можно даже говорить о потенциальном сворачивании на Западе неолиберальных программ и постепенном возврате к практикам социального государства.

Тем не менее мир сегодня изменился настолько сильно, что попытки решить принципиально новые проблемы старыми методами могут привести к непредсказуемым или даже негативным результатам. Наши дальнейшие рассуждения призваны показать, что проблемы современного капитализма уже невозможно свести к балансированию между ценностями свободного рынка и социальной политикой государства. Налицо намечающийся упадок самого «духа» капитализма, который постепенно разъедается рентными практиками. Капитализм переходит в стадию тяжелой болезни, перед лицом которой имеющиеся средства (неолиберализм или социал-демократия) бессильны.

Более того, имеющиеся в арсенале современного государства практики, равно как и их идеологическое обоснование, скорее способствуют прогрессированию этой болезни, нежели ее профилактике.

Рентораспределительная функция государства

Государство, с легкой руки М. Олсона, может быть осмыслено как «стационарный бандит» [1. С. 32—36], получающий свою долю материальных благ, которые вырабатываются контролируемым им населением. В таком случае консенсус элит, вначале аристократических и жреческих, является соглашением по поводу правил распределения этой доли. Этот консенсус представляет собой общепризнанную иерархию статусов. Он всегда имеет идеологическое обоснование, суть которого в представлении аристократии и жрецам права на ренту как обоснованного неким «естественным» порядком вещей, богами и природой. Таким образом, это обоснование выводится за пределы политического. Следует уточнить, что в данном контексте мы понимаем под рентой совокупность благ, которые достаются их обладателям вне зависимости от их усилий и личных качеств, а лишь благодаря занимаемой ими статусной позиции. Статусная позиция обеспечивается контролем над понимаемыми в широком смысле слова ресурсами — от природных до политических и человеческих. Прообразом такой социальной статусной позиции, дающей ренту, является позиция земледельца, получающего природную ренту исключительно ввиду обладания лучшим участком земли, то есть пользования даром природы, которого он не произвел своим трудом. Отсюда же проистекает и стремление обла-

дателей социальной ренты представить свою позицию как следствие исключительно природных обстоятельств — крови, воли богов, ума, таланта и т. д.

Иными словами, государства со времен своего появления занимаются в первую очередь распределением и легитимацией социальных статусов, гарантирующих получение ренты. Описанная таким образом рентораспределительная функция «естественного государства» [2] не исчезает по мере трансформации политических режимов и экономического строя.

Мы опускаем здесь вопрос о характере общественного строя, сосредоточиваясь на практике политической или социальной ренты, свойственной любому государству в любое время. Отношения политической ренты и капитализма — проблема, требующая отдельного исследования. Здесь мы заметим только, что государство в процессе становления капитализма также нередко раздавало привилегии и ренты отдельным капиталистам и компаниям. Эта практика отлично сохранилась и сегодня, хотя и вызывает критику со стороны тех, кто считает политические ренты (ввиду лоббирования) поощрением экономической неэффективности и растранижением общественного богатства¹. При этом «буржуазная идеология» и политэкономия традиционно негативно относятся к ренте как таковой, полагая ее наследием прошлого, неуместным во времена, когда всякая прибыль якобы создается только одним трудом и капиталом. Погоня за рентой считается проявлением «общественно невыгодной конкуренции»². Но и капитализм может быть легко представлен как общественный строй, в котором погоня за прибылью от инноваций — шумпетерианская квазирента — становится главным двигателем развития. В то же время те социальные слои, которые не могут участвовать в погоне за квазирентой, используя демократические политические институты, добиваются для себя рент политических.

Так, изменение политического режима в сторону его демократизации уже в античности означает с этой точки зрения простое включение новой социальной группы в элитный консенсус по поводу правил распределения ренты. Изменение критериев допуска в ряды

¹ «Нам было известно, что существуют группы интересов, однако традиционно мы серьезно недооценивали издержки, обусловленные их деятельностью, поскольку внимание обращалось только на “балласт” издержек, связанных с вносимыми в экономику диспропорциями. Осознание того, что реальный размер общественных издержек намного больше, что широкомасштабную деятельность индустрии лоббирования действительно следует рассматривать как один из крупнейших источников общественных издержек, является новым, хотя, вероятно, во все времена каждый, кто задумывался над данной проблемой, должен был понимать, что занятые в этой отрасли высокоодаренные люди могли бы принести больше пользы, если бы занимались каким-либо другим видом деятельности» (Таллок Г. Соискание ренты. — http://gallery.economicus.ru/cgi-bin/frame_rightn_newlife.pl?type=in&links=,/in/tulloch/works/tulloch_w3.txt&img=works.jpg&name=tulloch).

² «Общественно выгодная конкуренция — это конкуренция на рынке при предложении товаров, в то время как общественно невыгодная имеет место при определении победителей в борьбе за ренту» (Хиллман А. Л. Государство и экономическая политика. Возможности и ограничения управления. — <http://sci-book.com/ekonomicheskaya-teoriya/631-renta-rentoorientirovanoe-45638.html>).

элиты заключалось в распространении части аристократических достоинств и вытекающих из них прав на демос [3]. Полноправный гражданин полиса, таким образом, включался в число легитимных получателей ренты. М. Вебер отмечал, что в античности типичный демос, состоящий из полноправных граждан греческих городов, монополизировал «политически обусловленные ренты — государственные, ипотечные, земельные, а также поденные выплаты» [4. С. 476]. Следует заметить, что, например, в Афинах, следствием такого рода увеличения количества рентополучателей стала империалистическая политика, призванная найти новые источники ренты для них. Аналогичным образом и в Новейшее время получателями некоторой доли ренты становятся все новые социальные слои — и только за то, что они признаются полноправными гражданами или подданными (а не современными метеками — иммигрантами). Античные аналогии Г. Стэндинга [5. С. 30—32] по этому поводу говорят о том, что сегодня консенсус насчет распределения ренты нарушен. В него оказались не включенными новые значимые группы населения, и в то же время происходит фактическое исключение из него части ранее полноправных граждан или их детей.

Ренты от полноправного гражданства и борьба вокруг них

В эпоху Модерна статус полноправного гражданина обрывает рядом идентичностей, классовых, гендерных национальных, расовых, политических, культурных и т. д. — которые не всегда законодательно признаны, но всегда обеспечивают их обладателям право на хотя бы символическую ренту. Все они легко могут быть рассмотрены как идеологические обоснования прав на получение благ только ввиду занимаемой социальной позиции.

Если мы начнем с рассмотрения становления буржуазного парламентаризма, то нетрудно заметить, что сначала он формировался как почти открытая, выражаясь словами классика, «диктатура буржуазии», почти единовластно пользовавшаяся всеми благами своего рода «дифференциальной ренты». Буржуазная политэкономия негативно относилась к самой идее ренты, особенно земельной ренты лендлордов. Однако в политической сфере она стремилась обеспечить себе самую настоящую политическую ренту, формулируя такие критерии для получения полного набора политических прав, которым мог соответствовать только не самый бедный представитель буржуазного (а вначале и аристократического) класса.

Можно сказать, что раннее буржуазное общество было обществом многочисленных дифференциальных рент, чему способствовали как парламентаристская диктатура буржуазии, так и ряд унаследованных от прошлого сословных, гендерных, национальных и иных неравенств.

Имущественный и образовательный ценз на несколько десятилетий преградил трудящимся путь в политику. Однако это препятствие было преодолено на путях профсоюзной и нередко вооруженной борьбы. Труд был признан достаточным и весьма уважаемым критерием полноценного гражданства, а социальное законодательство открыло трудящимся ранее не виданные возможности. Параллельно с этим укоренилось представление, что вообще любой по рождению житель национального государства приобретает ряд неотчуждаемых прав, которых не имеет, например, иммигрант.

Но полные гражданские и политические права имели тем большую ценность, давали тем большие преимущества, чем больше было в обществе социальных групп, которые такой полнотой прав не обладали — законодательно или по факту. «Даже в современных обществах, — пишет А. Матецкая, — где глубокие культурные различия между классами в значительной степени сгладились (благодаря общему повышению уровня жизни, массовому образованию, унифицирующему воздействию массовой культуры), и все члены общества формально являются равными, оценка культур различных групп увязывается с их статусом. Культурные отличия, характерные для разнообразных “меньшинств”, — этнических, религиозных, сексуальных и др., — часто интерпретируются “большинством” как “отклонение от нормы”. Следует отметить, что в социологии понятие “меньшинство” не всегда связано с малочисленностью какой-либо группы. Большее значение имеет наличие дискриминации, ограничения в правах» [6].

К этому следует добавить, что негласные (а порой и гласные) ограничения для представителей определенных наций и рас, пола, культуры и т. д. являются источником своего рода «дифференциальной ренты» для полноправных граждан даже самого низкого имущественного положения. Определенные («нормальные») идентичности дают преимущества их обладателям при поиске работы, определении размера зарплаты, ряд бытовых выгод и т. д.; сюда также следует включить чувство уверенности, превосходства и морального удовлетворения, которое получают многие люди от самого факта обладания возможностями, недоступными другим. Демократический дискурс, как показывает К. Робин, вовсе не исключает формирования на его основе отдельных разновидностей «реакционного духа», который настаивает на сохранении ряда тешащих самолюбие иерархий³.

В этих и других случаях складываются идеологические системы, оправдывающие существующее положение вещей. На первый взгляд они не имеют никакого отношения к ренте. Однако и унаследованные от прошлого религии, которые описывают имеющийся социальный

³ «Массы должны либо символически связывать себя с правящим классом, либо иметь реальную возможность самим стать псевдоаристократами в семье, на заводе, в поле. Первый путь обычно приводит к популизму, перевернутому с ног на голову, когда низы из низов узнают себя в самых высоких; второй — приводит к демократическому феодализму, в котором муж или начальник играет роль господина» (Робин К. Реакционный дух. М., 2013. С. 78).

порядок как данный богами, и более поздние идеологические построения, которые апеллируют к человеческой природе, «природе» вообще, к исторической ситуации (которая дает преимущества одним социальным группам, нациям, расам и т. д.), — все они могут быть описаны как дискурсы, оправдывающие наличный порядок получения и распределения ренты.

Либерализм, национализм или, к примеру, теории модернизации в этом смысле мало чем отличаются от своих архаичных предшественников или от таких более «грубых» современников, как нацизм и расизм: человек, родившийся в «мастерской мира» или «глобальном гегемоне» пользуется преимуществами просто в силу своего рождения. Можно говорить, что это — следствие избранности народа или же награда за хорошее поведение в прошлых жизнях.

Поэтому вокруг идентичностей, описываемых «рентными» идеологиями, постоянно ведется идеологическая борьба. Борьба вокруг идентичностей — борьба за расширение круга получателей ренты или за переформулирование условий консенсуса по поводу условий получения ренты. Важное значение приобретает борьба против разных видов дискриминации. При этом показательно, что либерализм, консерватизм и социализм при всех своих различиях в равной мере ориентированы на укрепление государства, то есть института, занимающегося распределением рент. «Очевидно, — замечает И. Валлерстайн, — каждое идеологическое течение прибегало к разным уловкам для объяснения своих несколько странных симпатий к государственности. Социалисты утверждали, что государство воплощает в себе всеобщую волю. Консерваторы полагали, что государство защищает от всеобщей воли традиционные права. Либералы считали, что государство создает условия, позволяющие личности оптимально использовать свои права. Но в каждом случае результат был один и тот же — государство продолжало укреплять свои позиции по отношению к обществу, несмотря на риторические призывы к прямо противоположному» [7. С. 86].

Результатом постоянной борьбы дискриминируемых социальных групп (и, отчасти, предусмотрительной политики элит) стало то, что называется социальным государством. Не то чтобы основные дискриминируемые группы со временем получили права и вытекающие из них ренты, которые действительно уравнивали бы их с элитами. Однако показателен сам подход к решению проблем дискриминируемых: раздача привилегий и рент, или того, что раньше считалось привилегией, дающей ренту. Все это вполне напоминает рыночный процесс исчезновения прежних дифференциальных рент ввиду ставшего доступным всем ранее редкого ресурса. Не менее показательно, что способ решения проблем, ранее касавшийся только элит, теперь был распространен на все общество.

Очевидно, что в современных обществах накопилась институциональная инерция, побуждающая решать проблемы путем раздачи привилегий и рент. Возможно, это обусловлено самой природой «естественного государства», достигшего определенной стадии развития.

Прекариат в борьбе за общество всеобщей ренты

До сегодняшнего момента большая часть исследований рентных механизмов была сконцентрирована на пропорциях и соотношениях ренты, на вопросах справедливости и законности тех или иных рент. Мы же хотим несколько сдвинуть фокус и посмотреть на предполагаемые перспективы общества, в котором борьба за ренту и главное — жизнь на доступную каждому ренту как долю общественного пирога становится преобладающей формой экономического поведения.

Наблюдая эволюцию практик, связанных с распределением ренты в западных обществах, мы можем заметить тенденцию расширения ренты, ее, так сказать, демократизации, вплоть до 1980-х годов. Социальные программы государства всеобщего благосостояния вкупе с достижениями промышленной и научно-технической революции породили небывалый рост материального благосостояния среднестатистического гражданина. Парадигма борьбы за выживание сменилась парадигмой «процветающего» общества потребления.

Социальные программы государства всеобщего благосостояния вкупе с достижениями промышленной и научно-технической революции породили небывалый рост материального благосостояния среднестатистического гражданина. Парадигма борьбы за выживание сменилась парадигмой «процветающего» общества потребления.

Но и позже, то есть уже в настоящее время, несмотря на неолиберальную политику, которая способствовала сворачиванию социальных программ, нигде не были ликвидированы базовые институты социального государства и не была поставлена под сомнение его принципиальная необходимость. Более того, неолиберальный курс лишь развернул политику раздачи привилегий и рент в другую сторону. Борьба за ренту перешла преимущественно на международную арену. И в этом смысле даже сворачивание некоторых социальных программ при Рейгане и Тэтчер не оказало какого-либо немыслимого урона благосостоянию «привилегированных» граждан «золотого миллиарда». Напротив, ослабление позиций государства позволило развитым странам совершить скоротечный и во многом иллюзорный постиндустриальный переворот, осуществление которого было бы невозможно, если бы крупнейшие корпорации не эксплуатировали многочисленных «метеков» в странах третьего мира.

Однако какие-то аспекты экономической жизни были значительно изуродованы. О колоссальном социальном расслоении и развязанных действиях транснациональных корпораций написано уже достаточно много, чтобы не останавливаться на этом отдельно. Современный капитализм вступает в стадию затяжной болезни. Развитие технологий приводит к постоянному технологическому замещению рабочей силы, перманентному видоизменению всей системы занятости [8]. Глобальные корпорации в условиях нарастающей конкуренции и «футурошока» стремятся быть гибкими и мобильными. В неолиберальную эпоху правила игры диктует глобальный капитал, для которого рабочая сила, по сути, является безликим субстратом в абстрактной интеллектуальной системе производства и распределения. Все это приводит к возникновению *прекариата* — класса неуверенных в завтрашнем дне людей, чувствующих себя крайне некомфортно в условиях мобильного капитала.

Автором термина «прекариат» является Г. Стэндинг. Он же выдвигает оригинальную концепцию роли прекариата в современном обществе и возможных потрясений, связанных с ростом численности этого класса. Стэндинг отмечает, что прекариат состоит из людей, чье статусное положение неустойчиво, то есть тех, кто не имеет стабильной занятости, стабильного заработка, социальных гарантий, ясного видения будущего.

К прекариату Стэндинг относит неквалифицированные кадры, чей функционал нетрудно автоматизировать, временных работников, занятых неполный рабочий день, а также тех, кто трудится по временным контрактам. К тому же слою принадлежат и многочисленные иммигранты, которые не обладают всей полнотой гражданских привилегий. Прекариат, таким образом, состоит из самых разных групп людей, отличающихся по уровню образования, образу жизни и каким-либо еще социальным критериям. Единственное, что объединяет «новый опасный класс», — это ощущение нестабильности, нехватки времени, приводящее к тревоге и депрессивности. Стэндинг утверждает, что «прекариат не чувствует себя частью солидаризованного трудового сообщества, а от этого усиливается отчужденность и неуверенность» [5. С. 29].

По мнению исследователя, прекариат является взрывоопасным классом. Тревога, нужда, нестабильность могут быть пищей для разного рода радикальных популистов, не считающихся с ценностями демократии. В связи с этим Стэндинг предлагает целый комплекс мер, которые могли бы предотвратить социальные потрясения. Среди этих мер, помимо разного рода гарантий, выделяется предоставление каждому так называемого *базового дохода*, то есть некоторой «суммы, необходимой для удовлетворения основных нужд» [5. С. 299].

При этом Стэндинг критикует уже имеющиеся способы борьбы с безработицей, считая систему, при которой государство стремится обеспечить каждого рабочим местом, неэффективной. В таком случае

люди, как считает ученый, вынуждены соглашаться с ограниченным набором альтернатив (иначе их лишат пособий), при том что сама по себе предлагаемая работа скорее всего также будет нестабильной и временной. Это лишь усиливает чувство отчужденности и способствует негативному восприятию работы как таковой. Стэндинг предпочитает быть оптимистом: люди будто бы по своей природе трудолюбивы, стоит только обеспечить баланс между трудом и досугом, благодаря которому можно было бы добиться свободного развития каждым своих творческих способностей (здесь он ссылается на Маркса). Для этого и необходима всеобщая рента, дарующая спокойную жизнь без острой нужды.

Но сможет ли такая политика разрешить проблемы, нависшие над современным капитализмом? Стэндинг полемизирует с теми, кто считает, что пособия культивируют иждивенческие умонастроения. Он считает, что базовый доход станет чем-то вроде первого шага на пути к преодолению отчуждения, а «немного поленишься не так уж и плохо» [5. С. 281]. При этом о каких-то системных изменениях, то есть о сломе или преодолении капитализма, речь у него не идет.

Мы позволим себе усомниться в перспективах, обрисованных Стэндингом. В современной неолиберальной системе раздача пособий окажется банальной «покупкой» лояльности бедноты. С другой стороны, для того чтобы преодолеть отчуждение, необходимы системные изменения, которые затрагивали бы все социальные, экономические и культурные факторы, способствующие формированию конформистских потребительских установок. Небольшой стабильный доход не изменит существенного статусного разрыва, который сегодня существует между рядовой обслугой (или какими-то другими «нестабильными» работниками) и высококвалифицированными специалистами, работающими в сфере высоких технологий (Стэндинг называет эту группу людей *салариатом*). Для большей части прекариата путь на вершину технократического общества давно упущен, у них нет никаких шансов достичь выдающихся результатов в тех сферах, в которых требуются высокая квалификация и многолетний опыт. Возможность свободного творческого саморазвития — это, конечно, хорошо, но данное саморазвитие без должного институционального подкрепления наткнется на преграду заурядности и массовой безвкусицы. Человек, осознающий в конце концов, что его творчество — не что иное, как китч, отчужден не меньше, чем рабочий, не видящий смысла в своей монотонной работе. И даже эта ситуация выглядит куда лучше, чем всеобщий нарциссизм, наблюдаемый сегодня в социальных сетях во многом благодаря «культуре селфи» [9].

В такой ситуации весьма соблазнительно идти по легкому пути. С каждым годом развитие технологий удешевляет производство разного рода гаджетов и прочих устройств программного обеспечения, дарующих практически неисчерпаемый источник развлечений и досуга.

В этом смысле рантье будущего — это не только тот, кто получает дармовые пособия, но еще и тот, кто пользуется общественной рентой в виде дешевающих технологических новшеств, изобретаемых малочисленным салиариатом. Иными словами, он потребляет товары и услуги, которые по большей части не являются вознаграждением за его общественно значимый труд. Такие рантье не зарабатывают на что-то, а дожидаются чего-то, не увеличивают благосостояние, а уменьшают трудозатраты, мешающие досугу.

Тем не менее в одном Стэндинг, на наш взгляд, прав: прекариат — опасный для капитализма класс. Однако его опасность заключается вовсе не в потенциально революционном или радикально-реакционном умонастроении, а в уже упомянутой рентной установке. Мы считаем, что всеобщая борьба за ренту рискует вылиться в качественные трансформации капитализма, рискующие надломить его системообразующее основание.

Почему прекариат похоронит капитализм?

За самую постановку вопроса о том, что некий созвучный пролетариату класс станет могильщиком капитализма, нас могут упрекнуть в попытке наступить на старые грабли. Однако в нашем представлении смерть капитализма — это не столько результат революции или кардинального изменения *всех* имеющихся институтов, сколько внутренняя мутация, затрагивающая сущность системы. В результате этой мутации капитализм уже невозможно называть капитализмом в устоявшемся значении.

Чтобы понять сущность капитализма, мало сказать, что это есть сочетание рыночной экономики и экономического либерализма. Капитализму свойственна особая культура, специфические ценности и установки, «дух». М. Лютер завещал, что долг человека — непрерывно трудиться, исполняя свое призвание. М. Вебер в своей «Протестантской этике» замечает, что возникновение капитализма было бы немыслимо без культурного сдвига от умеренности и традиционализма к трудолюбию и накопительству. Как он пишет, «здесь совершенно необходимы не только развитые чувство ответственности, но и такой строй мышления, который, хотя бы во время работы, исключал неизменный вопрос, как бы при максимуме удобства и минимуме напряжения сохранить свой обычный заработок, — такой строй мышления, при котором труд становится абсолютной самоцелью, “призванием”» [10. С. 89].

Исток такого строя Вебер видит в кальвинистской этике протестантизма. Именно фанатичное трудолюбие позволило в конечном счете уничтожить ориентированный на присвоение ренты феодализм и крестьянско-ремесленный традиционализм. Другой аспект затрагивает Т. Веблен. По его мнению, капитализм немыслим без статусного потребления, то есть без постоянного стремления индивидов соответствовать более высоким стандартам потребления через накопительство. Общество делится на задающий тон праздный класс и подыгрывающий

ему слой трудящихся, которые стремятся хоть как-то соответствовать тем или иным статусам [11]. В марксизме капитал сводится к самовозрастающей стоимости, возможной только при эксплуатации трудящихся. Собственно говоря, у Маркса трудовое время и определяет стоимость продукта [12. С. 207]. Капитализм есть система, в которой в конкурентной борьбе выживает наиболее приспособленный, тот, кто может выжимать из трудящихся нужную меновую стоимость, сталкиваясь постоянно с такими феноменами, как технологический прогресс и автоматизация производства.

Все вышеперечисленное со второй половины XX века начало постепенно блекнуть. Реализация идей Стэндинга (как выразителя интересов прекариата) лишь способствовала развитию этой тенденции. В эпоху государства всеобщего благосостояния это было уже вполне ощутимо (мы говорим об иждивенчестве), — но тогда ситуацию спасал ряд «позитивных» факторов. Эйфория от послевоенного роста вкупе с пережитками протестантской культуры подпитывали трудолюбие и целеустремленность. В иных местах еще сохранялись в коллективной памяти голодные годы, лишения войны и массовые эпидемия. В психологии устоялась точка зрения, согласно которой многочисленные лишения, переживаемые людьми в раннем возрасте, могут отражаться на дальнейшем ментальном укладе и приводить к стремлению компенсировать лишения прошлого путем обогащения в настоящем.

Однако сегодня мы живем в другом обществе, применительно к членам которого старые мотивации работают все хуже. Взять хотя бы накопительство. В 1950—1960-е годы прошлого века жизнь среднестатистического американца заключалась в погоне за статусными вещами. Быть может, для обыкновенного трудящегося в этом и заключалась основная «радость жизни»: вслед за модной одеждой вы приобретаете автомобиль, вслед за автомобилем — еще один автомобиль, а затем — просторный дом и т. д. Каждый новый этап требовал приложения больших усилий. В мире отчуждения тот, кто не идет на встречу к новым ощущениям и удовольствиям, впадает в депрессию. Это в своих многочисленных исследованиях убедительно показал Э. Фромм [13]. Современная индустрия развлечений, напротив, во многом *противостоит* накопительству. Важно не копить, а постоянно обновлять арсенал развлечений. Последние становятся легкодоступными: стоит только раз в год менять телефон, планшет, еженедельно обновлять компьютерный софт или запасаться новинками кинематографа. Все становится одноразовым, скоропортящимся и быстро надоедающим.

Современный капитализм мутирует, и эта мутация потенциально может привести к его перерождению в *рентное общество*. Прекариат — это только составная часть глобальных трансформаций, реализация которых кажется нам неизбежной. Будет ли прекариат обеспечен базовым доходом или нет, рано или поздно капитализм начнет постепенно ужиматься до незначительного состояния. Рентное общество — это общество, в котором подавляющая часть населения является рантье, живущими на ренту с научно-технического прогресса, обеспе-

чиваемого salariatum. Это ни в коем случае не «коммунизм знаний» А. Горца [14], ибо такой коммунизм подразумевает преодоление отчуждения. Рантье не менее отчужден, чем трудящийся. Более того, он отчужден и от самого труда как средства пусть нередко искаженного, но самовыражения.

Рентное общество — это не то же самое, что и общество изобилия, о перспективах которого сегодня говорят. В обществе изобилия существует *реальное изобилие*, то есть каждый получает столько, сколько он пожелает. Рентное общество дает обычному человеку лишь крохи, оно учит его довольствоваться малым, формируя соответствующие установки. Перед остальными перспективами, в которых личность могла бы показать себя с полной силой, такое общество возводит непреодолимую полосу препятствий. В среде дешевых развлечений преодолевать эту полосу для многих становится бессмысленно, ибо гораздо проще постепенно снижать свои аппетиты, подстраивать их под поток незаработанных благ.

Капитализм, на наш взгляд, сам поспособствует своей внутренней мутации. Индустрия дешевых развлечений — это целиком и полностью детище современного капиталистического общества потребления. Капитализм неизбежно столкнется с необходимостью удовлетворять потребности рантье, и не исключено, что технические возможности для этого будут найдены. В частности, высока вероятность, что ожидающийся в обозримом будущем взлет АТП-технологий облегчит проблему дорожающих и истощающихся природных ресурсов, многократно удешевит производство различных вещей, благ и услуг и вообще создаст такой избыток материальных богатств [15], который позволит без труда содержать миллиарды рантье. В такой ситуации вполне возможен ренессанс социального государства или, что кажется более вероятным, уже несколько иных практик, выросших на его основе.

Однако мы имеем основания полагать, что эти практики в основе останутся рентными, и, вероятно, этот их характер даже выразится еще ярче. Идя на поводу у прекариата, капитализм начнет стагнировать, ибо реальный спрос новых рантье способен только уменьшаться ввиду постоянного снижения ими трудозатрат. В конце концов капитализм сожмется до минимальных размеров, став своеобразным пережитком, автоматизированной питательной средой для потребляющего большинства. Общество окончательно поделится на рантье и ограниченное число своеобразных сверхлюдей, для которых труд и усердие останутся единственным приемлемым способом самореализации.

Предполагаемое рентное общество вполне может стать устойчивой системой. В связи с этим нетрудно допустить, что А. Горц и другие прозелиты «коммунизма знаний» глубоко ошибаются, считая, что возможность каждого свободно распоряжаться свободным временем ради творчества — это непременно путь к избавлению от отчуждения. Феномен отчуждения касается не только капитализма со всеми его атрибутами вроде эксплуатации, власти денег и средств массовой информации.

Как уже было сказано выше, человек, чувствующий, что его творческие усилия жалки, отчужден не меньше, чем рабочий тейлоровского конвейера. То же самое верно и для ситуации, когда творческая деятельность сопряжена с постоянной конкурентной борьбой за признание, лучшую идею, новизну и т. д. В таком случае человек может чувствовать себя жалкой песчинкой независимо от того, является ли он разносчиком пиццы или работником научной лаборатории.

Рентное общество предоставит благодатную среду для того, чтобы единицы выбивались из общей массы и стремились к чему-то большему, чем повседневное потребление. Однако слишком большое количество творческих людей в таком обществе невыгодно как для рантье, так и для самого салиариата.

Из сказанного выше не следует, что рентное общество — это лучшее будущее. Его суть заключает в себе множество опасностей, ибо это — во многом общество, теряющее преобразовательный пыл. С одной стороны, это не так и плохо, ибо остановка разрушительного прогресса может благоприятно сказаться на состоянии окружающей среды — главной жертвы капитализма. Но вместе с затуханием прогресса исчезает и творческий порыв. Мы лишь хотим поставить вопрос: есть ли какие-то реальные альтернативы рентному обществу? Если это социализм, то какой он должен быть: социализм, потакающий иждивенчеству или социализм, нацеленный на культивирование трудолюбия?

Данный вопрос требует концептуального переосмысления самой идеи социализма, ибо слово «социализм» в привычном понимании уже невозможно употреблять как универсальный термин, применимый к имеющимся ситуациям. Нельзя исключить, что тенденции, с которыми сейчас могут связываться надежды на «социалистическое» преодоление капитализма и «автоматический» переход к более справедливому и лучшему обществу, в действительности ведут в каком-то другом направлении. Но быть может, в будущем обнаружатся какие-либо иные философские и идеологические основания полноценной человеческой жизни в рамках нарождающегося рентного общества, в свете которых бытие в качестве рантье будет представляться не столь уж удручающим. В таком случае не окажутся ли наши опасения по поводу грядущего триумфа потребительства, мещанства и повседневного обывательства рантье всего лишь беспочвенными заблуждениями тех, кто не взял на себя ответственность построить новую философию жизни без погони за собственной исключительностью, без культа поклонения творческой Личности?

Литература

1. **Олсон М.** Власть и процветание: перерастая коммунистические и капиталистические диктатуры. М.: Новое издательство, 2012.
2. **Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б.** Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М.: Изд-во Института Гайдара, 2011.

3. **Фишман Л. Г.** Аристократическое в демократии // Научный ежегодник ИФиП УрО РАН (Екатеринбург). 2010. Вып.10.
4. **Вебер М.** История хозяйства. Город. М., 2001.
5. **Стэндинг Г.** Прекариат: новый опасный класс. М.: Ad Marginem Пресс, 2014.
6. **Матецкая А. В.** Социология культуры. – <http://all-sci.net/sotsiologiya-kultury/kultura-sotsialnoe-neravenstvo-19681.html>
7. **Валлерстайн И.** Три идеологии или одна? // После либерализма. М.: Едиториал УРСС, 2003.
8. **Коллин Р.** Средний класс без работы: выходы закрываются // Есть ли будущее у капитализма?. М.: Изд-во Института Гайдара, 2015. С. 61–113.
9. **Twenge J. M., Campbell K. W.** The Narcissism Epidemic: Living in the Age of Entitlement. N. Y.: Atria Books, 2010.
10. **Вебер М.** Протестантская этика и дух капитализма // **Он же.** Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990.
11. **Веблен Т.** Теория праздного класса. М.: Прогресс, 1984.
12. **Маркс К.** Капитал. Т. I // **Маркс К., Энгельс Ф.** Сочинения. М.: Государственное издательство политической литературы, 1960. Т. 23.
13. **Фромм Э.** Здоровое общество. М.: АСТ, 2006.
14. **Горц А.** Нематериальное. Знание, стоимость и капитал. М.: ИД НИУ ВШЭ, 2010.
15. **Дрекслер Э.** Всеобщее благоденствие. М.: Изд-во Института Гайдара, 2014. ◆

Мы, дети галактики

Типы модальной личности в эпоху глобализации
(эффект международной географической
мобильности)

© Толстокорова А. В.

© Tolstokorova A.

**Мы, дети галактики. Типы модальной личности в эпоху глобализации
(эффект международной географической мобильности)**

**We, children of galaxy. Model personalities patterns in the era of globalization
(the effect of international geographic mobility)**

Аннотация. Статья посвящена выявлению и анализу новых типов модальной личности, порождаемых процессом глобализации и международной географической мобильности. На основе анализа вторичных теоретических источников выявлены типы модальной личности эпохи глобализации: «человек глобальный» — «Homo globalis», «человек дигитальный (цифровой)» — «Homo digitalis», «человек потребляющий» — «Homo consúmens» и «человек мобильный» — «Homo mobilis». Последний, в свою очередь, представлен такими разновидностями, как глобальный бедняк, глобальные старики, глобальная женщина и глобальная мать, глобальный ребенок.

Annotation. The article is aimed at the analysis of model personalities patterns generated by globalization and international geographic mobility. Drawing on the analysis of secondary theoretical sources, the paper sets out the following model personalities patterns of the globalization era: «Homo globalis», «Homo digitalis», «Homo consúmens» and «Homo mobilis». The latter may be specified by the following subtypes: global poor, global senior, global woman and global mother, global child, etc.

Ключевые слова. Homo globalis, Homo digitalis, Homo consúmens, Homo mobilis, глобальный бедняк, глобальные старики, глобальная женщина, глобальная мать, глобальный ребенок.

Key words. Homo globalis, Homo digitalis, Homo consúmens, Homo mobilis, global poor, global senior, global woman and global mother, global child.

Глобализация зиждется на «трех китах»: торговле товарами, потоках капиталов и мобильности людей. Хотя мобильность считается «супер китом» глобализации [1], по мнению Михаила Делягина, тот самоочевидный факт, что в новом информационном, постиндустриальном мире важнейшие ресурсы общественного развития перестают быть привязанными к определенной территории и становятся мобильными, остается недостаточно осмысленным современными исследователями [2]. Это свидетельствует об актуальности исследования вопросов мобильности в современных условиях.

Признавая справедливость данного утверждения, все же следует признать, что зарубежная социальная наука уже отреагировала на повышение географической мобильности в мире, предложив новую парадигма-

тическую перспективу исследований, во многом определившую палитру социальных наук последнего десятилетия. Ею стала «парадигма мобильности», или «мобильностный поворот», в социальных науках [3, 4]. Основные положения этого нового междисциплинарного проекта были сформулированы британским социологом Джоном Урри в его книге, содержащей «манифест социологии мобильности» [5]. В качестве объекта анализа в нем признаются движущиеся люди, объекты, образы, информация и их побочные продукты, а также взаимозависимость между социальными последствиями их передвижения. Провозгласив мобильность «новым основанием социального порядка», этот программный документ произвел эффект «прорвавшейся плотины» [6] в академической среде. Сегодня исследования мобильности обрели четкие контуры и имеют статус самостоятельного направления науки с собственным дискурсом и идеологией, этикой, политикой и методологией [7–10, 1, 11]. Поэтому *актуальной* становится проблема применения достижений этого нового направления исследований на постсоветском пространстве, где оно еще не получило распространения [12].

Следует иметь в виду, что глобализационный процесс оказывает радикальное влияние на социальное устройство человечества, бросая вызов любым видам границ — как объективных (национальных, межгосударственных, институциональных), так и субъективных (на уровне семейных, межпоколенческих и межличностных отношений, гендерных, культурных, религиозных и этнических идентичностей отдельной личности). Проницаемость границ повышает возможности использования человечеством свободы передвижения и в то же время подрывает социальные позиции национальных государств, превращая их подданных в «глобальных граждан мира». Как отмечает немецкий теоретик глобализации Ульрих Бек, по мере того, как национальные государства уходят в прошлое, на фоне возрастания коммуникационной мобильности, движения капитала, рисков, товаров и услуг даже немобильная часть местного населения «интернационализируется» в своем искусственном внутреннем пространстве [13]. Оптимисты считают, что особенностью «глобальных граждан мира» является способность к «само-трансценденции», которую Абрахам Маслоу определял как наличие объединяющего сознания и восприятие мира в его целостности и в глобальном масштабе, с точки зрения других людей и через призму возможности воздействия на весь мир [14]. Этому способствуют массовая международная миграция и современные достижения в информационно-коммуникационных технологиях (ИКТ), предопределяющие новые способы самоидентификации и новое мировоззрение [15]. Реалисты — такие, как Карло Стренджер, — определяют «глобального гражданина мира» как «человека глобального» («Homo globalis») [16], считая его основной особенностью интимную связь с глобальной информационной сетью. Этот тип личности является продуктом культуры, нацеленной на достижения, отсутствие которых негативно влияет на статус человека в обществе и генерирует в нем ощущение малозначимости. По Стренджеру, человек этого типа страдает комплексом неполноценности и не имеет четкого мировоззрения. Опираясь на положения экзистенциальной психоло-

гии, он доказывает, что для «Homo globalis» проблемой является поддержание высокой самооценки, так как в обществе высоких технологий все достижения личности сравниваются с идеалом, создаваемым средствами массовой информации.

Таким образом, глобализация создает условия для формирования новых «обобщенных индивидов», воплощающих главные черты эпохи «текущей современности» [17]. В отличие от «культурно-исторических типов» Н. Я. Данилевского [18], они присущи не одному народу или совокупности близких по духу и языку народов, а глобальной цивилизации в целом, поскольку она представляет собой мир без естественных границ и очевидных мест проживания [19], в котором социальная судьба «граждан мира» уже не является жестко привязанной к конкретному государству, а социальный выбор становится глобальным по своему характеру.

Обобщенные характеристики этих «граждан мира» как типичных представителей эпохи глобализации являются *объектом* данного исследования, использующего в качестве *аналитического инструмента* для их изучения концепт «модальная личность» [20], под которой понимается психологический архетип эпохи, совокупность исторических типажей — «героев своего времени». *Целью* работы является выявление и анализ этих новых типов модальной личности, порождаемых международной миграцией и географической мобильностью как производными глобализации. В частности, они рассматриваются в контексте выделенных нами ранее социогуманитарных подвидов глобализации, в основе которых лежит процесс географической мобильности населения: феминизация международной миграции; глобализация заботы и ухода; глобализация наемного домашнего труда; глобализация и транснационализация материнства; глобализация личной жизни, любви и интимности; глобализация желаний; глобализация детства и глобализация риска [21]. Помимо них будут рассматриваться обобщенные характеристики мобильных индивидов, порожденных процессами «глобализации старости» и «глобализации бедности» [22, 23].

Категоризация «Homo globalis»

Глобальный мультилокальный мир предоставляет более широкие и более комплексные условия для конструирования, осмысления и воспроизводства социальных идентичностей [24. Р. 578], которые становятся все более транснациональными и мультиэтничными, пластичными и множественными, ставя под сомнение значение национальных и расовых категорий [25]. Анализ вторичных теоретических источников показал, что обобщенные социальные идентичности «Homo globalis» представлены целой галереей образов, в частности такими типами модальной личности, как «человек цифровой» («Homo digitalis»), «человек потребляющий» («Homo consumens») и «человек мобильный» («Homo mobilis») [27, 28, 29]. Последний, в свою очередь, представлен такими подвидами, как глобальный бедняк, глобальные старики, глобальный ребенок, глобальная женщина и глобальная мать.

«Homo mobilis» — «дитя глобальной миграции»

Процесс международной мобильности населения стал одним из главных детерминантов политической, экономической и социокультурной динамики современной глобальной цивилизации, породив новый тип модальной личности «Homo mobilis» — «городского кочевника» и «дитя глобальной миграции» [29]. Влияние интенсивной географической мобильности на человека весьма неоднозначно. С одной стороны, свобода передвижения на большие расстояния предоставляет уникальные возможности для профессиональной и личностной реализации, знакомства с новыми культурами и стилями жизни. С другой стороны, общепризнано, что повышенная географическая мобильность подрывает устойчивость семейной жизни. Так, результаты проекта Евросоюза, изучавшего влияние возрастающей трудовой мобильности на семейную жизнь европейцев, показали, что мобильность может снижать уровень фертильности и препятствует успешному исполнению родительских функций и развитию семьи, особенно для женщин [30. Р. 2].

В то же время возможность выезда на работу или учебу за рубеж может приводить к формированию интимных отношений и возникновению семейных уз в стране пребывания, вызывая к жизни так называемые смешанные браки, основанные на межэтнических и межкультурных отношениях. Этой цели служит «брачная миграция», или «интимная миграция» [31]. Кроме того, благодаря новейшим транспортным технологиям формируются коллективные, семейные формы «интимной мобильности», ставшие возможными, например, благодаря домам на колесах и семейным автомобилям, которые позволяют осуществлять семейные туристические поездки и совместные визиты к родственникам, проживающим на дальнем расстоянии [32].

Следовательно, хотя «Homo mobilis» — это зачастую пилигримы-одиночки, оторванные от семьи и родовых корней, или даже бескомпромиссные «квиркодиночки»¹, скитающиеся по миру в поисках «идеальной любви», в то же время это могут быть счастливые семейные люди, которые имеют возможность путешествовать, познавать мир и радоваться жизни.

Категоризация «Homo mobilis» в контексте глобализации

Глобальный бедняк: «транснациональный прекариат»

Экономическая глобализация ведет к формированию единого всемирного рынка труда, а интенсификация производства за счет современных технологий — к появлению на нем избытка рабочей силы.

¹ Неологизм «квиркодиночки» (quirkyalone persons) был предложен для обозначения убежденных холостяков и холостячек, то есть бескомпромиссных романтиков, не отрицающих парных или семейных взаимоотношений, но предпочитающих жить в одиночестве, поскольку не приемлют интимных отношений, создаваемых с целью избежать одиночества (см. Cagen S. Quirkyalone: A Manifesto for Uncompromising Romantics. N. Y.: Harper Collins, 2004.)

Ситуация, когда значительная часть человечества оказывается лишней, невостребованной сферой производства при сохранении неизменных принципов распределения материальных благ, приводит к тому, что работающая часть населения имеет возможность жить, а не получившие доступа к рынку труда лишаются этого естественного права. Последние превращаются в «глобальных бедняков», не имеющих даже прожиточного минимума, необходимого для выживания, и формирующих собственную «субкультуру бедности». Согласно официальным данным, сегодня около 1,2 миллиарда жителей планеты живут в нищете — на доходы ниже 1 доллара в день [33]. Глобальная бедность ведет к криминализации и люмпенизации этих «лишних людей» [34]. Для них единственный путь приобщения к благам глобальной цивилизации лежит через географическую мобильность в составе низкоквалифицированной рабочей силы, кочующей из регионов с сокращающимся экономическим сектором в регионы с растущей экономикой как внутри государства, так и за его пределы. Этот тип модальной личности составляет основу нового класса эпохи глобализации — «транснационального прекариата» [35], то есть социально исключенной глобальной бедноты и массового «опасного класса» глобального характера, определяемого неравенством, отсутствием безопасности и повышенными политическими рисками [36].

Ситуация, когда значительная часть
человечества оказывается лишней,
невостребованной сферой производства
при сохранении неизменных принципов
распределения материальных благ,
приводит к тому, что работающая часть
населения имеет возможность жить,
а не получившие доступа к рынку труда
лишаются этого естественного права.

Глобальные старики — продукт «поседения мира» и мобильной старости

К социогуманитарным производным глобализационного процесса можно отнести феномены «глобализации старости» и «поседения мира» [22] как логические результаты спада рождаемости и увеличения продолжительности жизни в современном мире. Пожилые люди сегодня дольше остаются здоровыми, социально активными и географически мобильными как в профессиональных, так и в семейных, личных и культурно-познавательных целях. Они больше путешествуют как на более дальние расстояния, так и на более длительное время. Это можно расценивать как положительную тенденцию, поскольку процесс «активного старения» имеет социальные преимущества для пожилых людей.

Кроме того, путешествия и туризм формируют новые, модернизированные идентичности и новые социальные связи «глобальных стариков», способствующие повышению качества их человеческого капитала.

Еще одной причиной появления этого типа модальной личности является новейшая тенденция к «депортации старости» из центра мировой капиталистической системы на ее периферию. В частности, она отмечается в Германии, которую мировые СМИ обвиняют в том, что она «депортирует» своих малоимущих пенсионеров, не имеющих возможности самостоятельно оплачивать услуги медицинского ухода, в страны Азии и Восточной Европы, где они получают качественное гериатрическое обслуживание по низким ценам [37].

Глобальная женщина и глобальная мать: вызовы «глобальной пересадки сердец»

Глобализационные процессы приводят к феминизации бедности на периферии мировой капиталистической системы, вынуждая женщин из бедных государств уезжать на заработки за рубеж, чтобы прокормить свои семьи [38. Р. 190]. Благодаря этому процессу женщины стали более мобильными, чем когда-либо в истории. Сегодня все больше из них пересекают границы государств, чтобы найти работу вдали от дома. В последние десятилетия женщины все чаще становятся независимыми участницами миграционного процесса, самостоятельно передвигаясь на большие расстояния. Они перестают ограничиваться ролями зависимых членов семьи, следующих за отцами или мужьями, и становятся автономными субъектами мобильной трудовой силы, за которыми мужья и дети следуют в качестве сопровождения.

Как отмечает Х. Злотник, глобализация создала «новый тип мигранта» — молодых женщин и девушек, мигрирующих в поисках лучших жизненных возможностей [39]. Иными словами, женщина-мигрантка сегодня приобретает значимость модальной личности эпохи — современной «глобальной Золушки» [40]. Так, согласно статистике ООН, доля женщин в общем количестве мигрантов достигает 48 процентов [41] и столько же их среди всех беженцев в мире [42. Р. 3]. Женщины составляют 70 процентов среди внутренне перемещаемых в результате вооруженных конфликтов [43. Р. 761] и 79 процентов среди перемещаемых с целью торговли людьми [44. Р. 11]. Эта трансформация роли женщин в глобальной «миграционной индустрии» [45] воспринимается как «женская подноготная» глобализации [46. Р. 3].

Тенденция к увеличению в общем количестве мигрантов доли женщин, независимо передвигающихся на большие расстояния, определяется как *феминизация международной миграции*. Ее результатом является феномен «глобализации материнства», заключающийся в том, что в результате феминизации бедности на периферии мировой капиталистической системы женщины-матери из бедных государств вынуждены уезжать на заработки за рубеж и заботиться о чужих детях, чтобы прокормить своих собственных. Результатом такого «смещенного материнства» является то, что «глобальные матери» нередко теряют своих детей как в прямом, так и в переносном смысле. Таким образом, парадоксом

глобализации материнства является то, что и работодатели, и их домработницы в поисках более высоких заработков вынуждены прибегать к аутсорсингу услуг заботы и ухода из семьи на рынок [29]. Имея меньше возможностей для предоставления своим детям материнского внимания и ухода, они вынуждены «покупать» любовь и заботу для своих детей [47]. Другим парадоксом феномена глобализации материнства является то, что, принимая на себя ответственность за финансовое обеспечение семьи, мигрантки оспаривают миф о мужчине как кормильце и добытчике и в то же время укрепляют миф о женщине как домохозяйке, поскольку продолжают исполнять материнские обязанности, но уже в трансграничном режиме [48].

Глобальный ребенок: «новый Маленький Мук»

Исследования по истории и социологии детства демонстрируют, что в XX веке появилась новая категория — «нормативный глобальный ребенок», легитимность которого была засвидетельствована Конвенцией ООН о правах детей. Эта категория включает обширную галерею детских образов, которые появились в результате глобализационных процессов, основанных на широкомасштабной «коммерциализации всего», включая нематериальные аспекты человеческой жизни — любовь к детям, невинность ребенка, святость детства. К ним относятся глобальная индустрия международных усыновлений сирот, эксплуатация детей в рабском труде, секс-бизнесе, порнографии и секс-туризме, использование их в торговле людьми, человеческими органами и тканями, привлечение к участию в боевых действиях, криминальном бизнесе, бродяжничестве и попрошайничестве и т. д. Сущность этой глобальной индустрии определяется как «гражданская война против детей». Причем портрет «глобального ребенка» зачастую пишется расово-гендерными красками, замешенными на стереотипах взрослых, формирующих детский рынок труда. Если классический образ «глобального мальчика» — это чернокожий ребенок-солдат с автоматом Калашникова в руках, то иконическая «глобальная девочка» — это изнуренная азиатская малышка-домработница, батрачащая на хозяев за кусок хлеба без оплаты и выходных. Большинство этих вариаций «глобального детства» связаны либо с торговлей детьми, либо с их самостоятельным географическим передвижением. Новые «Маленькие Муки» вынуждены перемещаться на большие расстояния — зачастую самостоятельно, без семьи, родителей или других взрослых. В миграционной науке даже появилось направление исследований, объектом которого являются несовершеннолетние, мигрирующие без сопровождения. Кроме того, дети наряду с женщинами составляют наибольшую демографическую группу среди лиц, насильственно перемещаемых в результате военных конфликтов. Эксперты утверждают, что отсутствие связи между идеалом прав человека и реальным опытом детей-мигрантов имеет для всего мира трагические последствия [49], одним из которых является «убийство детства» [50] как социокультурный феномен эпохи глобализации.

«Homo digitalis» — цифровой кочевник

В социальном пространстве глобального мира расстояние превращается в анахронизм и легко преодолевается посредством новейших информационно-коммуникационных технологий, создающих эффект компрессии пространства и времени [19]. Сегодня человеку нет необходимости пересекать физические границы, чтобы приобщиться к жизни в самом удаленном уголке планеты. Переключаясь с одного телевизионного канала на другой и кочуя по Интернету, он пребывает в роли вечного гостя, нигде не задерживаясь надолго. То есть географическое передвижение перестает быть непременным условием номадизма, более важной становится возможность «перманентной коннективности». Этому способствует возникновение ИКТ, используемых почти половиной населения мира и создающих так называемый «парадокс инверсии юмовских концентрических кругов убывающего сочувствия» [51. Р. 6], в результате которого чувства общности и привязанности, обычно сильнее всего проявляющиеся в ближнем круге общения (семья, друзья, соседи), не ослабевают по мере нарастания дистанции (город, страна, остальной мир) как это бывает в традиционном мире. В условиях «глобальной деревни» они усиливаются, поскольку ИКТ способствуют превращению наиболее отдаленных кругов общения в ближние. Это делает возможным формирование брачных уз без сексуальных отношений и детей, без общего дома, работающего супруга и постоянного партнера и даже без «биологического» тела с его физиологическими потребностями [52]. В результате возникают новые конфигурации семей, отражающие процесс адаптации мобильных индивидов к новым условиям жизни в «глобальном человечнике» [53], а брак становится «метафорой и индикатором глобализации личной жизни» [54. Р. 73].

Беспроводные ИКТ кардинально изменили окружение «Homo digitalis», его быт, межличностные и семейные отношения. Родители позволяют подросткам больше автономии, так как могут контролировать их посредством сотовых телефонов. Отпадает необходимость в офисах, так как работники могут предоставлять руководству результаты своего труда через Интернет. Таким образом, этот тип модальной личности приобретает возможность успешнее сочетать работу и семью, производственную автономию и мобильный, пластичный стиль приватной жизни.

«Homo consúmens» — одномерный человек

Сегодня нередко звучит точка зрения, согласно которой процесс глобализации точнее всего характеризуется как консюмеризм, поскольку современный мир одержим мантрой постоянного экономического роста [26. Р. 5]. Это обеспечивается глобальной мобильностью товаров и услуг. Для завоевания популярности у потребителей продукты и сервис нацелены на возбуждение желания обладать ими, а одной из основных задач в современной индустрии становится удовлетворение самых изысканных прихотей клиентов. В результате возникает порочный круг, в котором

одно желание сменяется другим, выполняя функцию двигателя экономики, а погоня за новыми соблазнами выходит на первый план. Этим глобализация порождает «эффект динозавра» [34], проявляющийся в том, что человечество много и быстро ест, мало думает и медленно реагирует.

В то же время, как отмечает М. Делягин, принципиально новым явлением, порождаемым именно глобализацией, оказывается стимулирование и поддержание маргинального типа потребления, оборачивающегося социальной маргинализацией и последовательным дроблением социума [2]. Глобализация рынков при должном характере продвижения товаров обеспечивает наличие практически любых видов спроса, так что своего потребителя — причем во вполне достаточных количествах — в конечном счете может найти даже самый экзотический и необычный товар. В результате одним из значимых направлений развития бизнеса становится удовлетворение маргинальных потребностей маргинальных элементов различных обществ.

Таким образом, культурная глобализация, со свойственной ей «макдональдизацией мира» [54], обуславливает появление нового типа модальной личности — «Номо consumens», основным вопросом жизни которого является дилемма: «должен ли человек потреблять, чтобы жить, или же он живет, чтобы потреблять?» [19].

Согласно Герберту Маркузе, современное общество массового потребления создает свои ценности, влияет на культуру и контролирует каждого индивида, продуцируя «завуалированный неототалитаризм», навязывающий человеку ложные потребности и делая его рабом собственных прихотей. В этом обществе все люди подчиняются одним и тем же желаниям, поэтому они по сути одинаковы и представляют собой модальный тип «одномерного человека». Для позитивного изменения себя и общества человек должен совершить «Великий Отказ» — изменить направление своих потребностей от эксплуатации природы в сторону гармонии с ней, обратив свои желания и чувства к высокой духовности [55].

Как отмечает Михаил Делягин, в результате смены технологического базиса на основе перехода от индустриальных технологий к постиндустриальным в современном мире драматически меняются даже те параметры общества и действующей в нем личности, которые многие исследователи привыкли считать объективно обусловленными константами [56]. Так, глобализация формирует «новые режимы мобильности» [57], которые оказывают влияние на «социальный характер» современного человека. Эрих Фромм понимал его как ядро структуры характера, общее для большинства представителей одной и той же культуры [58. С. 338]. Как утверждает Т. Панфилова [59], становясь универсальным благодаря глобализационным процессам, участвующий в них современный человек обретает универсальную сущность, а вместе с ней и социально-психологическую однородность, выраженную в соответствующем социальном характере «человека информационного». Активно используя ИКТ в повседневной жизни, этот индивид оторван от ноосферы и является «вдвойне опустошенным» по сравнению с индивидом «рыночного характера». Некоторые авторы определяют этот

социальный характер как «Homo mechanicus» [60]. В данной работе он определяется как «Homo globalis» и рассматривается как тип модальной личности, представленный целым комплексом подвидов, объединенных общим свойством высокой географической мобильности. Эти разновидности «человека глобального» не существуют в чистом виде. Подобно проницаемости географических границ в глобализованном физическом мире, границы между разновидностями модальной личности «Homo globalis» также являются условными, взаимопроникающими и накладывающимися друг на друга. Этим мобильный «глобальный человек» современности отличается от «культурно-исторических типов» доинформационной эпохи.

Литература

1. **Blok A.** Mapping the Super Whale: Towards a Mobile Ethnography of Situated Globalities // *Mobilities*. 2010. Vol. 5. № 4. P. 507–528.
2. **Делягин М.** Мировой кризис. Общая теория глобализации. М.: ИНФРА-М, 2003.
3. **Sheller M., Urry J.** The new mobilities paradigm *Environment and Planning*, 2006. Vol. 38. № 2. P. 281–299.
4. **Hannam K., Sheller M., Urry J.** Editorial. Mobilities, Immobilities and Moorings // *Mobilities*. 2006. № 1. Issue 1. P. 1–22.
5. **Urry J.** *Sociology Beyond Societies. Mobilities for the Twenty-First Century*. L.: Sage, 2000.
6. **Запорожец О.** От манифеста к тексту // *Социологическое обозрение*. 2012. Т. 11. № 3. С. 164–168.
7. **Manderscheid K., Endres M., Mincke Ch.** *Discourses and Ideologies of Mobility*. Aldershot: Ashgate, 2015.
8. **Bergmann S., Sager T.** *The Ethics of Mobilities: Rethinking Place, Exclusion, Freedom and Environment*. L.: Ashgate, 2008.
9. **Cresswell T.** Towards a Politics of Mobility // *Environment and Planning D: Society and Space*. 2010. № 28. P. 17–31.
10. **Squire V.** *The contested politics of mobility*. N. Y.: Routledge, 2012.
11. **D'Andrea A., Ciolfi L., Gray B.** Methodological Challenges and Innovations in Mobilities Research // *Mobilities*. 2011. № 2. Vol. 6. P. 149–160.
12. **Толстокорова А.** Транснациональная и гендерная парадигмы в изучении международной мобильности: на примере Украины // *Социологическое обозрение*. 2013. Т. 12. № 2. С. 98–121.
13. **Бек У.** Власть и ее оппоненты в эпоху глобализма. Новая всемирно-политическая экономия / пер. с нем. А. Григорьева и В. Седельника. М.: Прогресс-Традиция, 2007.
14. **Maslow A. H.** *Toward a psychology of being* / 2nd ed. N. Y.: Van Nostrand Reinhold, 1968.
15. **Venter H., Venter E.** Globalization and the Psychology of the New World Citizen: How the New Global Citizen Compares to Maslow's Level of Self Transcendence // *The International Journal of Interdisciplinary Social Sciences*. 2010. Vol. 5. Issue 7. P. 29–36.
16. **Strenger C.** *The Fear of Insignificance: Searching for Meaning in the Twenty-first Century*. N. Y.: Palgrave-Macmillan, 2010.
17. **Bauman Z.** *Liquid Modernity*. Cambridge: Polity Press, 2000.
18. **Данилевский Н. Я.** *Россия и Европа*. М.: ИЦ «Древнее и современное», 2002.
19. **Bauman Z.** *Globalization: The Human Consequences*. N. Y.: Columbia University Press, 1998.

20. **Inkeles A., Levenson D. J.** National Character: The study of Modal Personality and Sociocultural Systems // *The Handbook of Social Psychology* / C. Lindzey, E. Aronson (eds.). Massachusetts; London; Ontario: Addison-Wesley, 1969. Vol. IV.
21. **Толстокурова А.** Социогуманитарные производные глобализации: гендерный эффект международной миграции и мобильности населения // *Социологическое обозрение*. 2014. Т. 13. № 3. С. 64—88.
22. **Саян С.** Глобализация старости: Новые факторы неравенства государств // *День*. 20.08.2002. — www.day.kiev.ua/ru/article/podrobnosti/globalizaciya-starosti
23. **Chossudovsky M.** *The Globalization of Poverty and the New World Order*. Ontario: Global Outlook, 2003.
24. **Vertovec S.** *The emergence of super-diversity in Britain*. Centre on Migration, Policy and Society. University of Oxford, 2006.
25. **Murphy-Shigematsu S.** *When Half Is Whole: The Multicultural Person, Family, and Society in a Globalized World*. Stanford (CA): Stanford University Press, 2012.
26. **Corneliussen C.** *Homo Sapiens Digitalis*. — <http://strategix.dk/pdf/digitalisuk.pdf>
27. **Лукьяненко В. И., Хабаров М. В., Лукьяненко А. В.** Homo consumens — человек потребляющий // *Век глобализации*. 2009. № 2 (4). С. 149—159.
28. **Tolstokorova A.** Costs and Benefits of Labour Migration for Ukrainian Transnational Families: Connection or Consumption? // *Les cahiers de l'URMIS. Circulation migratoire et insertions économiques précaires en Europe*. 2009. № 12. — <http://urmis.revues.org/index868.html>
29. **Parreñas R. S.** *Children of Global Migration: Transnational Families and Gendered Woes*. Stanford: Stanford University Press, 2005.
30. **Lük D.** Research note: job mobilities and family lives in Europe // *Cosmobilities Newsletter*. 2009. Vol. 4. Issue 1.
31. **Boehm D. A.** *Intimate Migrations. Gender, Family, and Illegality among Transnational Mexicans*. N. Y.: New York University Press, 2012.
32. **Holdsworth C.** *Family and Intimate Mobilities*. N. Y.: Palgrave Macmillan, 2013.
33. WHO. *Poverty and Health Fact Sheet*. Geneva: World Health Organization, 2014. — www.who.int/hdp/poverty/en/
34. **Смогрицкий Е.** Глобализация и люмпенизация: социальные корни преступности // Системный информационно-аналитический центр. 09.11.2001. — http://siac.com.ua/index.php?option=com_content&task=view&id=502&Itemid=44
35. **Fraser N.** Injustice at Intersecting Scales: On «Social Exclusion» and the «Global Poor» // *European Journal of Social Theory*. 2010. № 13(3). P. 363—371.
36. **Standing G.** *The Precariat — The new dangerous class*. L.: Bloomsbury Academic, 2011.
37. Germany accused of «deporting» its elderly: Rising numbers moved to Asia and Eastern Europe because of sky-high care costs // *Daily Mail*. 27.12.2012. — www.dailymail.co.uk/news/article-2253922/
38. **Hoshchild A. R.** *Commercialization of Intimate Life: Notes from home and work*. Berkley; Los Angeles; L.: University of California Press, 2003.
39. **Zlotnik H.** Population Growth and International Migration // *International Migration: Prospects and Policies in a Global Market* / D. S. Massey, E. D. Taylor (eds.). Oxford: Oxford University Press, 2004. P. 15—34.
40. **Lan P. C.** *Global Cinderellas: Migrant Domestic Workers and Newly Rich Employers in Taiwan*. Durham; L.: Duke UP, 2006.
41. 232 million international migrants living abroad worldwide—new UN global migration statistics reveal / United Nations Organization. Press release. 11.09.2013. — <http://esa.un.org/unmigration/wallchart2013.htm>
42. *The New 21st Century Challenge*. UNHCR Global Challenge // United Nation Human Commission for Rights (UNHCR) Displacement. 2012.

43. **Jones A.** A Silent but Mighty River: The Costs of Women's Economic Migration. *Signs // The Journal of Women in Culture and Society*. 2008. Vol. 33. № 4. P. 761—769.
44. Global Report on Trafficking in Persons. *Human Trafficking, A Crime that Shames Us All*. United Nations Office on Drugs and Crime (UNODC), 2008.
45. **Castles S., Miller M. J.** *The Age of Migration*. Basingstock: Palgrave Macmillan, 1998.
46. **Ehrenreich B., Hochschild A. R.** *Global Woman: Nannies, maids and sex workers in the new economy*. L.: Granta Books, 2002.
47. **Maher J. M.** *Reproduction and Care // The Globalization of Motherhood: Deconstructions and reconstructions of biology and care / W. Chavkin, J. M. Maher (eds.)*. Abington; N. Y.: Routledge, 2010. P. 16—30.
48. **Толстокорова А. В.** Любовь по телефону: роль мобильной телефонии в транснациональном материнстве украинских мигранток // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2013. Т. XVI. № 4 (69). С. 142—158.
49. **Bhabha J.** *Child Migration and Human Rights of the Child in a Global Age*. Princeton (NJ): Princeton University Press, 2014.
50. **Wyre R.** *The Murder of Childhood*. L.: Penguin Books Ltd, 1995.
51. **Вебер А. Б.** Современный мир и проблема глобального управления // *Век глобализации*. 2009. № 1. С. 3—15.
52. **Ruspini E.** *Gender, Relationships and Social Change*. Bristol: Policy Press, 2014.
53. **Зиновьев А. А.** *Глобальный человек*. М.: Алгоритм : Эксмо, 2006.
54. **Beck U.** *What is Globalization?* Cambridge: Polity Press, 2000.
55. **Маркузе Г.** *Эрос и цивилизация. Одномерный человек: Исследование идеологии развитого индустриального общества*. М.: АСТ, 2002.
56. **Деягин М.** Чего мы не знаем? // *Свободная Мысль*. 2015. № 1. С. 37—50.
57. **Kesselring S., Vogl G.** *New Mobilities Regimes // New Mobilities Regimes in Art and Social Sciences / S. Witzgall, G. Vogl, S. Kesselring (eds.)*. Aldershot: Ashgate, 2013. P. 17—36.
58. **Фромм Э.** *Здоровое общество // Психоанализ и культура*. М.: Юристъ, 1995.
59. **Панфилова Т. В.** «Информационный человек»: личность в эпоху глобализации // *Мир и Россия на пороге XXI века*. М.: РОССПЭН, 2001. С. 356—362.
60. **Лисовская И. В.** Антропологический аспект глобализации: от Homo consúmens к Homo mechanicus // *Человек в мире социума*. Гродно: ГрГУ им Я. Купала, 2014. С. 120—136. ◆

Индустрия туризма в преодолении кризисных явлений

Опыт Португалии

© Яковлева Н. М.

© Yakovleva N.

Индустрия туризма в преодолении кризисных явлений. Опыт Португалии

Tourist industry in overcoming of crisis situation. Experience of Portugal

Аннотация. Рассмотрена роль туризма в стратегии португальских властей по преодолению последствий мирового кризиса. Выявлено, что туризм наряду с интенсивным развитием промышленного и аграрного секторов и экспортной экспансией явился одним из важнейших факторов улучшения экономической ситуации. Особое внимание уделяется международному туризму. Рассматриваются причины роста отрасли, приводятся статистика валютных поступлений, анализируется состояние российского туризма в Португалию.

Annotation. The article is devoted to research the part of tourism in the strategy to overcome the crisis situation, initiated by the Portuguese government. The author emphasizes that tourism simultaneously with industrial and agricultural sectors became the important factor to improve the economic situation in the country. Special attention is paid to the international tourism. The author explains the causes of branch economic growth, demonstrates the statistics of currency earnings and analyzes the situation of Russian tourism in Portugal.

Ключевые слова. Португалия, кризис, туристическая индустрия, въездной туризм, доходы и расходы, виды и направления, программа развития, Россия.

Key words. Portugal, crisis, tourist industry, inbound tourism, revenues and expenditures, types and directions, development program, Russia.

Российская экономика вступила в затяжную фазу структурного кризиса, выход из которого возможен, среди прочего, за счет развития перспективных, но пока еще недостаточно развитых отраслей народного хозяйства. Одной из таких отраслей является въездной туризм, потенциал которого используется не в полной мере, особенно с учетом имеющихся в России богатейших природных и культурных ресурсов. О том, что туризм может выступать в роли драйвера выхода из кризиса, свидетельствует опыт некоторых европейских стран, экономика которых еще недавно находилась в состоянии, близком к дефолту, — например, Португалии. Меры, принятые правительством этой страны по развитию туристической индустрии, в значительной степени способствовали решению таких острых проблем, как безработица, недоразвитость инфраструктуры, эмиграция молодежи, ухудшение международного имиджа, и в целом — преодолению кризисных явлений. При-

ЯКОВЛЕВА Наиля Магитовна — ведущий научный сотрудник Центра политических исследований Института Латинской Америки РАН, кандидат исторических наук.

мер этого небольшого иберийского государства мог бы быть полезен и для развития отечественных курортных кластеров.

* * *

Португалия, несколько лет назад остававшаяся финансовым ньюсмейкером в самом отрицательном смысле слова, страной, которой предрекали дефолт и утрату суверенитета [1], уступила сегодня эту мало почетную роль другим государствам. Как удалось иберийской стране справиться с постигшим ее экономическим коллапсом, грозившим уничтожить все политические и социальные завоевания послереволюционных лет? Что предприняли власти, чтобы удержать страну от резкого падения уровня благосостояния граждан, от перспективы выхода из Евросоюза? Как удалось отдалить перспективу новой социальной революции популистского толка?

Первоначально португальское правительство, возглавлявшееся лидером социалистов Жозе Сократешом, пыталось решить накопившиеся проблемы собственными силами. Однако реализация трех правительственных антикризисных программ в 2010 году не принесла искомым результатов. По мере углубления кризиса Лиссабону не оставалось ничего другого, как прибегнуть к содействию Евросоюза. В 2011 году Еврокомиссия, МВФ и Европейский центральный банк, получившие в прессе наименование «тройка», заключили с Португалией соглашение об оказании этими кредиторами финансовой помощи в размере 78 миллиардов долларов в обмен на выполнение условий, зафиксированных в Программе экономической и финансовой помощи (Programa de Assistência Económica e Financeira, PAEF), рассчитанной на три года (2011—2014) [2, 3].

Новое правительство во главе с премьер-министром Педру Пассуш Коэлью, старательно выполняя положения подписанного в 2011 году Меморандума о взаимопонимании [4], сумело за счет целенаправленных усилий сократить государственные расходы с 34,1 миллиарда евро в 2011 году до 31 миллиарда в 2013-м с последующим уменьшением в 2014 году до 29,8 миллиарда евро [5. P. 5]. К концу 2013 года португальским властям удалось остановить падение ВВП и перейти к положительной динамике экономического роста, нарастить объемы экспорта и несколько улучшить индикаторы благосостояния населения.

Постепенно страна стала выходить из острой фазы кризиса, что возродило доверие к ней со стороны кредиторов. После оценки состояния экономики Португалии в феврале 2014 года представители «тройки» пришли к выводу, что страна выполняет экономические требования займодавцев. Они отметили, что португальская экономика растет быстрее, чем ожидалось. Португалия восстановила доступ к мировым рынкам капитала в целях самостоятельного финансирования бюджетных нужд. Необходимым условием для выхода на внешние рынки финансирования является финансовая стабилизация. «В течение двух лет нам удалось перейти от ситуации зависимости от внешнего финансирования к облегчению этой тяжелой ноши. Внешний и государственный долг — два наших наиболее уязвимых места, и мы должны ослабить их уязвимость,

чтобы иметь надежду на будущее», — заявлял португальский премьер-министр [6]. К 2014 году страна сумела радикально снизить отрицательное сальдо внешней торговли, выйдя на положительную траекторию, и значительно уменьшить первичный дефицит бюджета, достигнув минимальных значений за последние десятилетия [7].

Переход к более открытой экономике, структурные реформы в обрабатывающих отраслях привели к повышению эффективности хозяйственной деятельности и улучшению конкурентной среды. Интенсификация и диверсификация внешнеторговых связей привели к рекордному увеличению объемов экспорта, которые непрерывно росли последние пять лет (с 37,3 миллиарда евро в 2010 году до 48,2 миллиарда — в 2014-м) [8. Р. 3; 9]. Пусть и небольшие, но позитивные сдвиги по сравнению с провальными результатами 2011—2012 годов позволили властям положительно оценить перспективы развития португальской экономики и прогнозировать в 2015 году скромный хозяйственный рост (до 2 процентов) и снижение уровня безработицы (до 13 процентов) [10].

Не последнюю роль в экономическом восстановлении страны сыграла *туристическая отрасль*, на повышение конкурентоспособности которой наряду с интенсивным развитием промышленного и аграрного секторов, экспортной экспансией и ростом внутреннего потребления сделало ставку в своей антикризисной стратегии нынешнее правительство. «Туристический сектор экономики внес существенный вклад в подъем национальной экономики и сам продемонстрировал положительную динамику роста. Но кроме этого, туризм выполняет важную функцию в деле распространения португальской культуры», — отмечала министр финансов Мария Луиш Албукерке [11].

Португалия, как и любое государство, развивающее туризм, стремится к его максимальной экономической эффективности. В первую очередь это касается международного туризма, преимущественно въездного. *Международный туризм* является активно развивающейся отраслью мировой экономики, приносящей сравнительно быстрые доходы в виде валютных поступлений, обладающей высокой эффективностью долгосрочных инвестиционных вложений и генерирующей массовую занятость, а также одной из самых динамичных отраслей в международной торговле услугами. Цифры впечатляют: в соответствии с докладом Всемирной туристской организации ООН (UNWTO), туризм составляет 9 процентов от объема мирового ВВП, 6 процентов от объема мирового экспорта, 30 процентов от экспорта услуг и обеспечивает работой более 250 миллионов человек [12]. В 2012 году количество туристов во всем мире, выезжавших в другие страны, впервые в истории превысило 1 миллиард (составив 1036 миллионов человек), 6 миллиардов совершили переезды внутри своих стран. В 2013—2014 годах тенденция сохранилась (1138 миллионов в 2014 году, что на 4,7 процента больше, чем в 2013-м) [13].

Туризм — это давно уже не привилегия избранных; он стал массовым явлением, превратился в один из основных способов познания мира, вовлекая в свою орбиту все новые страны и народы, постоянно

предлагая новые направления и формы. Сегодня это высокодоходная отрасль мирового хозяйства. В 2013–2015 годах мировая туриндустрия удерживает высокие темпы роста. По мнению экспертов Всемирного совета по путешествиям и туризму (WTTC), «международный туризм полностью оправдывает долгосрочный прогноз своего развития: среднегодовой темп роста на ближайшие 10 лет запланирован на уровне 3,8 процента. К 2025 году, как ожидается, мировой туризм будет приносить глобальной экономике не менее 11 миллиардов долларов и создаст 357 миллионов рабочих мест. Скорее всего, на протяжении этого времени туризм будет расти опережающими темпами — быстрее, чем глобальная экономика в целом и ведущие ее отрасли в частности» [14].

Туризм — это давно уже не привилегия избранных; он стал массовым явлением, превратился в один из основных способов познания мира, вовлекая в свою орбиту все новые страны и народы, постоянно предлагая новые направления и формы. Сегодня это высокодоходная отрасль мирового хозяйства.

Если тренд к повышению сохранится и после 2015 года, количество иностранных туристов в 2030 году, по предварительным расчетам, достигнет 1,8 миллиарда человек. «В последние годы туризм проявил себя как поразительно устойчивая и жизнеспособная экономическая деятельность и один из ключевых факторов экономического восстановления, генерируя миллиарды долларов в экспортном секторе и способствуя созданию миллионов рабочих мест. Это верно по отношению к турнаправлениям по всему миру, но особенно по отношению к Европе, так как этот регион предпринимает огромные усилия, чтобы преодолеть один из худших экономических периодов в своей истории», — сказал Генеральный секретарь UNWTO Талеб Рифаи, открывая Глобальный форум по туризму в Мадриде [15].

* * *

В Португалии туристическая отрасль находится на подъеме с 2012 года. В то время страна занимала 35-е место в мире по въездному туризму и 28-е — по объему поступлений [16. Р. 18]. По данным министра экономики Антониу Пирешади Лима, в 2012 году на ее долю пришлось 9,5 процента в структуре такого системного экономического индикатора, как ВВП, а также 8 процентов от всех занятых на рынке труда [17].

Поступления от туризма составили около 14 процентов от общего объема португальского экспорта и 45 процентов — от объема экспорта услуг [18. Р. 5]. Несмотря на экономические трудности и необходимость любыми способами сокращать дефицит бюджета, правительству удалось тогда выделить на поддержку усилий турбизнеса 230 миллионов евро из государственного бюджета.

Благодаря этому 2013 год стал наилучшим в отрасли по всем показателям по сравнению с предыдущими годами, а по некоторым даже были побиты исторические рекорды [19]. На долю Португалии пришелся 1 процент мировых поступлений от международного туризма и 2,5 процента — европейских. *Под поступлениями от международного туризма* понимается плата за товары и услуги, произведенная иностранными туристами во время их пребывания в принимающей стране, за исключением прибыли от дополнительной занятости и оплаты международного транспорта. В 2014-м, также весьма успешном для туризма году, страну посетило около 10 миллионов зарубежных гостей, соответственно выросли и поступления от въездного туризма. По этому показателю в 2014 году Португалия заняла 26-е место в мире.

Доходы от туристической отрасли в последние годы растут во всех регионах мира, задействованных в международном обмене такого рода услугами. Но явное лидерство принадлежит европейским странам (см. табл. 1).

Таблица 1

Поступления от международного туризма (млрд евро)

	2012 г.	2013 г.
<i>Весь мир</i>	839,0	873,0
Африка	26,7	25,8
Америка	165,7	172,6
Азия и АТР	256,1	270,3
Европа, всего	353,4	368,4
Португалия	8,6	9,2
Россия	8,4	9,0

Источник: Turismo de Portugal. — www.turismodeportugal.pt/

Туристический бум, наблюдавшийся почти во всех регионах мира, благоприятно сказывался на экономике Португалии, стимулируя ее рост и помогая преодолевать тяжелые последствия кризиса. Увеличение доходов от туризма также сыграло важную роль в модернизации инфраструктуры и диверсификации туристских товаров и услуг, что делало Португалию более привлекательной для элитного сегмента иностранных туристов. Основные доходы приносят туристы из европейских стран, США, а также крупнейших португалоязычных государств — Анголы и Бразилии (см. табл. 2).

Таблица 2

Топ-10 стран по поступлениям от туристов в бюджет Португалии, 2014 год

Страна	Поступления, в процентах
Франция	18,0
Великобритания	16,3
Испания	12,3
Германия	10,4
Ангола	5,6
США	5,4
Бразилия	4,4
Голландия	3,9
Бельгия	2,7
Швейцария	2,5
Все прочие страны мира	24,0

Источник: Os resultados do turismo 2014. — www.turismodeportugal.pt/

С конца 1990-х годов Португалия стабильно входит в Топ-15 европейских стран по количеству поступлений от въездного туризма. В этом своеобразном рейтинге она до 2008 года занимала последнее место, однако с 2009 года опередила такие страны, как Польша, Россия и Швеция [19], что позволяет сделать вывод: кризис дал дополнительный импульс восхождению туристической индустрии и, по сути, превратил ее в один из драйверов антикризисной стратегии.

В последнее десятилетие наблюдается опережающее развитие принимающего (въездного) туризма по сравнению с выездным потоком, что гарантирует получение Португалией стабильного дохода. В период с 2000-го по 2014 год валютные поступления в растущей степени превышали расходы по туризму, демонстрируя позитивную динамику (с незначительными колебаниями в 2003 и 2008 годах). В 2012 году Португалия заняла 6-е место в ЕС по показателю сальдо баланса в туристической отрасли с 5,66 миллиарда евро. В 2014 году положительное сальдо достигло 7,07 миллиарда евро (см. табл. 3).

Таблица 3

Сальдо туристической отрасли в 2000–2013 годах (млрд евро)

Показатель	2000	2005	2009	2010	2011	2012	2013	2014
Поступления	5,72	6,20	6,91	7,60	8,15	8,61	9,25	10,39
Расходы	2,42	2,45	2,71	2,95	2,97	2,95	3,12	3,32
Сальдо	3,30	3,75	4,20	4,65	5,18	5,66	6,13	7,07

Источники: Banco de Portugal. — www.bportugal.pt/; INE. — <http://www.ine.pt/>; Turismo de Portugal. — www.turismodeportugal.pt/

Устойчивые доходы от туризма в Португалии объясняются в первую очередь стабильной политической ситуацией, безопасностью пребывания, благоприятным мягким климатом, гостеприимством местных жителей, обилием исторических памятников (в том числе относящихся к объектам Всемирного наследия ЮНЕСКО), хорошо развитой транспортной сетью, прекрасной кухней, комфортными отелями, привлекательными программами развлечений, высоким уровнем турсервиса и конкурентоспособными ценами. Природные ресурсы Португалии по-своему уникальны. 23 процента ее территории составляют парки и национальные заповедники с разнообразной флорой и фауной, в регионе Алгарви и пригородах Лиссабона расположены поля для гольфа международного уровня¹, на юге — большое количество экологически чистых пляжей с белым песком, награжденных сертификатом качества «Голубой флаг»². Страна располагает разветвленной системой средств размещения (всего 2,05 тысячи единиц): только гостиничный фонд включает 1120 отелей разного класса, в том числе 96 пятизвездочных и более 300 в каждой из следующих категорий (4*, 3* и 2—1*) [21].

Совокупность перечисленных факторов позволяет причислить Португалию к ряду перспективных туристических рынков, доходность которых, судя по имеющимся трендам, со временем будет возрастать. В рейтинге Мирового экономического форума, ранжирующем 140 стран мира по конкурентоспособности туристического сектора (The Travel & Tourism Competitiveness Index, TTCI), Португалия занимала в 2013 году высокое 20-е место в мире и 13-е из 42-х в Европе [22. Р. XVI].

Подавляющее большинство гостей прибывает в Португалию из других европейских стран—поставщиков туристов: Великобритании (17 процентов в общем количестве зарубежных гостей), Германии (10,6), Испании (15,5), Франции (10,7 процента). При этом 74,8 процента ночевки иностранных туристов приходилось на Великобританию, Германию, Францию, Голландию, Бразилию, Ирландию и Италию [23. Р. 2].

86 процентов от общего числа иностранных туристов проводят время в четырех регионах: Лиссабоне (24,1 процента), Алгарви, курортном регионе на юге страны (35,5), на о. Мадейра (14,3) и на севере (11,8 процента). При этом Алгарви и Мадейра привлекают больше англичан, испанцы предпочитают столицу и район Алентежу, а голландцы и немцы особенно любят посещать Азоры. Португалия занимает место в третьем десятке стран мира по объему поступлений от туризма в бюджет.

¹ Всего в Португалии насчитывается около 100 полей для гольфа. Гольф-поля на 18 и 27 лунок в зоне Синтры и Эшторила считаются одними из лучших в стране, некоторые входят в Топ-100 мирового рейтинга гольф-полей. Знаменитый курорт Алгарви с 30 полями дважды признавался лучшим местом в мире для игры в гольф. Подавляющее большинство гольф-полей являются уникальными шедеврами ландшафтного дизайна, совместным творением известных архитекторов, технологов, дизайнеров. Преобладают поля класса Links, которые характеризуются наличием множества песчаных дюн и обычно расположены на морском побережье.

² «Голубой флаг» — сертификат качества пляжей, ежегодно присуждаемый Фондом экологического образования (см. Blue Flag Program. — <http://www.blueflag.org/>). В 2014 году в Португалии им были отмечены 298 пляжей — на 106 больше, чем в 2008-м (см. www.blueflag.org/; www.turismo-deportugal.pt/).

В 2012—2013 годах среди иностранных туристов было 147,1 и 169,7 тысячи россиян, соответственно. Это немного, учитывая, что количество прибытий наших сограждан в соседнюю Испанию превышает 1 миллион в год. Но больше, чем в предыдущие годы. Российские туристы принесли в 2014 году Португалии доход в размере 95,2 миллиона евро (в 8 раз больше, чем в 2005-м).

Потенциал для увеличения туристических потоков из РФ огромен. Данные подтверждают наличие устойчивого интереса россиян к этому направлению в последнее время. В 2009—2013 годах поток туристов из России вырос почти на 180 процентов, что позволило нашей стране подняться с 22-го на 17-е место среди других направляющих стран. При этом в 2014 году россияне истратили на свое пребывание в 2,75 раза больше, чем в 2009-м. Количество россиян, посетивших Португалию в 2014 году, несколько снизилось (на 12 процентов), но при этом они израсходовали больше средств, чем в предыдущие годы.

Несмотря на заметный прирост числа российских туристов и увеличение поступлений от их пребывания, эти суммы несопоставимы с доходами, которые приносят португальской казне Франция, Великобритания, Германия и Испания. До настоящего времени Португалия занимала скромное место в списке наиболее предпочтительных для россиян зарубежных направлений [24]. Главными конкурентами португальского рынка туристических услуг являются средиземноморские страны — Франция, Испания, Италия, Турция, Греция, Хорватия, Египет, Марокко, Тунис.

* * *

Помимо прямых финансовых поступлений, туристическая отрасль в значительных масштабах генерирует рабочие места, что особенно важно в годы кризиса и роста безработицы. Чем стабильнее и плотнее въездной туристский поток, тем выше потребность в обслуживающем персонале. По мере развития ресторанного бизнеса, строительства новых отелей, объектов отдыха и развлечений растет спрос на квалифицированные кадры, возникает необходимость в их профессиональной подготовке и обучении. В результате открываются подготовительные курсы, школы отельеров и рестораторов, увеличивается количество экскурсоводов и переводчиков, повышенным спросом пользуется персонал, обслуживающий туристов, прибывающих на пляжный и водный отдых.

С появлением новых видов рекреации и отдыха к работе привлекаются все более разнообразные специалисты — медики, спортсмены и т. д. В то же время специфика отрасли позволяет найти первую работу молодым людям, не имеющим специального образования, или студентам, существенно облегчает их вход на рынок труда, прививает навыки общения, дает ценную языковую практику. Это особенно важно в условиях высокого процента безработицы именно среди молодежи, больше других слоев населения пострадавшей от последствий кризиса.

Можно констатировать, что количество занятых в туризме за последнее десятилетие имело тенденцию к росту. Если в 2000 году в общей численности экономически активного населения Португалии удельный вес прямой занятости в индустрии туризма составлял 6,5 процента, а с учетом косвенной занятости — 17,6 процента, то в 2013 году — уже 7 и 18,6 процента, соответственно [18. Р. 4]. В 2013 году в отрасли было непосредственно занято 400 тысяч человек. В текущем году более 80 процентов компаний, работающих в сфере туризма и отдыха, готовы нанять новый персонал; особенно востребованными будут специалисты в цифровом маркетинге, в области управления доходами, таможенного управления взаимоотношениями с клиентами. Уровень требований к традиционным профессиям (шеф-повар, сомелье, горничные, сотрудники стойки регистрации) возрастет, так как ставка делается на повышение качества обслуживания. По данным исследования «Новые рынки труда и новые профессии», реализованного Консорциумом большей занятости Португалии, именно туризм вкупе с медициной, информационными технологиями и «зеленой экономикой» способен сгенерировать наибольшее число рабочих мест. Уже к 2025 году в отрасли будут созданы 160 тысяч рабочих мест, из которых 54 процента потребуют от кандидата наличия среднего и высшего образования [25].

С целью повышения доходности и конкурентоспособности туристической отрасли, являющейся стратегической сферой посткризисного восстановительного периода национальной экономики, создания новых рабочих мест в начале 2013 года правительство Португалии разработало и после публичных консультаций утвердило трехлетний Национальный стратегический план по развитию туризма (PENT) [26], призванный заменить предыдущий план, принятый в 2007 году правительством социалистов под руководством премьер-министра Ж. Сократеша. Нынешний коалиционный кабинет, сформированный в 2011 году Социал-демократической и Народной партиями, обосновал необходимость принятия новой программы развития отрасли тем обстоятельством, что старый план остался невыполненным по причине «излишней амбициозности и нереалистичности» [27].

Инициатором курса на интенсивное развитие туризма в этом правительстве был известный португальский экономист, профессор Университета Саймона Фрейзера (Канада) Алвару Сантуш Перейра, приглашенный в 2011 году премьер-министром П. Пассуш Коэлью на пост министра экономики. Масштабность нового плана объяснялась претензиями этого эксперта превратить Португалию в «европейскую Флориду», повысить ее туристическую привлекательность для граждан большего числа регионов, найти способ выделиться на этом высококонкурентном рынке. Другие экономические идеи А. Сантуш Перейры оказались излишне праволиберальными для португальцев — и в 2013 году он был отправлен в отставку. Но стратегический план по развитию туризма в Португалии остался в арсенале исполнительной власти.

Для координации действий по выполнению плана была создана Комиссия стратегического планирования в сфере туризма во главе с пре-

мьер-министром П. Пассуш Коэлью. PENT состоит из восьми программ развития различных форм туризма, сорока конкретных проектов, содержит ряд целевых индикаторов. Три приоритетные программы нацелены на активизацию продаж курортной и прочей недвижимости (Португалия входит в десятку стран мира с наибольшей долей проданного иностранцам жилья), а также на развитие оздоровительно-лечебного (включая новое модное направление — велнес-туризм, или туризм здорового образа жизни), морского (круизы) и спортивного (водные виды спорта и гольф-направление) туризма.

Другие программы направлены на стимулирование следующих форм: культового (религиозного), экскурсионного, делового, природного (в том числе экотуризма), гастрономического, пляжного, водного, спа-туризма. Усиление позиций экологического туризма связано с attractiveness этого вида отдыха у туристов из других стран ЕС — традиционных поставщиков туристов на Иберийский полуостров и наличием в Португалии достаточных природных рекреационных ресурсов³, обеспечивающих относительно высокую рентабельность туристического бизнеса.

Что касается стратегии правительства относительно других направляющих стран, то здесь была поставлена задача диверсифицировать рынки, которым может быть предложен португальский туристский продукт, и определены три большие группы новых партнеров. В первую группу вошли скандинавские страны — Норвегия, Швеция, а также страны Восточной Европы — Россия, Польша, Венгрия и Чехия. Во вторую — крупнейшие государства американского континента: Бразилия, США, Канада. В третьей группе — формирующиеся рынки Азии, в первую очередь Китай и Индия. Правительство ставит целью придать отношениям с этими потенциальными потребителями португальского турпродукта большой динамизм. Как вытекает из PENT, власти Португалии включают российский сегмент туристического рынка в разряд наиболее перспективных и доходных направлений, а туристов из РФ рассматривают как контингент с высокой покупательной способностью⁴, обладающий возможностью освоить полный набор предлагаемых услуг, включая элитный продукт, ощутимо пополнить валютными поступлениями национальный бюджет страны, содействуя, таким образом, ее выходу из затянувшегося финансово-экономического кризиса. В правительственной программе «Возрождение Португалии» туризм назван одним из главных кластеров экспорта услуг и инвестиционных программ [28].

Дополнительный импульс развитию отрасли может дать новая, принятая в 2014 году в рамках общей программы «Portugal 2020» програм-

³ Рекреационные ресурсы — совокупность природных или искусственно созданных объектов, пригодных для формирования туристического продукта.

⁴ Российские граждане вложили в недвижимость за рубежом, в первую очередь в Европе, не один миллиард евро, и португальские власти, по-видимому, рассчитывают привлечь их внимание к предложениям португальского рынка для приобретения жилья в собственность или его аренды (программа «второй дом»).

ма «Turismo 2020» [29], на финансирование которой планируется потратить часть средств, полученных из структурных и других целевых фондов ЕС. Инвестиции пойдут на обустройство наименее развитых районов, особое внимание будет уделяться устранению «слабых мест» и внедрению всевозможных инноваций. План определяет участников, цели, стратегию развития и параметры финансирования туристической индустрии.

Сегодня трудно сказать, насколько успешно будут реализованы все эти многочисленные планы по развитию отрасли, однако необходимо признать, что потенциал туристического сектора экономики настолько высок, что Португалия способна конкурировать не только со средиземноморскими, но и с другими популярными направлениями международного туризма. Правительство ставит конкретные амбициозные цели, достижение которых может и в самом деле превратить эту иберийскую страну в «европейскую Флориду» к 2020 году.

Литература

1. Яковлева Н. Португальская экономика в кризисном пике // Свободная Мысль. 2013. № 3. С. 49–62.
2. Yákovleva N. Portugal: consecuencias socio-políticas de la crisis económica // Iberoamérica. 2012. № 1. P. 101–104.
3. Португалия: эпоха перемен / отв. ред. Н. М. Яковлева. М.: ИЛА РАН, 2014.
4. Memorando de entendimento sobre as condicionalidades de política económica. 17 de Mayo de 2011. — https://infoeuropa.euroid.pt/opac/?func=service&doc_library=CIE01&doc_number=000046743&line_number=0001&func_code=WEB-FULL&service_type=MEDIA
5. Agência para Investimento y Comércio Externo de Portugal. AICEP Portugal Global // Portugal — Ficha País. 2013. Dezembro.
6. Intervenção de Primeiro-Ministro na sessão de encerramento da II Cimeira de Turismo Português «Algarve — Construir el Futuro». 22 de novembro de 2013. — www.portugal.gov.pt/
7. A evolução da despesa do Estado entre 2010 e 2015. — www.portugal.gov.pt/
8. Exportações em Portugal. — www.portugal.gov.pt/
9. Estatísticas do Comercio Internacional. 09.02.2015. — www.ine.pt/
10. Cavaco prevê crescimento de 2% da economia em 2015, acima da expectativa de Passos. — www.publico.pt/ (16.03.2015).
11. Intervenção da Ministra de Estado e das Finanças. 26.03.2015. — www.portugal.gov.pt/
12. World Tourism Organization (UNWTO). 2014. — <http://www2.unwto.org/content/why-tourism>
13. World Tourism Organization (UNWTO). 2015. International tourists arrivals 2014. — http://dtx-tq4w60xqpw.cloudfront.net/sites/all/files/pdf/ita_2014_nominal_jan_2015_en.pdf
14. RATANews. Электронная газета Российского союза туриндустрии. 31.03.2015. — www.ratanews.ru/news/news_31032015_4.stm
15. World Tourism Organization (UNWTO). Press Release. PR № 15006. Madrid, 27.01.2015. — <http://media.unwto.org/ru/press-release/2015-01-28/bolee-11-milliarda-turistov-puteshestvovali-za-rubezh-v-2014-g>
16. Estatísticas do Turismo — 2012. Edição de 2013. Lisboa: Instituto Nacional de Estatística, I.P., 2013.

17. II Cimeira da Confederação do Turismo Português «Algarve: construir el futuro!» // Algarve News Magazine. 15.11.2013. — <http://www.algarlife.com/ii-cimeira-do-turismo-algarve-construir-o-futuro/>
18. Desafíos do turismo em Portugal 2014. — www.pwc.pt/pt_PT/pt/publicacoes/imagens/2014/pwc_desafios_do_turismo.pdf
19. Intervenção de Primer-Ministro na conferencia The Lisbon Summit. «A perspectiva de crescimento económico e reforma», 18 Fevereiro 2014. — www.portugal.gov.pt/media/1345044/20140218%20pm%20economist.pdf
20. Receitas Internacionais de Turismo. Top-15/Europa. — www.turismodeportugal.pt/Português/Pro-Turismo/
21. Turismo de Portugal. Cuadros estatísticos. Establecimientos. — www.turismodeportugal.pt/
22. World Economic Forum. The Travel & Tourism Competitiveness Report 2013. The Travel & Tourism Competitiveness Index 2013. — www3.weforum.org/docs/TTCR/2013/
23. Turismo em números. 2014—2015. — www.turismodeportugal.pt/
24. Turismo de Portugal. Mercado em Ficha. Rússia. — www.turismodeportugal.pt/
25. Consórcio Maior Empregabilidade. Estudo «Novos Mercados de Trabalho e Novas Profissões». — <http://economico.sapo.pt/noticias/nprint/208158>
26. O Plano Estratégico Nacional do Turismo (PENT). Horizonte 2013—2015. Resolução do Conselho de Ministros Nº 24/2013, de 16 de Abril. Governo de Portugal. Ministério da Economia e do Emprego. — www.portugal.gov.pt/pt/os-ministerios/ministerio-da-economia-e-do-emprego/mantenha-se-atualizado/20130402-mee-novo-plano-turismo.aspx
27. Público. 02.04.2013.
28. A retoma de Portugal. Governo de Portugal. Ministério da Economia. — www.portugal.gov.pt/media/1285139/20140102%20me%20apres%20economia.pdf
29. Turismo 2020. Plano de ação para o desenvolvimento do turismo em Portugal. — http://turismo2020.turismodeportugal.pt/fotos/editor2/documentos/Turismo2020_PLANO_DE_ACAO.pdf ◆

Исполнившие интернациональный долг

Образ «афганца» в советских средствах
массовой информации

© Авдонина Н. С.

© Avdonina N.

**Исполнившие интернациональный долг. Образ «афганца»
в советских средствах массовой информации**

Have followed the international duty.

The image of the “Afghans” in Soviet mass media

Аннотация. Проанализировано изменение нарратива о солдатах и ветеранах, прослежено взаимопроникновение политического и массмедийного дискурсов о войне в Афганистане (1979–1989). В течение пяти лет «неизвестные» солдаты участвовали в «неизвестной» войне и получили доступ к публичному дискурсу после 1986 года. С этого времени началось «открытие войны» для общества. Риторика СМИ в отношении героев конфликта адаптировалась к политическому дискурсу: критически оценивая политическое решение ввести войска, не допустить развенчания понятия «воинский долг».

Annotation. The article reviews the dynamic of narrative related to soldiers and veterans, and intermingling of political and mass media discourses about the war in Afghanistan (1979–1989). “Unknown” soldiers had been fighting ‘an unknown’ war for five years, and got an access to the public discourse after 1986. The war was being opened to society. Media rhetoric related to soldiers was being adopted to the political discourse: keeping balance between critical assessment of the decision on sending troops to Afghanistan and the concept “soldier’s duty”.

Ключевые слова. Война в Афганистане (1979–1989), журналистика, теория журналистики, public relations, идеология, пропаганда, риторика войны, воинский долг, дискурс войны, СМИ.

Key words. War in Afghanistan (1979–1989), journalism, theory of journalism, public relations, ideology, propaganda, war rhetoric, soldier’s duty, discourse of war, mass media.

Война в Афганистане: политический и массмедийный дискурсы

С 1979-го по 1989 год СССР оказывал «интернациональную помощь» («срочную политическую, материальную, экономическую помощь, включая военную» [1]) Демократической Республике Афганистан (ДРА). За это время погибло 15 051 человек, в том числе 287 пропали без вести; 417 военнослужащих попали в плен; были освобождены и вернулись на Родину 130 человек [2. С. 438].

Слово «герой» во всех европейских языках является производным от древнегреческого ἥρως (герой, воин), что буквально означает «защитник» или «заступник» [3. Р. 186]. Греческие мифы являются образцом классических повествований о героях, которые неизменно мужественны, силь-

ны и совершают подвиги во имя благой цели. По мнению Карла Густава Юнга, архетип героя существует с незапамятных времен. «Универсальный миф о герое относится к человеку-богатырю или богочеловеку, который побеждает зло в виде драконов, змей, монстров, демонов и так далее и который освобождает свой народ от смерти и разрушения» [4. С. 88]. Для создания образа справедливой войны и объединения людей вокруг флага власти используют архетип воина-защитника и заступника. Ниже автор попытается рассмотреть формы репрезентации образов участников войны в Афганистане и ветеранов-«афганцев» в советский период и проанализировать степень, в которой эти формы были обусловлены принципами репрезентации образа конфликта в советских СМИ, в свою очередь, естественно, подчинявшихся политической логике.

Эмпирической базой исследования стали центральные газеты «Правда» и «Комсомольская правда», журнал «Огонек», а также областная газета «Правда Севера» (Архангельск). Было изучено 242 материала, относящихся к периоду 1979—1989 годов. Выбор конкретных изданий обусловлен прежде всего масштабом их влияния на общественное мнение страны и региона. Восприятие новостей аудиторией прямо зависит от свойственных ей «предыдущих оценок и идеологий (разделяемых с другими членами группы), и от их собственного опыта» [5. С. 34]. Мы полагаем, что освещение войны в Афганистане прошло два крупных этапа: от замалчивания до «открытия обществу». На первом этапе (1979—1985) упоминания о солдатах, участвовавших в боевых действиях в Афганистане, были дозированными и в основном содержались в информационных материалах [6]. С провозглашением гласности СМИ стали печатать материалы в разных жанрах о воинах-интернационалистах; одновременно начался процесс вывода войск: в июле 1986 года из Афганистана вернулись 8 тысяч военнослужащих.

Проводимое исследование дает возможность определить, как изменялся массмедийный нарратив о солдатах и ветеранах войны. Советские СМИ зависели от государства и даже в период перестройки освещали войну в Афганистане с позиций, удобных для новой власти и «нового политического мышления». В данном случае мы можем говорить в терминах Тена ван Дейка о «злоупотреблении властью» как советскими политиками, так и советскими СМИ [5]. Журналисты испытывают на себе «злоупотребление властью» политических лидеров, но при этом, сами являясь частью властной элиты, подавляют свободу критического мышления аудитории.

Проведенный критический анализ центральных и региональных СМИ позволяет увидеть динамику адаптирующейся к политическому дискурсу массмедийной риторики в отношении участников войны. Особенно важной тенденцией в перестроечное время было не допустить развенчания «воинского долга» и образа «героя войны».

«Спрятанная война» в Афганистане (1979—1985)

Решение о военной поддержке афганских властей должно было быть максимально взвешенным. С одной стороны, руководство СССР осознавало, что прямая военная помощь ДРА будет воспринята миро-

вым общественным мнением как вторжение, оккупация. Как говорил А. Н. Косыгин в телефонном разговоре с афганским руководителем Н. М. Тараки 18 марта 1979 года в ответ на просьбу последнего отправить войска в Кабул, в случае положительного ответа «все начнут кричать, что началась интервенция в Афганистане со стороны Советского Союза» [7. С. 170].

Участники заседания Политбюро 17 марта 1979 года пришли к общему мнению: официальная власть в Афганистане не пользуется значительной общественной поддержкой, и афганский народ в обозримом будущем может перейти на сторону мятежников. Секретарь ЦК КПСС А. П. Кириленко предупреждал: «Возникает вопрос, с кем же будут воевать наши войска, если мы их туда пошлем. С мятежниками, а к мятежникам присоединилось большое количество религиозников, это мусульмане. А среди них большое количество простого народа. Таким образом, нам придется в значительной степени воевать с народом» [8. С. 26].

С другой стороны, Иранская революция 1979 года воспринималась как возможный катализатор подобных событий в других восточных странах и особенно азиатских республиках СССР («теория домино» в трактовке Советской власти): «Обстановка в Демократической Республике Афганистан продолжает осложняться. Действия мятежных племен приобретают более широкий и организованный характер. Реакционное духовенство усиливает антиправительственную и антисоветскую агитацию, широко проповедуя при этом идею создания в ДРА “свободной исламской республики” по подобию иранской» [9].

На протяжении 1979 года правительство ДРА двенадцать раз обращалось к советским властям с просьбой направить войска для поддержки «завоеваний Апрельской революции». 5 декабря 1978 года между СССР и ДРА был заключен Договор о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве. Особое значение имела статья 4 о взаимных обязательствах сторон «предпринимать соответствующие меры в целях обеспечения безопасности, независимости и территориальной целостности» [10. С. 278]. Именно на эту статью ссылались власти СССР и Афганистана как на правовую основу ввода ограниченного контингента.

В октябре—декабре 1979 года произошли события, убедившие советское руководство пойти навстречу афганскому правительству. 8 октября в Афганистане произошел государственный переворот, был убит Генеральный секретарь ЦК НДПА Нур Мохаммад Тараки, к власти пришел Хафизулла Амин, который, как полагали в Кремле, начал сближение с Вашингтоном. 12 декабря в Брюсселе министры иностранных дел и обороны стран НАТО приняли решение о размещении в Западной Европе новых ракет средней дальности «Круз» и «Першинг-2», которые, как считали советские лидеры, могли легко поразить территорию СССР [2. С. 430].

Решение о вводе советских войск было принято 12 декабря 1979 года на встрече Л. И. Брежнева с Ю. В. Андроповым, Д. Ф. Устиновым, А. А. Громыко и К. У. Черненко — пятью членами Политбюро из двенадцати. Пер-

вые советские части пересекли границу 25 декабря 1979 года; а 27 декабря Политбюро приняло документ «О наших шагах в связи с развитием обстановки вокруг Афганистана», где, помимо прочего, утвердило проект сообщения ТАСС и приветственную телеграмму Председателю Революционного Совета, Генеральному секретарю ЦК НДПА Бабраку Кармалю [7. С. 392].

Участие советских войск в войне в Афганистане историки разделяют на четыре этапа:

1) декабрь 1979-го — февраль 1980 года: ввод основного состава 40-й армии;

2) март 1980-го — апрель 1985 года: участие в боевых действиях против вооруженной оппозиции, оказание помощи в реорганизации и укреплении вооруженных сил ДРА;

3) май 1985-го — декабрь 1986 года: постепенный переход от активных боевых действий к поддержке операций, проводимых силами народной армии ДРА. Частичный вывод ОКСВ;

4) январь 1987-го — февраль 1989 года: участие в проведении политики национального примирения, планирование и проведение полного вывода ОКСВ с территории Афганистана [2. С. 433].

В период войны в Афганистане информационная политика советского руководства была четко *спланирована*. Политическая коммуникация представляла односторонний и вертикальный процесс, в котором власти принадлежит исключительное право выбирать темы и посредством СМИ внедрять их в массовое сознание. 27 декабря 1979 года Политбюро приняло постановление «О пропагандистском обеспечении нашей акции в отношении Афганистана» — по сути, это была программа для СМИ. В документе говорилось, что нужно ссылаться на «обращение афганского руководства к Советскому Союзу с просьбой о военной помощи», советско-афганский Договор о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве и статью 51 Устава ООН о праве на индивидуальную или коллективную самооборону [7. С. 393—394].

Главным тезисом становились слова: «осуществленное по просьбе афганского руководства направление в Афганистан ограниченных советских воинских контингентов служит одной цели — оказанию народу и правительству Афганистана помощи и содействия в борьбе против внешней агрессии». Дополнительные аргументы для удовлетворения просьбы афганского руководства — «акты внешней агрессии», «нарастающее вмешательство извне во внутренние афганские дела», «возникла угроза для завоеваний Апрельской революции, для суверенитета и независимости нового Афганистана» [7. С. 393—394].

Роль СССР сводилась только к «оказанию помощи и содействию в ограждении суверенитета и независимости дружественного Афганистана перед лицом внешней агрессии», СССР «не имел и не имеет никакого отношения к изменениям в руководстве Афганистана». ОКСВ будет выведен, как только «агрессия прекратится, угроза суверенитету и независимости афганского государства отпадет» [7. С. 393—394].

29 декабря 1979 года в «Правде», «Комсомольской правде» и «Правде Севера» было опубликовано «Обращение правительства Афганистана». Одновременно «Правда» опубликовала статью «К событиям в Афганистане», где говорилось о «стратегической дуге, которую американцы десятилетиями строили вблизи южных границ Советского Союза», о планах США превратить Афганистан в плацдарм для подготовки империалистической агрессии против СССР, в связи с чем в Афганистан был направлен ограниченный советский воинский контингент [11]. Из этого текста читатель мог сделать вывод, что США готовятся к открытым военным действиям против Советского Союза, предотвратить которые должно было присутствие ОКСВ в Афганистане. Другими словами, решение оказать всестороннюю помощь было необходимым и неизбежным. Ни о каких боевых задачах советского контингента в материале не упоминалось.

13 января 1980 года газета «Правда» опубликовала интервью с Генеральным секретарем ЦК КПСС Л. И. Брежневым о внешней политике СССР в Афганистане. Брежнев объяснил, во-первых, почему правительство ДРА обратилось к СССР за помощью: «...увеличивается помощь тем элементам, которые вторгаются в Афганистан, совершают агрессивные действия против законной власти» [12]. Во-вторых, советский лидер указывал на обязательства СССР по Договору о дружбе, из чего следовало, что положительный ответ на просьбу о всесторонней помощи в условиях гражданской войны и внешнего вмешательства являлся исполнением этого долга. Речь генсека легитимировала ввод ОКСВ в Афганистан: «единственная задача, поставленная перед советскими контингентами, — содействие афганцам в отражении агрессии извне». В-третьих, советский лидер ориентировал общественность на общие цели — не допустить возникновения «очага серьезной угрозы безопасности Советского государства». В-четвертых, Брежнев апеллировал к неотъемлемым для СССР ценностям — «слова не расходятся с делом» и солидарность.

Использование поясняющей риторики в обстановке вооруженного конфликта способствует созданию положительного имиджа государства в целом и политических лидеров в частности. Перед советским руководством стояла задача в сфере публичного обсуждения не защищать, а обосновывать интернациональную помощь ДРА. В последующем исследуемые СМИ следовали заданным в брежневском интервью маякам, выполняя функции резонера, прямо выражая идеи и морально-этические взгляды правительства.

В январе 1980 года «Правда», «Комсомольская правда», «Огонек» и «Правда Севера» публиковали сообщения, повторявшие основные тезисы постановления «О пропагандистском обеспечении нашей акции в отношении Афганистана»: «правительство ДРА обратилось к СССР с просьбой об оказании срочной политической, моральной, экономической помощи, включая военную помощь»; «провалились планы превращения этой страны в антисоветский военный плацдарм, в опорный пункт политики США в этом регионе» [13, 14]; «Апрельская революция 1978 года, свершенная афганским народом, получила свое дальнейшее логическое развитие. Свергнут кровавый диктаторский режим Хафизул-

лы Амина и его приспешников... В самом конце прошлого года народы наших стран отметили первую годовщину подписания Договора о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве между СССР и НДПА... Вот почему, когда над Афганистаном нависла прямая угроза вооруженного вмешательства извне, он прежде всего обратился с настоятельной просьбой к СССР об оказании срочной политической, материальной, экономической помощи, включая военную» [1].

Как видим, в процитированных текстах не комментируются и не раскрываются детали решения ввести войска, а именно: сколько воинских частей было отправлено в Афганистан, с какой целью, в каких операциях они уже участвовали и будут участвовать. В статье «Торжество революции» используется страдательный залог «свергнут кровавый диктаторский режим Хафизуллы Амина», что оставляло в тени сам факт проведения операции «Шторм-333» — кодовое название штурма дворца Амина. Читатели не имели понятия, кто, когда, при каких обстоятельствах и с какой целью сверг правящий режим.

Использование поясняющей риторики в обстановке вооруженного конфликта способствует созданию положительного имиджа государства в целом и политических лидеров в частности. Перед советским руководством стояла задача в сфере публичного обсуждения не защищать, а обосновывать интернациональную помощь ДРА.

Риторика изучаемых изданий имела явный символический подтекст борьбы добра со злом. Журналистские клише формировали прочные стереотипы мирового жандарма (США) и главного оплота мира (СССР), революционеров-трудящихся (ДРА) и контрреволюционеров-эксплуататоров (моджахеды). Война в Афганистане освещалась в контексте «холодной войны». Из новостей, особенностей подачи материалов следовало, что конфликт в Афганистане не являлся событием внешней политики СССР, но всегда оставался внутренним делом афганского народа. Эта мысль подтверждается и названиями рубрик, под которыми публиковалась информация о войне: «Мир», «Мир: хроника и проблемы», «Мир восьмидесятых» («Комсомольская правда»); «Международная информация» («Правда»); «Колонка международного публициста», «США: география вмешательства» («Огонек»).

Диаграмма (см. рис. 1) показывает в процентном отношении распределение тематических доминант «война в ДРА» и «военная помощь» в текстах исследуемых СМИ. С 1979-го по 1985 год основными героями войны выступали народная армия ДРА и милиция, различные афган-

ские организации и народ, то есть война в Афганистане была прежде всего гражданской войной ДРА. В подтверждение этому тезису приведем статью «Кому выгодна эта ложь?», где говорилось, что советские войска «выполняют роль резерва», «основную тяжесть войны несет на себе афганская армия» [15].

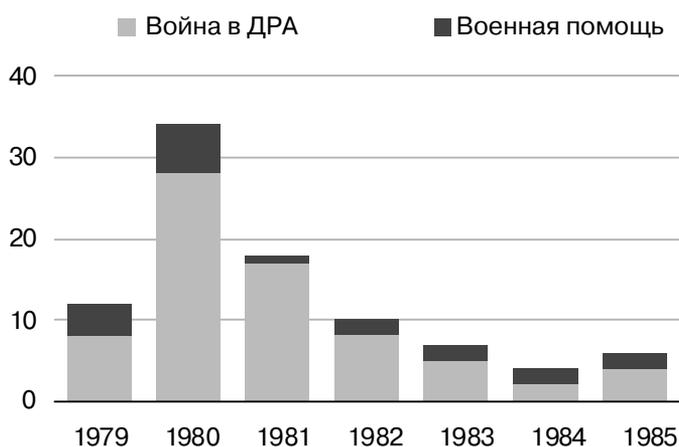

Рисунок 1. Тематические доминанты: 1979–1985 годы

Из 130 материалов за первый период нет ни одного, где бы заголовки указывали на роль советских контингентов в войне: 50 заголовков сообщали тему войны, которую ведет Афганистан; 35 текстов раскрывали тему внешней агрессии и врагов Афганистана; 23 материала были посвящены «нормализации обстановки в Афганистане»; 22 — рассказывали о роли Советского Союза. Во всех заголовках к материалам о «необъявленной войне» в ДРА основным субъектом является Афганистан. Вот ряд характерных примеров: «Афганистан: народ на страже» («Огонек». 25.08.1979); «Кабул сегодня» («Комсомольская правда». 03.01.1980), «Пульс столицы» («Комсомольская правда». 11.01.1980), «Необъявленная война против Афганистана» («Правда». 05.02.1980), «Афганистан в борьбе за новую жизнь» («Огонек». 09.02.1980), «Афганистан: пламя борьбы, пламя свободы» («Огонек». 26.04.1980), «Афганистан: путь к прогрессу» («Огонек». 09.08.1980), «Афганская революция на новом этапе» («Правда Севера». 06.01.1980), «Кто направляет агрессию против Афганистана» («Правда Севера». 08.01.1980), «Вокруг событий в Афганистане» («Правда Севера». 11.01.1980), «В защиту афганской революции» («Правда Севера». 16.01.1980), «Корчагинцы Афганистана» («Комсомольская правда». 10.07.1981), «В сражающемся Афганистане» («Огонек». 01.04.1982), «Афганистан сегодня» («Правда Севера». 13.10.1982), «Афганистан борется, Афганистан побеждает» («Огонек». 07.04.1984).

Из построения заголовков следует, что речь шла исключительно о войне афганского народа. Подобная трактовка укладывается в схему, предложенную в документе «О пропагандистском обеспечении нашей акции в Афганистане». Символически заголовки представляли даже не противопоставление «мы» и «они», а «Афганистан» и «они».

Противопоставление «мы» и «они» было дано лишь в восьми текстах, где Советский Союз представлен как «главный оплот мира»: «Главный оплот мира» («Правда». 15.01.1980), «Афганистан—СССР: плоды добрососедства» («Правда». 27.04.1982), «Искренний друг, надежный партнер» («Правда». 13.08.1984), «Язык друзей» («Правда». 02.09.1984), «Плоды сотрудничества» («Комсомольская правда». 05.12.1985).

В таблице 1 количественно представлена семантическая репрезентация советских солдат в газетах «Правда», «Комсомольская правда», «Правда Севера» и журнале «Огонек». Мы использовали две категории: «ограниченный контингент советских войск» и «воин» — именно так в исследуемых изданиях называли советских солдат.

Таблица 1

Участники войны: 1979—1985 годы

	«Правда»		«Комсомольская правда»		«Огонек»		«Правда Севера»	
	ОКСВ	воины	ОКСВ	воины	ОКСВ	воины	ОКСВ	воины
1979	1		1					
1980	3		3		3	1	3	
1981			1					
1982	1		1		1			
1983						3		
1984				2	1	2		
1985	1		1					1
<i>Итого</i>	6		7	2	5	6	3	1

Термин «ОКСВ» носил нейтральный характер и использовался в основном для определения «военной помощи». Слово «воин» больше подходит для героического дискурса и означает «вооруженного защитника родной земли; бойца и солдата» [16. С. 204]. Как следует из таблицы, чаще всего термин «воины» употребляли журналисты «Огонька», где публиковались репортажи и статьи, и обязательно в контексте раскрытия понятия «интернациональный долг»: «...наш народ приветствует прибытие сюда ограниченных контингентов Вооруженных Сил СССР, он тепло, по-братски встречает советских воинов, понимая, что они находятся в нашей стране лишь для того, чтобы помочь нам отстоять завоевания Апрельской революции от вооруженных наскоков извне», «Вместе с армией ДРА защищали советские воины мирных жителей от душманов...» [17, 18]. Что такое «интернациональный долг», и кто есть «воин-интернационалист», корреспондент «Огонька» Борис Марбанов определяет, цитируя «Памятку советскому воину-интернационалисту», которая вручалась каждому советскому военнослужащему, прибывшему в Афганистан: «...наша страна протянула руку помощи народам дружественного Афганистана, и задача солдата — помочь отразить агрессию империализма извне» [18].

Определить по заголовку аналитической статьи «Шакалы в волчьем логове», что этот текст — об участии ОКСВ в войне, было невозможно,

основной актор в заголовке — противник, хотя именно это и был первый материал, в котором вскользь упоминалось о реальном столкновении советских солдат с моджахедами. Материал выступал как двойное опровержение фактов гибели советского военнослужащего Сергея Афиндулиди и реального вооруженного столкновения с повстанцами, о которых сообщал эмигрантский журнал «Посев». Парадокс заключался в том, что в советском издании появилась правдивая информация о выжившем Афиндулиди, но была произведена подмена понятий — бой произошел во время прохода *мирной* колонны советских солдат. В то время как «Посев» дал достоверную информацию о том, что советские солдаты вместе с армией ДРА участвовали в перехвате лазутчиков из Пакистана и караванов с американским оружием для повстанцев, во время которого якобы и погиб Афиндулиди.

«Шакалы в волчьем логове» был единственным материалом, где советский солдат был назван по имени, в других текстах это были анонимные советские контингенты или «наши войска», чей «интернациональный долг» носил абстрактный характер. Понятие «интернациональный долг» в исследуемых изданиях определялось именно как помощь Афганистану в «отражении агрессии извне» и «защита завоеваний Апрельской революции», что подтверждается статьей «Искренний друг, надежный партнер»: «Воины ограниченного советского контингента, введенного в ДРА по просьбе правительства... не только умело выполняют свой интернациональный долг, помогая нашей стране отражать интервенцию извне против Апрельской революции, но и используют любую возможность, чтобы оказать афганскому народу посильную помощь в налаживании новой жизни» [19].

«Интернациональный долг» в зеркале советских СМИ выглядел практически бескровным: «...пребывание в ДРА советского ограниченного воинского контингента... необходимо для защиты национального суверенитета и территориальной целостности страны перед лицом внешней агрессии» [20]. Боевые успехи в вооруженном конфликте приписывались исключительно афганской армии и мирным жителям. Образ армии ДРА подавался в исследуемых СМИ исключительно с героических позиций, их называли *воинами* и *бойцами*.

Освещение вооруженного конфликта в Афганистане до 1986 года было скоординировано в сторону медийной «афганизации» — показать, что ответственность за ход войны лежит всецело на ДРА, а выполняемый советскими солдатами «интернациональный долг» не приносит жертв: в реальной войне на территории Афганистана участвовали народная армия ДРА и повстанцы, СССР же оказывал «интернациональную помощь».

В 1985 году министр обороны С. Ф. Ахромеев, первый заместитель министра иностранных дел СССР Г. М. Корниенко и заместитель председателя КГБ СССР В. А. Крючков разработали перечень разрешенных к публикации в СМИ сведений о действиях ОКСВ на территории ДРА. Согласно документу разрешалось публиковать информацию об «организации и ходе боевой подготовки, размещении... воинских частей, их повседневную деятельность... не выше батальона», «награждение советских военнослужащих без показа их конкретной боевой деятельности,

послужившей основанием для награждения», не более одного раза в месяц можно было публиковать «отдельные единичные факты... ранений или гибели советских военнослужащих при исполнении воинского долга, отражении нападения мятежников, выполнении заданий, связанных с оказанием интернациональной помощи афганскому народу», «присвоении советским военнослужащим звания Героя Советского Союза, с показом их мужества и героизма, проявленных при оказании интернациональной помощи ДРА» [9].

По-прежнему запрещалось раскрывать участие Советских войск в боевых действиях на территории ДРА от роты и выше, также были запрещены прямые телевизионные репортажи с поля боя.

1986 год стал ключевым в политической истории Советского Союза благодаря XXVII съезду ЦК КПСС. Помимо провозглашения принципов гласности и демократии, войну в Афганистане решено было вести не военным, а политическим путем. Одной из центральных стала тема урегулирования «афганской проблемы». «А мы должны вести дело так, чтобы они (правительство ДРА. — Н. А.) больше брали на свои плечи... Это не наша война», — заявил Михаил Горбачев на заседании Политбюро 26 июня 1986 года [21. С. 601].

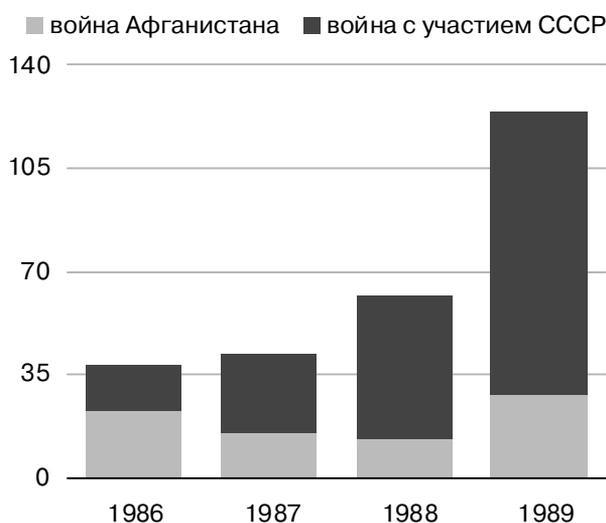

Рисунок 2. «Открытие войны»: 1986–1989 годы

Диаграмма (см. рис. 2) иллюстрирует противоположную первому периоду тенденцию: в исследуемых СМИ повышался процент материалов о войне с участием СССР при колеблющемся, но снижающемся количестве текстов о войне в Афганистане. В заголовках появляется слово «война»: «Командировка на войну» («Комсомольская правда». 23.02.1988), «Домой, с войны» («Комсомольская правда». 07.02.1989), «Про войну» («Комсомольская правда». 09.02.1989), «С войной покончили мы счеты?» («Комсомольская правда». 15.02.1989), «Однажды вечером, после войны» («Комсомольская правда». 17.03.1989), «Спрятанная война» («Огонек». 11.11.1989).

Примечательно, что в этот период именно «Комсомольская правда» и «Огонек» оказались смелее в выборе тем. «Правда» последовательно освещала основные события: мирные переговоры, вывод войск, обстановку в Афганистане после 15 февраля и только спустя семь месяцев, 15 сентября 1989, после официального вывода ОКСВ опубликовала первый материал об «афганцах» — «Афганская боль» — и спустя еще два месяца, 15 ноября, «Не утихает боль Афганская».

Таблица 2

Участники войны: 1986–1989 годы

	«Правда»			«Комсомольская правда»			«Огонек»			«Правда Севера»		
	ОКСВ	воины	ветераны	ОКСВ	воины	ветераны	ОКСВ	воины	ветераны	ОКСВ	воины	ветераны
1986		1			1		2	1				
1987		3		1				4		1		
1988	2	4			5			2			1	
1989	4	2	3	1	8	4			7			3
<i>Итого</i>	6	10	3	2	14	4	2	7	7	1	1	3

В таблице 2 количественно представлены упоминания категорий «ОКСВ», «воины» и «ветераны» в исследуемых СМИ. Мы видим, что «Правда» больше других изданий использует выражение «ограниченный контингент советских войск» как нейтральное наименование советских солдат, практически все издания употребляют слово «воин» или «воин-интернационалист» как характеристики героически выполняемого интернационального долга. В октябре 1986 года «Правда», «Комсомольская правда» и «Огонек» использовали слово «воин», раскрывая информационный повод возвращения из Афганистана первых шести полков — это по-прежнему анонимные солдаты: «С чувством глубокой благодарности за интернациональную помощь афганский народ провожает на Родину советские воинские части... Охрана... дорог — одна из главных задач советских воинов и солдат Афганской народной армии» [22].

В 1987 году чаще всего «Правда» и «Огонек» писали именно о «воинах», продолжая раскрывать на конкретных примерах понятие «интернациональный долг», который солдаты выполняли именно на войне. В текстах появляются реальные персонажи. Если анонимные герои первого периода и 1986 года выполняли абстрактный «интернациональный долг», то солдаты под собственными именами выполнили реальный долг и совершили подвиг. Это были очерк «В час испытания» о подвиге в Афганистане трех солдат («Правда». 04.04.1987) и письма—отклики на очерк, объединенные под заголовком «Я вас в Афганистан не посылал» («Правда». 05.08.1987), а также очерк «Дважды испытан» о герое Советского Союза Руслане Аушеве («Правда». 05.10.1987). Материалы «В час испытания» и «Дважды испытан» сопровождалась фотографиями героев.

В «Правде Севера» в 1987 году под рубрикой «Мы — интернационалисты» вышла заметка «Миссия в Кабуле», рассказывающая о буднях ветерана войны — военного водителя. Герой материала был назван по имени, и текст сопровождался его фотографией. Эта небольшая заметка только приоткрывала войну для архангелогородцев — до этого времени в газете не было опубликовано ни одного материала о солдатах под их собственными именами.

Наиболее полно понятие «интернациональный долг» раскрыл Артем Боровик в серии репортажей «Встретимся у трех журавлей», публиковавшихся в «Огоньке» с 11 по 25 июля 1987 года. Автор привел настоящие фамилии солдат и офицеров, их рассказы о боях, отрывки из солдатских дневников. Война в репортажах А. Боровика предстает в героико-романтической тональности. «Интернациональный долг» понимается как обязанность всех советских людей оказать помощь тысячам, «живущим в нищете, отсталости, почти варварстве» [23]. Как видим, идея героизма явно доминировала в исследуемых СМИ.

В 1987 году стали публиковаться и первые материалы о трудностях, с которыми сталкивались ветераны конфликта, а именно: неприятие и непонимание «интернационального долга» обществом («А что Афганистан?! Туда едут чеков подзашибить, тряпками прибарахлиться, а если повезет — орденочек подцепить на грудь» [24]) и сложности в получении инвалидности. Журналисты этих изданий первыми стали писать о «человеческом долге» перед «афганцами»: обществу предлагалось объединиться, разделить коллективную ответственность за решение ввести войска и за поствоенную адаптацию ветеранов.

Та же тенденция сохранилась и в 1988 году. «Правда» использовала понятие «ОКСВ» в двух публикациях в контексте вывода войск и окончания войны, но, в отличие от первого периода, полнее писала о задачах советских войск в Афганистане: «...ведем перехват караванов с оружием, следующих из Пакистана. Охраняем коммуникации, обеспечиваем проводки транспортных колонн, уничтожаем огневые точки, откуда ведутся обстрелы мирных населенных пунктов» [25].

Превалирующими понятиями, использовавшимися для описания советских солдат, были «воины» и «воины-интернационалисты», в том числе в связи с возвращением войск. «Правда» продолжала писать о «воинах» в контексте уже выполненного «интернационального долга» и обязательно с упоминанием о том, что решение о выводе войск — это «победа нашей перестройки»: «Под защитой воинов-интернационалистов Апрельская революция выжила, обрела жизнеспособность...»; «И еще раз скажем о наших бойцах: эти парни исполнили все, что возложила на них страна. Интернационализм по плечу только патриотам. Бойцы сражались честно» [26]. В том же ключе выступала и «Комсомольская правда»: «Они честно выполнили свой долг, они пошли туда, куда послала их страна, держались героически, пали смертью храбрых»; «Когда вернутся наши войска, мы получим много сильных, нужных людей. Они преданы Родине и социализму» [27]. Важной тенденцией периода «открытия войны» было и то, что в исследуемых СМИ появился синоним понятия

«интернациональный долг» — «воинский долг». Слово «воинский» явно указывало на то, что война в Афганистане действительно «открывалась» обществу: в «Комсомольской правде», «Правде», «Правде Севера» и «Огоньке» тему войны представляли не только заголовки, но и собственно описания подвигов советских солдат в Афганистане с упоминаниями конкретных имен героев, публикацией их фотографий и т. п. Другой аспект понятия «воинский долг» связан с тем, что под ним понималась обязанность защищать Отечество, а значит, война в Афганистане уже не представлялась как исключительно внутреннее дело афганского народа, то есть как гражданский конфликт. Она становилась направлением внешней политики СССР по «защите южных рубежей».

Первым материалом, который, помимо героического описания «интернационального долга» и войны, поставил проблему искажения реальности, а именно — критического анализа «интернационализма», был репортаж А. Боровика «Десант. Севернее Кабула», опубликованный журналом «Огонек». Журналист привел слова солдата: «С третьего класса нам говорят про интернационализм. А к десятому он уже здесь... в крови» [28]. Дальнейшего развития эта мысль не получила. При этом в течение второй половины 1980-х годов все исследуемые СМИ были осторожны в оценке войны именно с участием советских солдат. Важно было не допустить отождествления волюнтаристского решения ввести войска и обязанности солдат выполнять приказ. Война в Афганистане оценивалась именно как политическое событие: критике подвергалось решение о начале войны; ответственности за него новые власти не несли; а солдаты как граждане СССР, действительно выполнившие воинскую обязанность, по-прежнему «требовали особого внимания и заботы» [21. С. 644].

Патетическая риторика изучаемых СМИ в отношении солдат определялась политической логикой. 9 февраля 1988 года в «Комсомольской правде» было опубликовано заявление Генерального секретаря ЦК КПСС М. Горбачева: «Теперь о наших ребятах, о наших воинах в Афганистане. Они честно выполняли и выполняют свой долг, проявляя при этом самоотверженность и героизм. Наш народ глубоко уважает тех, кому довелось нести воинскую службу в Афганистане. Государство обеспечивает им первоочередную возможность получить хорошее образование, интересную, достойную работу. Память о тех, кто погиб в Афганистане смертью храбрых, для нас священна» [29]. На совещании Политбюро 18 апреля А. Яковлев, секретарь ЦК, курировавший вопросы идеологии, информации и культуры, заявил, что «надо показывать, что военнослужащие выполняли свой интернациональный долг», как пояснение целей пребывания ОКСВ в Афганистане, чтобы уход не выглядел как бегство [21. С. 646].

О солдатах писали как о героях: «И еще раз скажем о наших бойцах: эти парни исполнили все, что возложила на них страна. Интернационализм по плечу только патриотам. Бойцы сражались честно. Они с честью возвращаются домой» [26]. «Нынешние ребята в солдатских гимнастерках исполнили свой интернациональный долг... Лучшие из детей

Родины должны быть с ней. Сейчас... так нужны люди сильные, убежденные, умеющие защитить жизнь» [30]. Официальная риторика воспроизводилась и в СМИ.

В 1989 году в советской прессе появилась новая категория — «ветераны» или «афганцы», слова «ограниченный контингент советских войск» стали употребляться все реже: как видно из таблицы 2, это выражение сохранилось лишь в риторике «Правды». Основным информационным поводом стало 15 февраля — день вывода ОКСВ из Афганистана. Журналисты использовали его еще раз, чтобы указать на героизм советских солдат, выполнивших «воинский долг», и на целесообразность ввода войск в Афганистан. Об этом писала «Правда»: «Ввод войск был связан с обеспечением безопасности на наших южных границах» [31]. Как видим, в этом материале автор использует не абстрактную формулировку «интернационального долга» — «защищать завоевания Апрельской революции», а указывает на воинскую обязанность защищать Отечество.

Вывод войск был поводом написать о войне с перечислением подвигов советских солдат: именно так поступали корреспонденты «Правды» и «Комсомольской правды». В материале «Домой, с войны» объяснялась цель подобных публикаций: «Нельзя допустить, чтобы кто-то бросил тень на этих ребят. Они с честью выполнили свой воинский долг» [б. с. 2]. Характерны заголовки материалов из той же газеты за период с 7 по 15 февраля, когда в «Комсомолке» постоянно появлялись репортажи со словом «война» в заголовке: «Домой, с войны», «Про войну», «С войной покончили мы счеты?», что также свидетельствует об «открытии войны» для общества и соответствует понятию «воинский», а не «интернациональный долг». О той же тенденции свидетельствует материал «Правды Севера» «Помним вас, ребята из Афгана», написанный ветераном событий: «Наши парни знали, что выполняют интернациональный долг, вели себя достойно и беззаветно» [32].

После 15 февраля 1989 года проблемы ветеранов по-прежнему привлекали пристальное внимание авторов «Комсомольской правды»: адаптация к мирной жизни, память о войне, реабилитация и получение социальных гарантий, военнопленные. Из десяти текстов, опубликованных в «Комсомольской правде» на темы, связанные с Афганистаном, после 15 февраля, четыре поднимали проблемы «афганцев», а шесть восполняли информационный пробел прошедших лет. Это были дневники, письма и очерки о солдатах: «Верь и жди» (15 февраля), «Однажды вечером, после войны...» (17 марта), «Дневник одной роты» (15 апреля), «Двое на одной войне» (22 апреля), «Хочу рассказать правду об Афганистане» (15 декабря) и «Страшно хотелось жить» (21 декабря).

Все материалы на «афганскую» тему, опубликованные в «Огоньке» в течение 1989 года, были посвящены ветеранам. Это были очерк «Знаешь, как тебя ждали...» (29 апреля) и серия материалов А. Боровика «Спрятанная война» (11 ноября—23 декабря). В первом материале подробно описывалась жизнь ветеранов по возвращении из Афганистана: как они сходятся в клубы, как продолжают борьбу за помещения и льготы. В очерке «Знаешь, как тебя ждали...» журналистка называет ветеранов

и «афганцами», и «воинами-интернационалистами», но больше — «афганцами», и без кавычек.

Слово «афганец», в дальнейшем прочно закрепившееся за воинами-интернационалистами, первой использовала «Комсомольская правда» в материале от 15 февраля 1989 года, посвященном памяти о войне. В газете «афганцы» будут появляться в материалах на темы послевоенной адаптации ветеранов и ответственности общества за их реинтеграцию в социум. В «Правде» это понятие также стало использоваться как синоним слова «ветераны» в материалах, увидевших свет после 15 февраля 1989 года, но чаще с приставкой «парни» или «воины». Основной темой этих публикаций были сложности послевоенной реабилитации участников боевых действий. В «Правде Севера» слово «афганцы» также употреблялось как синоним «ветераны» с той лишь разницей, что единственный текст, фотоочерк, на эту тему («Как “афганцы”») был не о проблемах, а об успешной реинтеграции солдат.

В журнале «Огонек» рассматриваемое понятие появилось в одном из репортажей серии «Встретимся у трех журавлей...» (от 18 июля 1987 года). В нем «афганцами» назывались просто те солдаты, кто пришел из Афганистана в отпуск домой. В следующий раз этот термин появился в очерке «У духов...» в контексте памяти и необходимости «разобраться в том, что происходило там» [33]. В серии А. Боровика «Спрятанная война» слово «афганец» появляется лишь однажды — как характеристика одного из героев. Словосочетание «воины-интернационалисты» автор не упоминает вовсе, но еще раз напоминает, что означал «интернациональный долг»: «Мы должны будем помочь афганскому народу удержать завоевания Апрельской революции и защитить его от кровожадного американского империализма, который вторгся на территорию дружественного нам Афганистана, ставя тем самым под угрозу наши южные рубежи» [34].

В целом можно сделать вывод, что понятие «афганец» стало синонимом не просто солдата, вернувшегося с войны, но ветерана, который не находил себя в мирной жизни, кто вынужден был доказывать, что он воювал, а не «сажал аллеи дружбы». Введенное журналистами в медийный дискурс понятие «афганцы» характеризовало не только принадлежность ветеранов к конкретной социальной группе, но и особое восприятие окружающего мира, отношение к людям. На смену «воинам» приходили «неприкаянные» «воевавшие дети невоевавших отцов» [35].

В завершение скажем о появлении тенденции к дегероизации солдат в исследуемых СМИ. Изначально она проявилась в контексте освещения темы военнопленных и дезертиров. Проблемные материалы на эту тему увидели свет только в «Комсомольской правде» («Заложники войны») и «Огоньке» («Спрятанная война»). В этих текстах поднималась серьезная проблема, которая до этого отрицалась или замалчивалась, — «дедовщина». Но развития эта тема в последующем так и не получила — основное внимание печатные СМИ уделяли ветеранам.

В этом контексте любопытны данные пресс-опроса, проведенного редакцией «Комсомольской правды» в преддверии декабрьского (1989) Съезда народных депутатов СССР. В опросе приняли участие около

15 тысяч человек, почти половину из них составили ветераны. Прежде всего они нуждались в решении жилищного вопроса, восстановлении душевного равновесия и здоровья, поиске своего места в жизни — 66 процентов отметили именно эту задачу как первоочередную. 71 процент признал, что льготы существуют только на бумаге [36].

Показательны и ответы на вопрос «Как вы оцениваете участие наших военнослужащих в афганских событиях?» — они обнаруживают несоответствие мнений самих ветеранов и граждан. 35 процентов «афганцев» считали, что участие в войне являлось выполнением «интернационального долга», 19 процентов — дискредитацией понятия «интернациональный долг» (среди невоювавших граждан этот вариант ответа дали 30 процентов), в то время как 46 процентов тех, не принимавших участия в войне, назвали ее позором.

Видимо, комментарии здесь излишни.

Тот факт, что образ советских солдат—участников войны в Афганистане в основном был представлен в газетах «Правда», «Комсомольская правда», «Правда Севера» и журнале «Огонек» в героическом контексте, неудивителен, как и то, что исследуемые печатные СМИ выполняли роль рупора позиции официальных властей. Гораздо больший интерес представляют различия в содержании и формах репрезентации образа героев войны.

Изначально Советская власть культивировала образ «интернациональной помощи» как справедливой и несущей победу афганскому народу миссии. Понятие справедливости объяснялось в контексте становления нового общества в ДРА и упразднения феодальных устоев. По логике властей (и авторов публикаций в СМИ), для окончательной победы нового режима над старым афганскому народу требовалась помощь более опытного северного соседа — СССР.

Идеология «холодной войны» контролировала политический и медиадискурсы, «упаковывая» восприятие мира в простые черно-белые стереотипы. Цель советской информационной политики состояла в том, чтобы предотвратить публичное обсуждение участия Советского Союза в войне в Афганистане, поэтому угрозам, о которых писали в СМИ, подвергался в первую очередь южный сосед СССР.

Война в Афганистане в исследуемых печатных СМИ была представлена преимущественно как гражданский конфликт, в ходе которого северный сосед оказывал только «интернациональную помощь». Пресса употребляла понятия «ограниченный контингент советских войск» как нейтральную характеристику «военной помощи» и «воин» как определение героически исполняемого «интернационального долга». Лишь в одном материале первого периода советский солдат был назван по имени; во всех остальных текстах «интернациональный долг» выполняли анонимные «воины».

Эту тенденцию мы назвали медийной «афганизацией»; ее целью было доказывать, что ответственность за ход войны лежит на военных силах ДРА.

Медийная «афганизация» определялась политической логикой, а в освещении самой войны в Афганистане регламентировалась официальными документами, руководствами СМИ и, вероятно, устными указаниями «сверху».

Период «открытия войны» второй половины 1980-х годов характеризовался тем, что возросло количество материалов о войне с участием СССР, в заголовках также появилось слово «война». В текстах исследуемых СМИ стали употреблять чаще слово «воин» и реже — «ОКСВ». «Правда» больше других изданий использовала понятие «ОКСВ» как нейтральное наименование советских солдат; категории «воин» и «воин-интернационалист» практически всеми изданиями употреблялись как характеристики героически выполняемого «интернационального долга». В СМИ стали писать о подвигах реальных солдат, публиковать их фотографии. Все это свидетельствовало об «открытии войны». В исследуемых СМИ появился синоним «интернационального долга» — «воинский долг», который можно было трактовать и как воинскую обязанность защищать Отечество. Война в Афганистане постепенно переставала быть внутренним делом афганского народа, но становилась вектором внешней политики СССР по «защите южных рубежей».

После 15 февраля 1989 года в СМИ появилась новая категория — «ветераны» и «афганцы». Слово «афганец» первой употребила «Комсомольская правда» в материале на тему памяти о войне. В «Правде» понятие «афганцы» стало применяться как синоним слова «ветераны» в материалах, опубликованных после 15 февраля 1989 года, но чаще с приставкой «парни» или «воины». В «Огоньке», как и в «Правде Севера», «афганцы» были синонимичны «ветеранам».

В целом понятие «афганец» стало обозначать преимущественно ветерана, не находившего себя в мирной жизни. Это слово появлялось в материалах на темы тяжелой послевоенной адаптации ветеранов и ответственности общества за их реинтеграцию в социум. Лишь «Правда» и «Огонек» коснулись табуированной прежде темы — «дедовщины» в армии.

В исследуемых СМИ регулярно поднимался вопрос об ответственности за решение ввести войска и о начале войны в Афганистане, о поиске виноватых. Но освещение войны в перестроечную эпоху проходило так, чтобы развести два понятия: политическое решение ввести войска и воинский долг, повиновение приказу, воинская обязанность.

Литература

1. **Кассис В., Рашидов К.** Торжество революции // Огонек. 12.01.1980.
2. **Рубцов Ю.** «Афганский синдром»: советское общество и война в Афганистане // Война и общество в XX веке. М.: Наука, 2008. Кн. 3: Война и общество в период локальных войн и конфликтов второй половины XX века.
3. **Goethals G. R., Allison S. T.** Making Heroes: The Construction of Courage, Competence, and Virtue // *Advances in Experimental Social Psychology*. 2012. № 46.
4. **Юнг К. Г.** Архетип и символ. М.: Ренессанс, 1991.

5. **Ван Дейк Т.** Дискурс и власть. Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. М.: Либроком, 2013.
6. **Алимов М., Фронин В.** Домой, с войны // Комсомольская правда. 07.02.1989.
7. **Ляховский А.** Трагедия и доблесть Афгана. М.: Эксмо, 2009.
8. **Громов Б.** Ограниченный контингент. М.: Прогресс–Культура, 1994.
9. **Белоусов И., Качанов А.** Что от нас скрывали? // Труд. 23.06.1992.
10. **Теплинский Л.** История советско-афганских отношений: 1919–1987. М.: Мысль, 1988.
11. **Петров А.** К событиям в Афганистане // Правда. 28.12.1979.
12. Ответы Л. И. Брежнева на вопросы корреспондента газеты «Правда» // Комсомольская правда. 13.01.1980.
13. **Корнилов Ю., Мусин Р.** Юность верна революции // Комсомольская правда. 03.01.1980.
14. О выступлении президента Дж. Картера по телевидению // Комсомольская правда. 06.01.1980.
15. **Браун Р.** Кому выгодна эта ложь? // Комсомольская правда. 06.05.1981.
16. Военный энциклопедический словарь. М.: Эксмо ВЭС, 2007.
17. **Корнилов Ю.** Афганистан в борьбе за новую жизнь // Огонек. 09.02.1980.
18. **Марбанов Б.** Шакалы в волчьем логове // Огонек. 25.06.1983.
19. **Байков В.** Искренний друг, надежный партнер // Правда. 13.08.1984.
20. **Байков В.** Голос масс // Комсомольская правда. 26.04.1985.
21. Отвечая на вызов времени. Внешняя политика перестройки: документальные свидетельства. По записям бесед Горбачева с зарубежными деятелями и другим материалам. М.: Весь мир, 2010.
22. **Сопельняк Б.** Цветы на броне // Огонек. 25.10.1986.
23. **Боровик А.** Встретимся у трех журавлей // Огонек. 11.07.1987.
24. **Студеникин П.** В час испытания // Правда. 04.04.1987.
25. **Окулов В.** В долине у Гардеза // Правда. 16.05.1988.
26. **Горохов А., Окулов В.** Домой // Правда. 16.05.1988.
27. **Лосото Е.** Командировка на войну // Комсомольская правда. 26.02.1988.
28. **Боровик А.** Десант. Севернее Кабула // Огонек. 23.01.1988.
29. Заявление Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева по Афганистану // Комсомольская правда. 09.02.1988.
30. Возвращение домой // Огонек. 28.05.1988.
31. **Глухов Ю.** Подводя черту // Правда. 15.02.1989.
32. **Еремеев Н.** Помним вас, ребята из Афгана // Правда Севера. 23.02.1989.
33. **Чугунова Н.** У духов... // Огонек. 17.09.1988.
34. **Боровик А.** Спрятанная война // Огонек. 23.12.1989.
35. **Руденко И.** С войной покончили мы счеты? // Комсомольская правда. 15.02.1989.
36. После Афганистана // Комсомольская правда. 21.12.1989. ◆

Созидание правового государства

© Мелькумов А.

© Mel'kumov A.

Революционная законность и наши задачи

The revolutionary legality and our tasks

Аннотация. Статья определяет основные задачи деятельности прокуратуры в 1926 году. Дана яркая картина состояния судебных и надзорных органов, правовой грамотности органов власти. Определены основные проблемы укрепления законности в СССР, в том числе на его национальных окраинах, и направления их решения.

Annotation. Article defines the main objectives of activity of prosecutor's office in 1926. The bright picture of a condition of judicial and supervisory authorities is given, to legal literacy of authorities. To Oprah-delny the main problems of strengthening of legality in the USSR, including on its national suburbs, and the directions of their decision.

Ключевые слова. Прокуратура, законность, местные власти, суд, преступление.

Key words. Prosecutor's office, legality, local authorities, court, crime.

Жившие при поздней Советской власти помнят, что Советский Союз был, — по крайней мере, по сравнению с нынешними временами фактической недоступности правосудия для граждан нашей страны, — правовым государством. Правоохранительные органы боролись с преступностью и осуществляли масштабную и интенсивную ее профилактику; суды были профессиональны и (за исключением политических дел) независимы; юридические консультации в целом добросовестно работали за вполне доступные гражданам деньги. Правоохранительная и судебная системы были мало коррумпированы, незаконные приговоры представляли собой редкость, вызывали общественный резонанс и создавали серьезные проблемы для выносивших их судей. Профессиональное юридическое сообщество было добросовестным и стремилось к обеспечению законности.

Но, помня это, мы забываем, каких титанических усилий стоило достижение этого состояния после двух страшных войн и нескольких волн террора, сопровождавшихся деградацией, а часто и озверением как общества, так и представителей власти.

Предлагаемая вашему вниманию статья, написанная на материалах 1925 года, — свидетельство самого начала этой работы.

Только что закончилась Гражданская война; ее зверства свежи в памяти. Значительная часть общества еще лишена политических прав.

Только-только введением новой экономической политики и твердой валюты — «червонца» — обеспечена макроэкономическая стабильность, начато нормальное экономическое развитие. Но восстановление регулярного товарооборота не решает проблему болезненных дефицитов — то товаров, то продовольствия. Страна находится во враждебном окружении, ее слабость очевидна всем и вызывает страх. В политическом руководстве после недавней смерти Ленина идет яростная борьба за власть по принципу «все против всех».

И в этих условиях огромные усилия прилагаются для создания механизма правового государства.

Эти попытки сорвутся еще не раз и не два, похоронив многих из своих участников. Но они будут продолжаться и приведут к успеху, превратив контуженное насилием население под властью людей, считающих, что наказание должно соответствовать не преступлению, а социальному происхождению преступника, в одно из самых гуманных обществ современности.

Государственность еще не сложилась до конца; народные суды не признавались большей частью населения ряда «национальных окраин», предпочитавших шариатские суды и суды аксакалов. Только-только (и неизбежно формально) были отменены калым и «брачное право на воду».

Прокуратуры, порознь созданные в республиках для наблюдения за законностью, еще не были объединены в единую структуру, — и саму эту идею приходилось отстаивать, разъясняя неприемлемость подчинения прокуроров местным и партийным органам.

Представления о законности местных органов власти доходили до введения налога на женщин наравне с коровами при выведении из-под налога свекровей (правда, налог был незаконен и в отношении коров), запрещения уткам плавать в прудах во избежание загрязнения и требования у священников отчета об их деятельности — с признанием ее неудовлетворительной.

Судебных работников катастрофически не хватало, а имеющихся в ряде случаев назначали по принципу непригодности к другой работе. Представления о системности работы органов управления носили зачаточный характер: одни и те же споры разрешались то в судах, то в комиссиях при исполкомах, — и в приведенном примере восемь раз подряд на протяжении полутора лет.

Бюрократизм захлестывал создаваемое «на коленке» государство, — правда, ему мы можем сегодня скорее позавидовать.

И в этих условиях государство четко и последовательно определяло ключевые направления и методы укрепления законности, нарабатывало традиции, обеспечивало взаимодействие смежных органов, вводило правила и стандарты, расширяло масштабы правовой грамотности и правовой помощи в еще неграмотной стране — вплоть до справочных столов при избах-читальнях.

Ясность анализа, честность в определении недостатков, четкость и конкретность поставленных задач — невольно испытываешь зависть при виде этой масштабной целенаправленной работы.

Которая, как мы знаем, увенчалась выдающимся успехом. ◆

Революционная законность и наши задачи

БОЛЬШЕВИК

1926 № 1

Развитие экономических сил Советского Союза, с одной стороны, способствует росту числа нарушений законности, особенно в деревне, а с другой — создает наиболее благоприятные условия для борьбы за законность. Если мы обратимся к массовым растратам и другим видам нарушения законности в городах, а также к «морю беззакония» в нашей деревне, то станет очевидным, что именно в связи с общим экономическим подъемом в городе и деревне, как отрицательное последствие, быстро растут беззаконные действия со стороны определенных социальных групп населения. Вместе с тем этот подъем создает соответствующую обстановку для внедрения революционной законности.

Поворот «лицом к деревне» вскрыл огромную массу беззаконных действий со стороны как отдельных лиц, так и наших низовых советских органов. Именно теперь, когда страна перешла к оживлению деятельности советов, к борьбе за поднятие культурного уровня широких, особенно крестьянских, масс, к изгнанию из наших органов всякого рода произвола и беззакония — вопрос о революционной законности становится важнейшей и злободневной проблемой, требующей от государства огромных сил, средств и энергии.

Многие из местных парторганизаций отмечают, что за последний год работа по проведению революционной законности, благодаря мобилизации партийно-общественного мнения и внимания трудящихся масс, дала определенные результаты. Наряду с этим имеются такие губернии и области, в которых положение еще поныне продолжает оставаться почти по-прежнему без изменения.

Специфичность задач, которые поставлены перед нашей прокуратурой, еще с начала ее возникновения выдвинула необходимость установления единого руководства работой прокуратуры и организации аппарата ее так, чтобы он был построен сверху донизу на принципах строжайшей централизации. Бесспорно, что принцип этот еще поныне продолжает оставаться незаменимым, ибо прокуратура со своей задачей может справляться лишь при условии сохранения независимости ее от местных влияний.

Помимо этого практика и переживаемая обстановка выдвигают необходимость серьезной реорганизации органов прокуратуры. Эта органи-

зация должна выражаться в создании всесоюзной прокуратуры, которая взяла бы на себя функции объединенного руководства работой прокуратур союзных республик, что с точки зрения ревзаконности является существенно необходимым. Организация союзной прокуратуры, безусловно, позволит установить единство в осуществлении всех мероприятий по наблюдению за законностью во всесоюзном масштабе.

После апрельского пленума ЦК и XIV партконференции, безусловно, произошел значительный перелом во взаимоотношениях между парторганами и прокуратурой. Если до этого наблюдалось сплошное вмешательство парторганов в работу прокуратуры, то после указанных директив партии большинством организаций отмечается установление между ними тесной связи и деловых взаимоотношений. Иваново-Вознесенский, Ульяновский, Нижегородский и др. парткомы пишут, что «в борьбе за революционную законность местные партийные и советские органы оказывают полное содействие» органам юстиции. Имеется ряд случаев, когда губкомы (Курский, Калужский, Ив.-Вознесенский и др.) даже за несвоевременное донесение уголовного дела до сведения следственных органов объявляют строгий выговор укому и т. д.

Наряду с этим имеются губернии, особенно нац. окраины, где во взаимоотношениях парторганов с прокуратурой и вообще судебными органами продолжают существовать ненормальности. Парткомы по-прежнему вмешиваются в разбор отдельных дел судебными и прокурорскими органами, берут на себя совершенно ненужные функции по непосредственному осуществлению рев. законности и т. д. В других же губерниях взаимоотношения нарушаются с совершенно иного конца. Здесь мы приведем три наиболее характерных случая, ярко рисующих ненормальные взаимоотношения парторганов с органами юстиции:

1. «Член партии за нанесение побоев и клевету на беспартийного был осужден на один месяц, а отбыл один день: под влиянием ответработников и укома, под предлогом предоставления возможности работать в укове пом. прокурора и нач. исправдома отпускают его. В делах же отмечается, что он отбыл месячное наказание».

2. В мае месяце с. г. нач. уголрозыска убил двух крестьян-сектантов, одного при попытке бежать, другого, как он объяснил потом, за сопротивление и буянство. По мнению милиции, убитые были сектантами-фанатиками, пришедшими освободить арестованных крестьян. И бюро губкома ограничивается тем, что отмечает «нетактичность поступка начальника». С этим постановлением соглашается прокуратура, ограничившись только объяснением начальника милиции. И этим дело кончилось.

3. Одним из членов сельской ячейки был крещен новорожденный ребенок. Бюро волкома это дело поручило милиционеру для выяснения; последний допросил мать ребенка и других, заполнил на всех допрашиваемых полагающуюся при этом анкету: сколько скота, когда родился, где родился и т. д. Следствие милиционер (как он пишет) произвел на основании 99-й статьи Угол.-Проц. Кодекса с предупреждением, что за ложные показания допрашиваемые будут привлечены к ответственно-

сти по 178-й статье Угол. Код. «Жена члена партии Карпова на вопрос, что она еще может добавить, заявила, что если бы она знала, что можно ребенка крестить в вике, она согласилась бы, только чтоб был окрещен ребенок». Вместо того, чтобы вызвать в волком члена партии и выяснить, — дело о крещении ребенка передается в органы милиции для «специального дознания».

Кроме того, мы наблюдаем полнейшее непонимание некоторыми парторганами форм привлечения прокуратуры к общественно-политической деятельности. Так, например, выезжающему в деревню прокурору поручается выступать с докладами по антирелигиозным вопросам перед крестьянскими массами (Тула). Подобный метод общественно-политической работы безусловно следует осудить.

Во многих губерниях прокуроры привлечены в партийные органы в качестве их выборных членов. Около 50 процентов общего числа губ. прокуроров и 24 процента числа уездных пом. прокуроров являются членами выборных парторганов. Кроме этого, почти всюду прокуроры регулярно принимают участие на заседаниях, как бюро парткомов, так и коллегий, их основных отделов. Таким образом, наметившийся перелом в сторону установления тесной связи во взаимоотношениях парторганов с прокуратурой имеет уже в большинстве организаций определенные, конкретные достижения. Перед партией становится теперь, помимо продолжения работы по улучшению взаимоотношений, также принятие целого ряда мер по созданию авторитетной прокуратуры, могущей осуществить возлагаемые на нее задачи по проведению и закреплению революционной законности.

Переходя к практической работе прокуратуры, прежде всего рассмотрим политработу ее. Текущий 1925 год, собственно, не внес особых существенных изменений в задачи прокуратуры по политработе, и она фактически по-прежнему сводится к укреплению связи с массами рабочих и крестьян. Нужно сказать, что политработа прокуратуры, по сравнению с прошлым годом, значительно увеличилась, за что говорит рост числа выступлений прокуроров с докладами и в печати.

Весьма существенное значение в деле непосредственного общения прокуратуры с массами имеет привлечение и правильное использование института общественных обвинителей. Работа прокуратуры в этой области, особенно за текущий год, имеет некоторые достижения. Выступления общественных обвинителей растут, что видно из следующих данных:

В 1923 г. было	2420	выст.
» 1924 г.	8499	
» 1 полугод. 1925 г. было	5670	

Общественные обвинители в своем большинстве — рабочие от станка. Однако следует отметить, что дело организации общественного обвинения далеко еще не закончено и имеет целый ряд дефектов.

Как отрицательный момент следует отметить, что организация общественного обвинения захватила пока лишь город; что касается деревни, то там она находится в зачаточном состоянии.

За истекший год центр тяжести в работе прокуратуры в деревне перенесен на обследование низовых органов власти и на выезды в деревню. Как положительное явление мы наблюдаем, что выезды в большинстве губерний постепенно принимают планомерный характер. Они обыкновенно по мере возможности приурочиваются к моментам расширенных заседаний риков и вигов. Кроме этого, при выездах прокуроры производят обследования деятельности низовых сов. аппаратов.

Помимо этого, посещение деревни дает возможность прокурору на месте принимать и рассматривать непосредственно от крестьян всякого рода жалобы и заявления. Цифры приема и разбора заявлений от крестьян при приездах по отдельным губерниям растут, и выезды прокуроров в деревни постепенно привлекают к себе крестьянские массы.

Наша прокуратура принимает участие в организации юридической помощи деревне. В Череповецкой губ. в текущем году в сельских местностях организовано справочных столов — 24 и юридических кружков — 21; в Пензенской губ. в некоторых уездах, по инициативе прокуратуры, образованы справочные столы при избах-читальнях и юридические бюро — при нарсудах; в Орловской губ. во всех 66 волостях организованы юридические бюро и т. д.

Борьба прокуратуры с нарушением революционной законности местными властями непрерывно усиливается.

Как видно из приведенной ниже таблицы, за истекшее полугодие 1925 г. число опротестованных неправильных постановлений местных властей увеличилось на 47,3 процента по сравнению с предыдущим полугодием.

Период 1922–1923 г.	1 полугод. 1924 года	2 полугод. 1924 года	1 полугод. 1925 года
9019	7833	9603	14150

Увеличение числа протестов прокуратуры вызывается еще предоставлением низовым органам права издания обязательных постановлений, которые подчас противоречат общим законам союза.

Наряду с этим мы наблюдаем усиление борьбы с преступностью должностных лиц. Большинство сообщений с мест подтверждают рост числа дел о должностных преступлениях. По 33 губерниям и 2 областям к прокурорам за июль м-ц поступило 3563 дела о растратах. В Тамбовской губ. число дел о растратах с 1 июля по 1 сентября с. г. возросло на 63 процента; на 1 августа из 4065 находившихся в производстве следственных дел — 1870, т. е. 40 процентов были дела о должностных преступлениях. В Ульяновской губ. во 2-м квартале число дел у следователей было 700 — о растратах 220 957 руб. В Саратовской губ. за 8 мес. 1925 г. возбуждено 328 дел о должностных преступлениях и т. д. Указанный рост дел о должностных преступлениях безусловно доказывает не столько рост числа самих преступлений, сколько увеличение раскрытия их вообще. Надо сказать, что нормальным видом борьбы с должностными преступлениями являются судебные репрессии, но,

к сожалению, эта мера в большинстве мест еще поныне продолжает страдать мягкостью воздействия. Кроме этого, немало случаев, когда подготовка и разбор дела принимают слишком затяжной характер. В борьбе с должностными преступлениями предстоит еще проделать огромную работу, как по дальнейшему усилению раскрытия их, так и по применению более суровых мер.

Если в губернских и уездных центрах в отношении проведения революционной законности наступил перелом, то далеко не та картина наблюдается на периферии: в волости и деревне.

Одним из виков при взимании сельхозналога в три рубля наложен штраф на одного крестьянина за неуплату одной копейки налога к первому сроку.

Сельская ячейка РЛКСМ решила повести антирелигиозную борьбу в своей деревне. На собрании ячейки и культпросвета обсуждали вопрос о сельском священнике, причем вынесли следующее постановление: «Настоящим доводится до вашего сведения, что в связи с вашим предложением о поступлении на должность священника мы, ниже подписавшиеся, резко протестуем, так как война всем попам и приверженцам их и невежеству объявлена. Ваша цель — обмануть темные массы в пользу своего кармана». Это постановление за подписью секретаря ячейки РЛКСМ было вручено священнику. Вмешавшийся в это дело вик приостановил службу в церкви. Через некоторое время поп опять приступил к продолжению службы без «разрешения», за что нач. милиции оштрафовал его на 50 руб. Священник апеллировал через вик и уик, последний отменил это постановление, но вик, однако, не удовлетворившись этим, командировал милиционера для составления описи имущества попа на предмет взыскания штрафа.

В одном из уездов член семьи возбудил ходатайство о разделе и выдаче его доли имущества. Дело это разбиралось 12 февраля 1924 г. в нарсуде, 6 апреля в губсуде, 22 июня в волземкомиссии. 16 июля в уземкомиссии, 17 августа опять в волземкомиссии, 6 сентября опять в уземкомиссии, 30 ноября в Архангельской губземкомиссии, 16 июля 1925 г. опять в уземкомиссии, 20 августа в Архангельской губземкомиссии и наконец 6 сентября в особой комиссии высшего контроля по земельным устройствам. Вот до чего доходит бюрократизм наших органов.

Если мы обратимся к рассмотрению отдельных опротестованных прокуратурой обязательных постановлений низовых сов. органов, то станет ясно, насколько мера согласования проектов обязательных постановлений виков и риков с прокуратурой является целесообразной мерой. Из наиболее характерных обязательных постановлений мы отметим:

1. Постановление Уваровского вика Томской губ. о воспрещении (в целях борьбы с хулиганством) гражданам ходить по улицам с 8 час. вечера до 6 час. утра.

2. Постановление одного из виков Ярославской губ. о воспрещении плавания уток в прудах ввиду того, что оно сопряжено с загрязнением воды.

3. В целях борьбы с неграмотностью воспрещение посещения неграмотными вечеринок и выдачи им документов в виках и сельсоветах (Вологодская губ.).

4. «Изъять налог с каждой коровы 4 коп., с женщины 4 коп., со снохи 8 коп., а свекрови от налога освобождаются, причем сбор этот производится в принудительном порядке» (Саратовская губерния).

5. Постановление Кудринского сельсовета «закрепить в дворах своих свиней и поросят впредь до окончания полевых работ и закрепление в надлежащем порядке изгороди, а также обрезать перья у крыльев домашних птиц — кур, уток, с таким расчетом, чтобы таковые не могли перелетать через огороды».

6. Случай, происшедший в Тарском уезде (Сибирь), где вынесено было постановление об обязанности церковнослужителей дезинфицировать посуду и др. принадлежности при совершении причащения и др. обрядов.

7. Характерный случай привлечения к ответственности священника за разглашение сведений, полученных им на исповеди. В Ново-Николаевском уезде в одном селе священнику запретили ходить с крестом и иконой более 8-ми час. в день. В другом селе сделали еще лучше: вызвали попа в сельсовет для доклада о своей работе, причем сельсовет работу попа признал неудовлетворительной.

Все приведенные примеры, безусловно, свидетельствуют о неграмотности и незнакомстве низовых органов власти с сущностью рев-законности.

Основным тормозом в работе наших судебных органов по осуществлению революционной законности, является плохой качественный подбор работников низовых судебных органов и тяжелое материальное положение как аппарата суда, так и его работников. Число нарсудов и следственных участков очень ограничено.

Нарсуд подчас чисто физически не в силах удовлетворить все запросы масс, в особенности деревни, так как один народный суд на 40—70 тысяч сельского населения, при радиусе в 80—100 верст, обслуживать деревню не может. Выезды для разбора дел в сельских местностях почти не бывают, так как, помимо недостатков средств, суды не справляются с работой в тех 2—3 укрупненных волостях, которые входят в их районы. «Большое зло, мешающее нашим нарсудам завоевать симпатии крестьян, — это отдаленность нарсуда от деревни, вследствие которой крестьянам приходится идти за несколько десятков верст на суд» — так освещает положение Архангельская губ. партконференция.

Постоянное повышение числа поступающих дел над разрешаемыми создает непрерывный рост загруженности нарсудов делами, которые подчас лежат без всякого движения по 6 мес., и до 1 года. Надо сказать, что загрузка не всегда образуется исключительно вследствие плохой пропускной способности нарсудов. Напротив, несмотря на рост числа поступающих в нарсуды дел, число разрешенных дел в большинстве мест также возрастает. Данные НКЮ свидетельствуют о том, что «в 1923 г. в среднем на участок нарсуда разрешалось 693 дела, в 1924 г. —

795 дел. Число оконченных уголовных дел в 1923 г. в отношении всех уголовных дел, бывших в производстве нарсудов составляло 85 процентов, в 1924 г.—88 процентов; по гражданским в 1923 г.—81 процент, и в 1924 г.— 82 процента».

Не следует забывать, что, помимо непосредственной работы, нарсудьи еще втянуты в различные комиссии: земельные, налоговые, по делам несовершеннолетних, административные и т. д., а также несут обязанности по общественной работе: постановке показательных процессов, оказанию юридической помощи, популяризации советского права и пр.

Загруженность наших судей и следственного аппарата подчас вызывается также тем, что им приходится заниматься делами более мелкого характера, которые могли бы с успехом рассматриваться и разрешаться третейскими судами или единолично нарсудьями. Необходимо поставить вопрос об образовании третейских судов на предмет передачи им целого ряда дел более мелкого характера. Также нужно, чтобы дела, не имеющие большого и важного значения, по мере возможности рассматривались нарсудьями единолично в порядке объезда деревень и сел без нарзаседателей.

Имеющиеся при губернских, областных и краевых судах дисциплинарные коллегии заняты рассмотрением дел о проступках и неправильных действиях судебных работников, имевших место.

Однако все это не свидетельствует о реальных результатах осуществления революционной законности, ибо беззаконие в национальных деревнях процветает, и низового судебного аппарата фактически во многих нац. окраинах не существует. Из материалов Узбекистана видно, что «низового судебного аппарата почти не существует, и он не пользуется популярностью. В Кашко-Дарьинской области в некоторых местах партиячейки сами подрывают авторитет суда, освобождая из-под ареста заключенных без ведома прокуратуры и т. д.» На нац. окраинах нам предстоит еще огромная работа по закреплению рев. закона. Мы не забываем, что здесь дело с проведением ревзаконности усугубляется еще целым рядом влияний национальных, бытовых и племенных условий, которые очень часто являются тормозом в практическом осуществлении сов. строительства вообще. Однако в практической работе все эти препятствия должны быть преодолены.

Если в отношении прокуратуры мы наблюдаем иногда не совсем серьезный подход со стороны местных органов к подбору работников, то в отношении подбора судебных работников дело на местах обстоит еще хуже. Можно установить массу случаев, когда в судебные органы посылаются работники, которых просто использовать негде. Объясняется это еще и тем, что тяжелое материальное положение судорганов отбивает охоту и желание у работников идти туда и заняться полезной с точки зрения осуществления ревзаконности работой.

Затем — вопрос о подготовке и переподготовке работников для судебных органов и прокуратуры. Здесь требуется, во-первых, улучшение материального положения и состава существующих юридических курсов, а также положительное разрешение вопроса о некотором расшире-

нии сети вузов по подготовке новых сил для органов юстиции. Местным партийным и советским органам нужно также изменить свою политику в отношении подбора работников суда. Надо посылать туда действительно полезных работников, умеющих с точки зрения осуществления революционной законности выполнять возлагаемые на судебные органы задачи. Кроме этого, при подборе судебных работников следует иметь в виду необходимость постепенного выдвижения из крестьян и из членов РЛКСМ товарищей, могущих быть полезными работниками для органов суда.

Успешность проведения и закрепления революционной законности, таким образом, зависит от разрешения следующих задач:

1. Качественный подбор работников аппарата прокуратуры и суда на местах.

2. Увеличение сети низовых судебных и прокурорских органов с целью приближения их к главному источнику — «морю беззакония» в деревне.

3. Улучшение материального положения судебных и прокурорских органов и их работников на местах.

4. Мобилизация общественного мнения вокруг вопросов революционности и вовлечение широких рабочих и крестьянских масс в дело борьбы за законность.

Эти задачи должны стоять в центре внимания будущей работы наших как центральных, так и местных советских и партийных органов. ◆

Когда есть выбор...

© Щелчков А. А.

© Shelchkov A.

Когда есть выбор...

When Choice Exists...

Аннотация. Рецензия посвящена анализу содержания коллективной монографии, подготовленной сотрудниками Института Латинской Америки РАН и посвященной политическим процессам в этом регионе. В книге представлены общие и страноведческие главы, описывающие электоральные системы и политическую борьбу в латиноамериканских государствах на протяжении последнего десятилетия. Рецензент дает высокую оценку содержанию монографии.

Annotation. The review is devoted to analyze the monograph, written by the scholars from the Institute of Latin America of the Russian Academy of Science. The authors explore the political processes, which take place in the region. Some of the chapters are devoted to analyze the general problems and the others to the problems of concrete Latin American countries. The scholars' attention is focused on electoral systems and political struggle in Latin America of the last 10 years. The reviewer highly appreciates the content of the monograph.

Ключевые слова. Латинская Америка, электоральные системы, демократия, электоральное законодательство, выборы, партийно-политические системы, политическая стабильность, «третий путь», демократический транзит, «социализм XXI века».

Key words. Latin America, electoral systems, democracy, electoral legislation, elections, political systems, political stability, "Third way", democratic transit, "Socialism of the 21st century".

Коллектив Института Латинской Америки РАН подготовил и выпустил в свет работу, посвященную политическим процессам в этом регионе. В книге представлены общие и страноведческие главы, описывающие электоральные системы и политическую борьбу в латиноамериканских государствах на протяжении последнего десятилетия. Новый труд отечественных латиноамериканистов дает комплексное представление о политических процессах, определяет общие закономерности и особенности отдельных стран. Принципиальные различия избирательных систем и политических традиций, определяемые историческими путями каждой из стран, отличительные черты социально-экономического развития обуславливают предпочтительно страноведческий принцип изложения материала, обоснованно избранный авторами коллективной монографии.

ЩЕЛЧКОВ Андрей Аркадьевич — ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, доктор исторических наук.

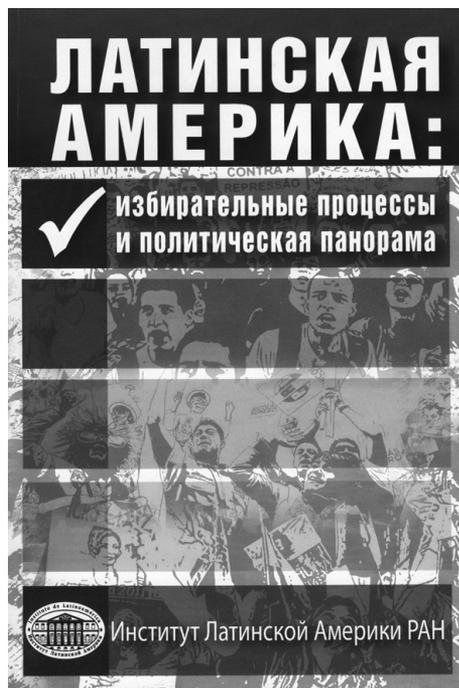
В центре их внимания — особенности государственного строя, электоральных процедур, партийно-политических систем в странах Латинской Америки. Во многих из них в эти годы были проведены конституционные реформы, порой радикально изменившие государство и механизмы демократии. В книге подробно анализируются динамика политической борьбы, результаты правления тех или иных сил и партий, выборы различных уровней.

Авторы предлагают разделение политических режимов в регионе в последнее десятилетие на три группы: леворадикальные, провозглашающие своей целью строительство «социализма XXI века»; правоцентристские, придерживающиеся в общих чертах неолиберальной модели экономики; умеренные левоцентристские, сохраняющие приверженность рыночной экономике и представительной демократии (см. С. 257—259). Страны первой группы (Боливия, Венесуэла, Эквадор), отмечается в книге, провели радикальные реформы конституций, предполагавшие создание нового общественного строя, провозглашавшие прямое участие масс в политической жизни. Этот тип режимов определяется как плебисцитарная демократия (см. С. 21)

Важной частью работы является анализ различий и особенностей избирательных законов и практик, уменьшающих политическую фрагментацию (заградительные барьеры для прохождения в парламент, как в Колумбии, или биномиальная система — как в Чили) или предоставляющих особые права меньшинствам, прежде всего гарантирующие представительство коренных народов (см. С. 29—35). Латиноамериканский опыт во многом уникален, так как представляет собой практику демократических реформ и политической модернизации в условиях очень сложных обществ, нередко обремененных архаическими и традиционными общественными структурами с расовыми и этническими противоречиями.

Представляется адекватным вывод, сделанный З. В. Ивановским об успехах и проблемах демократического транзита, пережитого странами региона в последние 30 лет: «политическая модернизация привела к установлению электоральной демократии», но «проблема демократии не сводится к электоральным процессам, обеспечению

Латинская Америка:
избирательные процессы
и политическая панорама /
отв. ред. З. В. Ивановский.
М.: ИЛА РАН, 2015. 274 с.

преемственности власти и политической стабильности». Для консолидации демократии, отмечает он, необходимо сочетание укрепления политических институтов, благоприятных социально-экономических факторов и совершенствования политической культуры, причем нельзя забывать и о национальной психологии и традициях (см. С. 38).

Главу, посвященную Бразилии, можно отнести к числу лучших в сборнике. Помимо подробного описания и анализа политической борьбы в этой крупнейшей стране Латинской Америки, автор (Л. С. Окунева) поднимает важнейший и общий для всего региона вопрос о кризисе уже сложившейся в последние десятилетия политической системы, которая возникла в результате демократического транзита. Речь идет о поиске «третьего пути», не связанного с доминирующими партиями (см. С. 56).

Латиноамериканский опыт во многом уникален, так как представляет собой практику демократических реформ и политической модернизации в условиях очень сложных обществ, нередко обремененных архаическими и традиционными общественными структурами с расовыми и этническими противоречиями.

Анализ аргентинской экономической и политической модели, сформированной в годы после дефолта и кризиса 2001—2002 годов, дан в главе, подготовленной Н. М. Яковлевой. Автор отмечает достижения и противоречия модели развития, основанной на усилении роли государства в экономике и разрастании полномочий исполнительной власти. Политический стиль перонистского руководства страны состоит в использовании финансовых возможностей государства и административного ресурса для гарантирования политической лояльности средств массовой информации, во внедрении единомыслия и постоянного моделирования внутреннего конфликта как способа решения политических проблем (см. С. 93—94). Первоначальные успехи администрации К. Фернандес де Киршнер были сведены на нет экономическими трудностями и оппозицией среднего класса, особенно в крупных городах, прежде всего в Буэнос-Айресе. На фоне кризиса и распада старой партийной системы в Аргентине родилась оппозиция, опирающаяся на уличный протест, ставший серьезным препятствием для стабилизации режима «персоналистского гиперпрезидентства» (см. С. 99).

Большой интерес при исследовании демократического транзита в Латинской Америке представляют процессы демократизации поли-

тической системы в Мексике, рассмотрению которого посвящена глава Ю. И. Визгуновой. В этой стране, одной из крупнейших и экономически мощных стран региона, после почти 70-летнего правления Институционно-революционная партия (PRI) провела политические реформы, которые разрушили ее монополию на власть и привели к демократизации всей общественно-политической жизни. После 12-летнего перерыва PRI в 2012 году вернулась к власти, одержав верх на конкурентных демократических выборах. За минувшие годы она проделала эволюцию от корпоративной, национал-реформистской партии к социал-реформистской, популистской. Как утверждается в книге, «на выборах в Мексике отразилась сложная и неоднозначная эволюция общественных отношений в условиях глобализации XXI в.» (С. 125). Нельзя не согласиться с автором, что сегодня представляется маловероятной реставрация старого корпоративно-авторитарного режима PRI (см. С. 137). В нынешней ситуации партия вынуждена искать союзников, формировать коалиции, договариваться со своими оппонентами для проведения реформ (см. С. 133). Анализируя политические процессы на левоцентристском фланге, представленном Партией демократической революции (PRD), Ю. И. Визгунова предупреждает об опасности раскола, который уже становится фактом (см. С. 135). Опыт Мексики особенно интересен для российского читателя, поскольку систему власти PRI нередко сравнивают с политической системой современной России.

В последнее время на слуху у российского читателя находятся и события в Венесуэле, ставшей партнером и союзником России в этом регионе. Политическим процессам в этой стране посвящены главы, подготовленные Э. С. Дабагяном и З. В. Ивановским. Рубежом, разделяющим эти главы, является смена в президентском дворце в Каракасе, произошедшая после смерти отца «боливарианского социализма» Уго Чавеса в 2013 году. Ситуация в Венесуэле в последние два года характеризуется острым экономическим и политическим кризисом, страна расколота фактически на две равные части сторонников режима и его непримиримых противников. З. В. Ивановский отмечает противоречивые действия властей и оппозиции, сменяющих примирительный тон на ужесточение позиции. Автор отмечает, с одной стороны, усиление влияния военных в системе управления постчавистским режимом, а с другой — появление опасности для власти со стороны части армии, недовольной левым курсом, экономической политикой и антиамериканской ориентацией правительства (см. С. 154—161). Венесуэла сегодня представляет собой, пожалуй, самый нестабильный режим в регионе; вместе с тем от исхода противостояния в этой стране зависит внешне- и внутривнутриполитическое положение союзных с ней государств, приверженцев «социализма XXI века», — прежде всего Боливии, Эквадора и Никарагуа.

События в еще одной стране, Чили, всегда встречали у нас не только интерес, но и чувства соучастия и солидарности. Глава, посвященная Чили, представляет подробную панораму событий, анализирует

основные политические тренды в этой стране. Чилийский вариант перехода к демократии вызывает дискуссии как в профессиональном сообществе, так и в общественной среде, так как ставит важные вопросы справедливости, наказания за преступления диктаторского режима, мирного, легального пути трансформации и торжества права. В этом смысле чилийский опыт уникален. Не случайно основное внимание автора главы Л. В. Дьяковой сосредоточено на политической борьбе и реформах последних лет, когда после долгого периода левоцентристской коалиции «Согласие во имя демократии» к власти в Чили в 2010 году пришли правые партии, в том числе и сторонники генерала А. Пиночета, наследники ушедшей диктатуры. Правые не смогли удержать власть более одного президентского срока С. Пиньейры, и на выборах в 2013 году победу одержала обновленная коалиция социалистов, демохристиан и других партий «Новое большинство», в которую впервые вошла также компартия Чили (КПЧ). Убедительная победа М. Бачелет, казалось, создавала предпосылки для политической реформы, прежде всего избирательного законодательства. Оно фактически навязывало стране двухпартийную систему, гарантируя противостоящим сторонам примерно одинаковое представительство в парламенте, создавая тем самым непреодолимые препятствия для внесения изменений в конституцию, принятую еще при Пиночете. Как отмечает Л. В. Дьякова, чилийское общество устало от двух доминирующих партийных коалиций; возникают новые политические движения, требующие реформ. Удастся ли М. Бачелет удовлетворить эти требования и провести необходимые реформы — вот главный вопрос политической жизни Чили сегодня. Автор главы высказывает опасение, что включение компартии в состав правящей коалиции может привести к ее внутреннему кризису, а для коммунистов грозит утратой их идентичности (см. С. 193). Это явно не соответствует реальным историческим традициям КПЧ, всегда выступавшей за политический компромисс и умевшей сохранять свое политическое лицо во всех межпартийных союзах (начиная с Народного фронта 1930-х годов).

Глава, рассматривающая колумбийскую проблематику (автор — З. В. Ивановский), предлагает анализ особого варианта политического развития на континенте, мало похожего на соседние страны региона. В Колумбии преобладает правый тренд в настроениях электората (правые набирают около 70 процентов голосов на выборах) на фоне не прекращающегося уже многие десятилетия вооруженного конфликта с левыми партизанами, контролирующими отдельные районы страны (см. С. 222). Как отмечает автор, в Колумбии «партийно-политическая структура остается крайне атомизированной, в политическом спектре преобладают правые и центристские партии, а влияние левой оппозиции минимально» (С. 218). Главной задачей политического истеблишмента Колумбии остается достижение мирного соглашения с повстанцами, не исключается и реформа Консти-

туции 1991 года для дальнейшей демократизации политической системы.

Одной из привлекательных сторон монографии, безусловно представляющей интерес для самого широкого читателя, являются главы, посвященные политическим процессам в таких редко освещаемых на страницах прессы государствах, как Гватемала, Сальвадор, Парагвай, Коста-Рика и Панама.

Охват практически всех стран континента и ограниченность объема публикации заставили авторов прибегнуть к своего рода «справочному» стилю, тогда как читатель вправе ожидать более развернутой аргументации и рассуждений. Иногда в материалах недостает деталей и важной информации: мало назвать ту или иную партию левой, правой или центристской с соответствующими вариациями, хотелось бы узнать и об истоках, идейно-политических принципах тех или иных политических движений. Порой авторы вводят в оборот понятия и термины, почерпнутые из местных политических реалий, не заботясь о необходимости их разъяснения для непосвященного читателя (например: «этнокасеризм» в Перу — *см. С. 83—84*). Или рассуждают как о само собой разумеющихся вещах, не вдаваясь в объяснения их сути, — как, скажем, о необходимости политической реформы в Бразилии, не расшифровывая, в чем именно она должна состоять (*см. С. 70*). На наш взгляд, не всегда оправдано и использование ряда политических терминов российского происхождения для описания латиноамериканских политических процессов и реалий. Примером может служить применение термина «партия власти» (*см. С. 137*) по отношению к правящим партиям некоторых латиноамериканских стран, которые, в отличие от нашего Отечества, не создавались властью, а завоевывали ее.

В заключительной главе монографии предлагается классификация политических режимов на континенте, отмечаются структурные изменения в обществе, рост среднего класса, укрепление демократических традиций. Вместе с тем за прошедшие годы заметны общая тенденция разочарования старыми как левыми, так и правыми партиями, появление неопопулистских движений, формирование авторитарных и гиперпрезидентских режимов, ставших результатом деградации традиционных политических партий. Автор главы З. В. Ивановский предлагает характеристику «социализма XXI века» как гибридного режима, отличающегося как от демократии, так и от классического авторитаризма, что некоторые политологи называют соревновательным авторитаризмом (*см. С. 254*). Обращаясь к феномену «левого поворота» в Латинской Америке, автор отмечает, что не следует преувеличивать преобладание левых на политической арене стран континента, где левые приходили к власти в острой конкурентной борьбе и чаще всего побеждали с минимальным отрывом от своих правых оппонентов, что порождало феномен «разделенной власти» (*см. С. 258*). Торжество демократической практики в целом, порой отсутствие альтернативной

социально-экономической модели развития способствовали эволюции как правых, так и левых в сторону центра (см. С. 261). И в перспективе, считает автор, на континенте будут преобладать центристские режимы.

Следует отметить, что данная работа вышла почти одновременно с также изданным Институтом Латинской Америки РАН справочником по электоральному законодательству и политическому представительству [1], который можно рассматривать как ценное приложение к данной монографии. Обе книги представляют большой интерес для специалистов и всех интересующихся политическим развитием Латинской Америки.

Хотелось бы поздравить коллектив ученых ИЛА РАН с фундированной, серьезной научной работой, которая, несомненно, найдет своего читателя, послужив, возможно, отправной точкой для дальнейших исследований.

Литература

1. **Ивановский З. В.** Латинская Америка: электоральное законодательство и властные структуры : справочник. М.: ИЛА РАН, 2014. ◆

	<p>Абонемент на журнал 79255 (индекс издания)</p> <p style="text-align: center;">Свободная Мысль (наименование издания)</p> <p style="text-align: center;">на 2015 год по месяцам:</p> <table border="1" style="width: 100%; border-collapse: collapse; text-align: center;"> <tr><td>1</td><td>2</td><td>3</td><td>4</td><td>5</td><td>6</td><td>7</td><td>8</td><td>9</td><td>10</td><td>11</td><td>12</td></tr> <tr><td></td><td>X</td><td></td><td>X</td><td></td><td>X</td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td></tr> </table> <p>Куда _____ (почтовый индекс) (адрес)</p> <p>Кому _____ (фамилия, инициалы)</p>	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12		X		X		X										
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12																		
	X		X		X																								
	<p style="text-align: right;">Доставочная карточка</p> <p>на журнал 79255 (индекс издания)</p> <p style="text-align: center;">Свободная Мысль (наименование издания)</p> <table border="1" style="width: 100%; border-collapse: collapse; text-align: center;"> <tr> <td style="width: 15%;">Стои- мость</td> <td style="width: 15%;">подписки доставки</td> <td style="width: 20%;">__руб. __коп. __руб. __коп.</td> <td style="width: 50%;">Количество комплектов:</td> </tr> </table> <p style="text-align: center;">на 2015 год по месяцам:</p> <table border="1" style="width: 100%; border-collapse: collapse; text-align: center;"> <tr><td>1</td><td>2</td><td>3</td><td>4</td><td>5</td><td>6</td><td>7</td><td>8</td><td>9</td><td>10</td><td>11</td><td>12</td></tr> <tr><td></td><td>X</td><td></td><td>X</td><td></td><td>X</td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td></tr> </table> <p>Куда _____ (почтовый индекс) (адрес)</p> <p>Кому _____ (фамилия, инициалы)</p>	Стои- мость	подписки доставки	__руб. __коп. __руб. __коп.	Количество комплектов:	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12		X		X		X						
Стои- мость	подписки доставки	__руб. __коп. __руб. __коп.	Количество комплектов:																										
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12																		
	X		X		X																								

	<p>Абонемент на журнал 79255 (индекс издания)</p> <p style="text-align: center;">Свободная Мысль (наименование издания)</p> <p style="text-align: center;">на 2015 год по месяцам:</p> <table border="1" style="width: 100%; border-collapse: collapse; text-align: center;"> <tr><td>1</td><td>2</td><td>3</td><td>4</td><td>5</td><td>6</td><td>7</td><td>8</td><td>9</td><td>10</td><td>11</td><td>12</td></tr> <tr><td></td><td>X</td><td></td><td>X</td><td></td><td>X</td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td></tr> </table> <p>Куда _____ (почтовый индекс) (адрес)</p> <p>Кому _____ (фамилия, инициалы)</p>	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12		X		X		X										
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12																		
	X		X		X																								
	<p style="text-align: right;">Доставочная карточка</p> <p>на журнал 79255 (индекс издания)</p> <p style="text-align: center;">Свободная Мысль (наименование издания)</p> <table border="1" style="width: 100%; border-collapse: collapse; text-align: center;"> <tr> <td style="width: 15%;">Стои- мость</td> <td style="width: 15%;">подписки доставки</td> <td style="width: 20%;">__руб. __коп. __руб. __коп.</td> <td style="width: 50%;">Количество комплектов:</td> </tr> </table> <p style="text-align: center;">на 2015 год по месяцам:</p> <table border="1" style="width: 100%; border-collapse: collapse; text-align: center;"> <tr><td>1</td><td>2</td><td>3</td><td>4</td><td>5</td><td>6</td><td>7</td><td>8</td><td>9</td><td>10</td><td>11</td><td>12</td></tr> <tr><td></td><td>X</td><td></td><td>X</td><td></td><td>X</td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td></tr> </table> <p>Куда _____ (почтовый индекс) (адрес)</p> <p>Кому _____ (фамилия, инициалы)</p>	Стои- мость	подписки доставки	__руб. __коп. __руб. __коп.	Количество комплектов:	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12		X		X		X						
Стои- мость	подписки доставки	__руб. __коп. __руб. __коп.	Количество комплектов:																										
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12																		
	X		X		X																								

ISSN 0869-4435

Подписной индекс 79255